

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2016. Vol. (19). Is. 3. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr Krinko Evgeny – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

PhD Shadrina Alla – Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Assistant Editor)

PhD Vlaskina Nina – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dr Dzhandzhugazova Elena – Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Dr Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Dr Tyumentsev Igor – Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000, Sochi, Russian Federation
Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 22.09.2016.
Format 21 × 29,7.

Typeface Georgia.
Accounting sheets 6,4.
Printing sheets 9.
Order № 19

© Russkaya Starina, 2016

Издается с 1870 г.
ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2016. № 3 (19). Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Джанжугазова Елена – Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **Научная электронная библиотека** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru

Подписано в печать 22.09.2016.
Формат 21 × 29,7

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 6,4. Усл. печ. л. 9.

Заказ № 19

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом “Исследователь”» –
Academic Publishing House *Researcher*

© Русская старина, 2016

C O N T E N T S

Articles and Statements

Dynamics of socio-demographic processes in the Tobolsk province in the second half of XIX – early XX centuries Igor S. Tomilov	157
From the laboratory to the All-Union Center: the development of an experienced tobacco growing in the Kuban region in 1909–1930s Anna P. Paraskevopulo	165
On the history of one teachers' family in a Cossack village. To the 150th anniversary of the Cossack village Neftyanaya Vladimir I. Shchipin	175
Extrajudicial Reprisal against the Cossacks of Stanitsa Elanskaya in 1929–1930 (Investigation of an Archival Case) Andrei V. Venkov	182
Soviet and German plans and forces at the beginning of the fighting in the Kuban region in August 1942 Ilya V. Kiselev	200
Database of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory: Compilation Experience and Statistical Analysis Utash B. Ochirov	218
Review of Sources and Literature on the Activities of the Crimean Partisans during the Great Patriotic War Denis A. Akhremenko	240

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 19, Is. 3, pp. 157-164, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.19.157
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 314.012(571.12)

Dynamics of socio-demographic processes in the Tobolsk province in the second half of XIX – early XX centuries

Igor S. Tomilov

Tobolsk complex scientific station, Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation
Y. Osipov street 15, Tobolsk, Tyumen region, 626152
E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Abstract

Social status played a huge role in the society of pre-revolutionary Russia, reflected in almost all aspects of life. Formed over centuries, the legislation of the Russian Empire has allocated four basic classes: nobility, clergy, urban inhabitants and rural inhabitants (farmers). By the late XIX – early XX centuries the social structure, in general, had finished its formation, but not in all regions this process went evenly. The article analyses, by the example of Tobolsk province, the estate composition of its residents in the late Imperial period. On the basis of the legislative acts, historical documents and bibliographic works, it was reflected the dynamics of demographic development (population, marriages, deaths, natural and artificial growth, life expectancy), changes in the number and position of basic social categories (commoners, merchants, military, clergy, peasants, exiles, etc.). The study has involved techniques and methods of interdisciplinary, local, systemic, structural-functional, diachronic, problem-chronological approaches. As a whole, the obtained results allow estimating the impact of the Russian economic recovery on the development of the social structure of the studied area in the designated time frame.

Keywords: social status, estate, structure, modernization, Tobolsk province, city, demography, economy, late Imperial period, the social life of.

Введение

Историческая и культурная традиции исследования городского общественного быта продиктованы потребностью объяснить особенности систематически упорядоченной жизнедеятельности сформированной общности и места человека в ней. При исследовании социального развития городского населения особое значение приобретают проблемы сословной структуры и демографических процессов. Данная работа посвящена

рассмотрению динамики обозначенных явлений под воздействием экономических и правовых трансформаций.

Материалы и методы

При изучении проблемы были использованы материалы географо-статистических изданий, экономические обзоры и другие научные труды. В основу исследования заложены такие принципы исторического познания, как историзм, комплексность, объективность и научная достоверность. Системный подход в рамках данного исследования находит применение в анализе социально-демографического положения как единого комплекса взаимосвязанных компонентов. Сложность изучаемого объекта обуславливает необходимость применения междисциплинарного подхода, наработок в области социологии, политологии, демографии, культурологии и других дисциплин. Локальный подход используется для идентификации региона в общеимперском пространстве, определении характерных черт края. Структурно-функциональный подход позволяет выделить объект изучения как отдельное явление с присущими ему специфическими особенностями. Проблемно-хронологический метод отражает изменение компонентов объекта в исторической динамике под воздействием трансформирующихся условий среды (законодательство, экономика и т. д.). Метод периодизации (диахронный) используется для выявления изменений объекта (демографии, социального положения) во времени, при установлении условий и моментов его трансформации. При обработке количественных данных потребовалось привлечь статистические методы.

Обсуждение и результаты

В Тобольской губернии к началу 1860-х гг. проживало 1 087 614 чел., из которых на жителей городских поселений приходилось 77 456 человек (или 7,1 %, доля горожан в среднем по стране, для сравнения, составляла около 8 %) [1, 2]. В 1897 г., по данным первой всероссийской переписи, число жителей края достигло 1 433 043 человек, из них 87 351 горожан, или 6,1 % населения региона. В целом, в России к концу XIX в. в городах проживали 16,8 млн человек, а их удельный вес в составе населения равнялся 13,4 %. В развитых капиталистических странах этот показатель варьировался от 37,4 и 48,5 % (во Франции и Германии, соответственно) до 72 % (в Англии) [3].

В вопросах брака ситуация также была неоднозначной. К 1880 г. в губернии зафиксировано 74 250 горожан, в течение года заключено 514 браков. Таким образом, коэффициент брачности, определяемый как отношение количества заключенных браков к численности городского населения, равнялся 6,9 %. Спустя почти 3 десятилетия, в 1909 г. при населении в 131 тыс. человек и 813 официально зарегистрированных браков коэффициент понизился до 6,2 % [4].

Высоким на протяжении пореформенного периода (вторая половина XIX – начало XX вв.) оставался уровень детской смертности. Это было обусловлено недостатком квалифицированной врачебной помощи, негативным состоянием санитарных и гигиенических условий городского быта, а также слабой осведомленностью жителей об основных мерах ведения здорового образа жизни. Кроме этого, современники событий относили к причинам высокой степени летальности среди детей частые эпидемии тифа, дифтерита и скарлатины, неудовлетворительное качество питьевой воды [5]. В группу риска, в которой была высока ранняя смертность, входили дети двух возрастных категорий – до года и от 1 до 5 лет.

Не благоприятствовал росту продолжительности жизни и климат губернии. Например, болотистость нижнего посада Тобольска, в отсутствие надлежащих санитарно-гигиенических мер и лекарственных препаратов, способствовала распространению заболеваний. В среднем продолжительность жизни составляла: в целом для горожан – 31,94 года, для годовалых младенцев – 49,86 лет, для детей, доживших до 5 лет – 52,18, до 10 лет – 56,44 лет, для 15-летних подростков – 55,11 лет [6].

В.П. Шпалтаков отмечал фактическое отсутствие естественного прироста населения в большинстве городов Западной Сибири в середине XIX в. По мнению ученого, это свидетельствовало о слабости экономической основы дореформенного сибирского города [7]. Можно согласиться с Ю.М. Гончаровым, который пишет: «В Сибири, как

и в России в целом, вплоть до начала XX в. сохранялась глубоко архаичная структура причин смертности, которая формировалась под решающим воздействием внешних факторов среды, мало зависящих от возраста, и обуславливала высокую смертность в детских и молодых возрастах. Еще не стали достаточно зрелыми экономические, социальные, культурные и ментальные предпосылки перехода к новому, “экономному” типу смертности, когда она в большей степени оказывается результатом действия внутренних факторов, порождаемых естественным развитием и старением человеческого организма» [8].

В течение 20 лет, в 1890–1900-е гг. (за исключением 1902 г.), отмечался устойчивый естественный прирост (для сопоставления, в Томской губернии он фиксировался уже с 1879 г.). В 1890-е гг. отмечалась положительная тенденция – городское население незначительно росло. Однако уровень смертности в городах превышал рождаемость. Поэтому население региона в естественном отношении росло в основном за счет селян, в то время как прирост горожан был обусловлен увеличением искусственного (миграционного) притока. Прирост горожан Тобольской губернии в этот период находился в границах 5–7 % (для Восточной Сибири в 1896–1915 гг. – 6,4 %). Причем наметилась явная тенденция в темпах среднего ежегодного немеханического прироста: в 1893–1900 гг. – 1,8 %, в 1900–1905 гг. – 3,4 %, в 1906–1910 гг. – 4,8 %, в 1911–1914 гг. – 5 % [9, 10].

Сословный состав горожан был окончательно оформлен в результате городской реформы последней четверти XVIII в. Согласно «Жалованной грамоте городам» 1785 г., он включал 6 разрядов: настоящие городские обыватели, купцы, гости, именитые граждане, цеховые ремесленники и посадские. Последние две категории позднее стали именоваться мещанами, обозначавшим основную массу жителей. Для зачисления в это сословие необходимо было владеть в пределах городской черты недвижимым имуществом, заниматься ремеслом или торговлей, регулярно платить налоги и нести общественные повинности [11]. Регулярно занимавшиеся ремеслом мещане переходили в статус цеховых, которые в сибирских городах не были замкнутой корпорацией.

С приходом модернизационных преобразований XIX в. произошло изменение роли мещан, ставших привилегированным сословием, а уже в предреформенные годы – самым многочисленным сословием Тобольской губернии: 47,5 % горожан причисляли себя к мещанам по итогам X ревизии 1858 г. Наибольшую долю сословие составляло в Тюмени (68,1 %) и Таре (68,6 %), наименьшую – в «крестьянском» Ялуторовске (19 %). Несмотря на значительные ограничения имущественным цензом, мещане имели возможность быть избранными в городские органы управления. Активное участие в общественной жизни приносило для них свои плоды, как правило, в небольших городах, где дворянство и купечество было малочисленным, и представители от мещан составляли большинство в учреждениях самоуправления [12].

Именитое гражданство, трансформированное в 1832 г. Николаем I в звание почетного гражданства, предоставляло ряд привилегий: освобождало от рекрутской повинности, телесных наказаний, подушного сбора и пр. [13]. В сословной иерархии эта категория занимала промежуточное положение между стоявшим выше дворянством и находившимся чуть ниже купечеством.

Ввиду малочисленности дворянства в городах Тобольской губернии ведущую роль в жизни общества заняло торгово-промышленное сословие – купечество. Городская реформа 1785 г. выделила купечество в отдельное сословие, разделив его на основе имущественного признака на три гильдии. Закрытая для «случайных людей» на протяжении длительного времени, эта категория населения во второй половине XIX в. стала утрачивать свои особенности, и под давлением либеральных реформ, изменений в социально-экономической жизни общества начала правовое сближение с другими сословиями. С 1863 г., после выхода «Положения о пошлинах на право торговли и других промыслов», для причисления к купцам человек уплачивал патентные и билетные сборы, получая особое гильдейское свидетельство. На основании документа он относился к одной из двух оставшихся гильдий, приписывался к какому-либо городу и мог официально заниматься торгово-промышленными делами. Право именоваться купцом имел только человек, купивший гильдейское свидетельство, при этом возможностью сохранять свое

старое звание пользовались немногие – причисление к купечеству приносило с собой значительные привилегии [14].

Отличие представителей купцов 2-й гильдии от 1-й заключалось в ограничении суммы принимаемого подряда (до 15 тыс. руб.) и сохранении некоторых запретов в оптовой торговле [15, 16]. К концу XIX в., с принятием «Положения о государственном промысловом налоге» приобретать гильдейские свидетельства для возможности заниматься предпринимательской деятельностью стало необязательным. Теперь достаточно было купить промысловое свидетельство. Это обуславливала политика правительства по внедрению подоходно-прогрессивного налогообложения предпринимательства [17].

В силу исторически сложившейся колониальной политики правительства в отношении Сибири особой группой населения для тобольских городов стали военные. Систематическое формирование этой категории берет начало с преобразований Петра I. Источником пополнения государственной регулярной армии в разряде нижних чинов стали податные сословия – крестьяне и мещане. Ввиду большого срока службы (изначально пожизненный, затем – 25 и 20 лет), новоявленные солдаты утрачивали связь с прежним состоянием, становясь профессиональными военными. Юридически они не были закреплены ни за одним из существовавших 4 сословий. Однако такое положение имело весомые преимущества (освобождение от всех податей и иных государственных повинностей). До военной реформы Александра II основным способом комплектования армии была рекрутская повинность. С начавшимися крупными преобразованиями, в 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, в рамках которой лиц 20-летнего возраста выборочно, независимо от происхождения, призывали в действующую армию на срок не более чем на 6 лет с зачислением впоследствии в запас и ополчение. При этом уволившись в запас лица продолжали оставаться в военном сословии. Новый закон, с одной стороны, разрушал отдельное воинское сословие, а с другой породил многочисленные разновидности отставных солдат [18].

Еще одной характерной для Сибири группой населения стали казаки, имевшие важнейшее значение при освоении края. Особенностью данного разряда стало то, что формально они относились к «сельским обывателям», а по роду службы и обязанностям – к иррегулярным войскам. Официально казаков относили к разновидности военного сословия, отличавшегося от всех других своей замкнутостью и относительной изолированностью.

Отдельным сословием являлось духовенство, в массе своей православное. Игравшие первостепенную роль в духовной жизни обывателей, и оказывавшие на них весомое влияние, священнослужители одновременно являлись частью общества, жившего по светским законам государства, и в то же время – закрытой религиозной кастой, ориентировавшейся, в первую очередь, на догматические каноны христианства. Духовенство как надежная опора самодержавия и неизменный сторонник идеи монаршей власти, периодически привлекалось к проводимым правительством преобразованиям. Ограниченная реформами Петра I и Екатерины II, Русская православная церковь стремилась вернуть себе утраченные допетровские позиции управления в различных сферах жизни общества, но прочно укрепившиеся административные органы уже не позволили духовной власти доминировать над светской.

Особыми группами населения, не являвшимися сословиями, стали переселенцы и ссыльные. На протяжении более трех веков Сибирь являлась местом ссылки, как для уголовных, так и для политических преступников. Согласно С.К. Патканову, лишь в 1823–1862 гг. за Урал этапом было отправлено порядка 356 тыс. человек [19]. Имея сословную принадлежность, такие люди были вынуждены принимать на себя еще одну разновидность социального статуса. Согласно официальным источникам, численность ссыльных в 1860-е гг. была незначительной, и не превышала 1–2 тыс. человек. Однако на деле их было гораздо больше. Субъективность данных обуславливалась существующим порядком, разрешавшим ссыльным причислять себя к городским сословиям. Они активно пользовались предоставленным правом, попадая в официальную статистику в составе какой-либо иной категории. В период с 1846 по 1878 гг. в Тобольскую губернию из 22 европейских регионов России переселилось более 43 тыс. человек, число ссыльных в крае к 1878 г. превысило 59 тыс. человек [20]. Революция 1905–1907 гг. и последующие

довоенные процессы существенно увеличили их численность на территории губернии. Например, в Таре к 1911 г. каждый четвертый житель (27 %) был из числа ссыльных [21]. Представители этой категории часто занимались содержанием продуктовых лавок, мастерских, парикмахерских, культурно-просветительской деятельностью.

Другой своеобразной группой оказались разночинцы, чей правовой статус был расплывчатым. Как правило, к ним причислялись группы населения, из-за стечения обстоятельств не попавшие ни в одно другое сословие, или временно находившиеся в промежуточном состоянии (отпущенные на волю крепостные, канцеляристы, государственные крестьяне, временнообязанные и др.). Существование разночинцев было удобным для правительства в разрядной политике и, несмотря на официальное упразднение в 1841 г., продолжали существовать из-за несовершенства сословной структуры. В законодательстве этот термин не имел юридического хождения, хотя регулярно попадал на страницы официальных статистических документов.

К малочисленным, но влиятельным группам горожан относились чиновничество и дворянство, в значительной степени совпадавшим. Из-за практически полного отсутствия помещичьих земель дворяне занимались государственной службой в различных ведомствах. В целом, чиновничество не имело четко ограниченного правового статуса и зависело от иерархической структуры аппарата управления. При этом само его состояние тоже не было стабильным – чиновник мог являться одновременно дворянином и военным, стать купцом, перейти в разряд разночинцев или мещан.

Несмотря на свою традиционную сельскую «прописку», весомую долю городского населения составляли крестьяне. Во второй половине XIX в. значительно возросли темпы урбанизации, население поступательно росло. В результате этого усилился отток крестьян в города на поиски стабильного заработка, где они со временем оседали. В правовом отношении крестьянство находилось в самом низу сословной лестницы, уступая даже мещанам.

В процентном соотношении по городам губернии распределение сословий было неравномерным. Численность той или иной категории населения зависела от функционального назначения и ремесленной специализации города. Крестьяне чаще встречались в сельскохозяйственных районах (Ишим, Курган, Ялуторовск, Тюкалинск), мещане и купцы – в торговой Тюмени, дворяне и чиновники – в «канцелярском» Тобольске [22].

Выводы

Социальная структура населения городского общества Тобольской губернии к началу XX в. претерпела существенные изменения. На протяжении десятилетий происходили процессы выделения, преобразования, смены статуса и положения социальных категорий. Исследование разнообразных источников по этому вопросу осложняется смешиванием различных категорий населения, что приводит зачастую к несопоставимости ряда данных и противоречивости полученной информации. Тем не менее, на основании проведенного исследования можно утверждать, что в зависимости от трансформации общероссийской и внутрирегиональной экономической конъюнктуры происходят изменения и в сословно-социальной структуре. Естественно, как и любой значимый неоднозначный проект, преобразования в разной степени касались положения тех или иных категорий. Накладывал свою специфику и региональный компонент, выразившийся в патриархальности образа жизни, традиционной ментальности горожан, а также развитии транспортной инфраструктуры и удаленности края от центральных областей страны.

Примечания:

1. Ильин В. Статистические сведения по Тобольской губернии за 1861 год // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 39. С. 262.
2. Турчанинов Н.В. Население Азиатской России. Статистический очерк // Азиатская Россия. Изд. в 3 т. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб.: Издательство «Товарищество А.Ф. Маркс», 1914. С. 67.

3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. 1899-1905. В 89 т. Т. 78. Тобольская губерния. СПб.: Издательство Центрального статистического комитета МВД, 1905. С. 8, 13-14.
4. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул: Азбука, 2006. С. 109.
5. Головачев П.М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1905. С. 271.
6. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 2000. 45 с.
7. Шпалтаков В.П. Динамика численности и структура городского населения Западной Сибири в дореформенный период (1795–1860 гг.) // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. 3 Всесоюзного семинара, г. Омск, май 1979 г. Вып. 2. Томск: Издательство Томского университета, 1982. С. 71.
8. Гончаров Ю.М. Брачность, рождаемость и смертность в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. Сб. науч. ст. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2003. С. 16.
9. Головачев П.М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь... С. 270–271.
10. Статистика Российской империи. Т. LXVI: движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. СПб.: Типография «Друкарь», 1907. С. 250.
11. Гончаров Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX–XX вв. // Города Сибири XVIII – начала XX вв. Сб. науч. ст. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2002. С. 39.
12. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Азбука, 2012. С. 23.
13. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в... С. 11.
14. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: Издательство Томского ун-та, 1975. С. 47.
15. Высочайше утвержденное Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 38. № 39118. СПб.: Государственная типография, 1866. С. 3–15.
16. Высочайше утвержденное Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 40. № 41779. СПб.: Государственная типография, 1867. С. 157–175.
17. Высочайше утвержденное Положение о государственном промысловом налоге // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 18. № 15601. СПб.: Государственная типография, 1901. С. 489–515.
18. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в... С. 12–13.
19. Патканов С.К. Очерк колонизации Сибири. Сб. избранных материалов. Тюмень: Издательство Ю. Манярики, 1999. С. 197.
20. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. С. 456–457, 464.
21. Обзор Тобольской губернии за 1911 г.: Приложение к всеподданнейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1911 г. Тобольск: Типография губернского правления, 1913. С. 27.
22. Павлов А. 3000 верст по рекам Сибири: Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень: Типография К. Высоцкого, 1878. С. 37.

References

1. Il'in V. Statisticheskie svedeniya po Tobol'skoy gubernii za 1861 god // Tobol'skie gubernskie vedomosti. 1861. № 39. S. 262.

2. Turchaninov N.V. Naselenie Aziatskoy Rossii. Statisticheskiy ocherk // Aziatskaya Rossiya. Izd. v 3 t. T. 1. Lyudi i poryadki za Uralom. SPb.: Izdatel'stvo «Tovarishchestvo A.F. Marks», 1914. S. 67.
3. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. / pod red. N.A. Troynitskogo. 1899-1905. V 89 t. T. 78. Tobol'skaya guberniya. SPb.: Izdatel'stvo Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD, 1905. S. 8, 13-14.
4. Goncharov Yu.M., Ivonin A.R. Ocherki istorii goroda Tary kontsa XVI – nachala XX vv. Barnaul: Azbuka, 2006. S. 109.
5. Golovachev P.M. Sibir': Priroda. Lyudi. Zhizn'. M.: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina, 1905. S. 271.
6. Sagaydachnyy A.N. Demograficheskie protsessy v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. Avtoref. dis. ... d.i.n. Novosibirsk, 2000. 45 s.
7. Shpaltakov V.P. Dinamika chislennosti i struktura gorodskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v doreformenny period (1795–1860 gg.) // Problemy istoricheskoy demografii SSSR: sb. st. 3 Vsesoyuznogo seminar, g. Omsk, may 1979 g. Vyp. 2. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1982. S. 71.
8. Goncharov Yu.M. Brachnost', rozhdanost' i smertnost' v gorodakh Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Naselenie, upravlenie, ekonomika, kul'turnaya zhizn' Sibiri XVII – nachala XX v. Sb. nauch. st. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. S. 16.
9. Golovachev P.M. Sibir': Priroda. Lyudi. Zhizn'... S. 270–271.
10. Statistika Rossiyskoy imperii. T. LXVI: dvizhenie naseleniya v Evropeyskoy Rossii i v dvukh guberniyakh Sibiri: Eniseyskoy i Tobol'skoy za 1902 g. SPb.: Tipografiya «Drukar'», 1907. S. 250.
11. Goncharov Yu.M. Soslovnnyy sostav gorodskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX–XX vv. // Goroda Sibiri XVIII – nachala XX vv. Sb. nauch. st. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. S. 39.
12. Goncharov Yu.M. Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. Barnaul: Azbuka, 2012. S. 23.
13. Goncharov Yu.M. Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v... S. 11.
14. Rabinovich G.Kh. Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo un-ta, 1975. S. 47.
15. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o poshlinakh za pravo trgovli i drugikh promyslov // Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (dalee – PSZRI). Sobr. 2. T. 38. № 39118. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1866. S. 3–15.
16. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o poshlinakh za pravo trgovli i drugikh promyslov // PSZRI. Sobr. 2. T. 40. № 41779. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1867. S. 157–175.
17. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o gosudarstvennom promyslovom naloge // PSZRI. Sobr. 3. T. 18. № 15601. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1901. S. 489–515.
18. Goncharov Yu.M. Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v... S. 12–13.
19. Patkanov S.K. Ocherk kolonizatsii Sibiri. Sb. izbrannykh materialov. Tyumen': Izatel'stvo Yu. Manyariki, 1999. S. 197.
20. Yadrintsev N.M. Sibir' kak koloniya. Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1882. S. 456–457, 464.
21. Obzor Tobol'skoy gubernii za 1911 g.: Prilozhenie k vsepoddanneysheму otchetu nachal'nika Tobol'skoy gubernii za 1911 g. Tobol'sk: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1913. S. 27.
22. Pavlov A. 3000 verst po rekam Sibiri: Ocherki i zametki iz skitanii po beregam Tury, Tobola, Irtysha i Obi. Tyumen': Tipografiya K. Vysotskogo, 1878. S. 37.

УДК 314.012(571.12)

**Динамика социально-демографических процессов
в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.**

Игорь Сергеевич Томилов

Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН,
Российская Федерация
626152, Тюменская область, г. Тобольск, ул. им. Ю. Осипова, 15
E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Аннотация. Социальный статус человека играл огромную роль в обществе дореволюционной России, отражаясь практически на всех сторонах жизни. Формировавшееся на протяжении столетий, законодательство Российской империи выделило 4 основных сословия: дворяне, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (крестьяне). К концу XIX – началу XX вв. социальная структура в целом закончила свое формирование, однако не во всех регионах этот процесс шел равномерно. В статье на примере Тобольской губернии проведен анализ состояния сословного состава горожан к началу и в ходе позднеимперского периода. На основе законодательных актов, исторических документов и библиографических трудов отражена динамика демографического развития (численность населения, брачность, смертность, естественный и искусственный прирост, продолжительность жизни), изменения численности и положения основных социальных категорий (мещане, купечество, военные, духовенство, крестьяне, ссыльные и др.). Исследование потребовало привлечения приемов и методов междисциплинарного, локального, системного, структурно-функционального, диахронного, проблемно-хронологического подходов. В целом, полученные результаты позволят судить о влиянии общероссийского экономического подъема на становление социальной структуры исследуемого региона в обозначенных временных рамках.

Ключевые слова: социальный статус, сословие, структура, модернизация, Тобольская губерния, город, демография, экономика, позднеимперский период, общественный быт.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 19, Is. 3, pp. 165-174, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.19.165
www.ejournal15.com

UDC 94

From the laboratory to the All-Union Center: the development of an experienced tobacco growing in the Kuban region in 1909–1930s

Anna P. Paraskevopulo

Krasnodar state Institute of culture, Russian Federation
40-years Victory street 33, Krasnodar city, Krasnodar Krai, 350072
E-mail: lysu-anna@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the first decades of the history of the one of the oldest research institutions in Krasnodar region, the experienced leader of tobacco cultivation in the USSR. The author examines the genesis of the Institute of tobacco growing in the context of large-scale social and political transformations, the contribution of individual scientists in the development of its scientific and organizational activity.

On the basis of archival documents, periodicals, works of the Institute employees, the author has reconstructed the main stages of development (from the laboratory to one of the leading research institutions in the country), areas of research, and methods of promotion of agricultural knowledge among the population.

Keywords: Krasnodar region, tobacco, research institutions, the Institute of tobacco cultivation, scientific and educational activities.

Введение

История одного из старейших научных учреждений Кубани связана с появлением в регионе во второй половине XIX в. табаководства. Изучение основных этапов становления и развития Института табаководства (в разные годы называвшегося по-разному) происходило в рамках издания юбилейных сборников. В середине 1970-х гг. была завершена рукопись подробного исторического очерка, написанного бывшим директором Всесоюзного института табака и махорки Г.М. Псаревым [1]. Ее материалы легли в основу труда, посвященного 100-летию института [2]. Основное внимание уделялось направлениям научных исследований. Деятельность института в той или иной степени затрагивалась в ряде работ по истории науки, культуры и образования юга России.

В рамках данной статьи будет рассмотрен процесс превращения региона в крупнейший центр опытного табаководства в СССР в контексте экономических и политических трансформаций.

Материалы и методы

Источниковая база работы включает делопроизводственную документацию, труды сотрудников Института, периодическую печать. Используются материалы Государственного

архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) и Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). В качестве методов исследования применены сравнительно-исторический и историко-генетический.

Обсуждение и результаты

В пореформенный период в Кубанской области и Черноморской губернии наряду с другими сельскохозяйственными культурами начинают активно расширяться плантации табака. Первые табачные посевы в районе Анапы в 1860-х гг. принадлежали турецкоподданным грекам. Высокая доходность новой отрасли вскоре привлекла к ее освоению казаков, армянских и русских переселенцев [3]. Первые исследовательские работы, посвященные проблемам табаководства, были проведены в 1865 г. вблизи Анапы. К 1866 г. в Кубанской области насчитывалось семь индивидуальных табаководческих плантаций [4]. За 1865–1878 гг. площадь табачных плантаций Северного Кавказа увеличилась более чем в 30 раз. Рост происходил главным образом за счет Черноморского округа и предгорных районов Кубанской области [5]. К концу XIX в. на долю региона приходилось более половины всего общероссийского сбора табака высших сортов.

Развитие табаководства в немалой степени способствовало экономическому освоению Черноморской губернии. Как отмечает А.М. Зайцев, производство табака было трудоемким занятием, но в то же время его плантации не занимали много места и располагались обычно около водных источников. Агрокультурный уровень табаководческих хозяйств был очень низок, в основном применялись приемы, известные в Турции. По качественным показателям табаки с черноморского побережья превосходили кубанские, что объясняется ростом табачного производства на побережье и снижением его на Кубани. Потребителями черноморского табака были известные предприятия «Лаферм» в Санкт-Петербурге, «Габай» и «Дукат» в Москве, фабрики Асмолова и Кушнарера в Ростове-на-Дону. О развитии производства табака, его высокой товарности говорит увеличение количества табачных плантаций: 1909 г. – 1785, 1910 г. – 2133, 1914 г. – 2770, 1916 г. – 3110 [6].

Первые шаги в создании специального научного учреждения по селекции и семеноводству табака в регионе связаны с частными начинаниями И.Д. Пигита. Он основал в 1891 г. в Москве табачную фабрику «Дукат», которая была четвертым табачным предприятием Москвы, насчитывавшим в разное время от 250 до 1000 рабочих. Сырье для своей фабрики Пигит получал из Симферополя, Сухуми, Ялты, Кишинева, Бердянска и Екатеринодара. В качестве перевалочного пункта использовался большой склад табака в Бахчисарае. Для снабжения фабрики кавказскими табаками и выведения новых сортов в 1899 г. предполагалось основать Кубанскую опытно-хозяйственную плантацию. Продукция, выпускавшаяся фабрикой, была очень хорошего качества. За успешное участие продукции «Дуката» во Всемирной выставке в Париже в 1900 г. И.Д. Пигит был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие». Кроме успешного сбыта продукции в Москве, фабрика наладила торговые отношения более чем с 50 городами России. Заграничные рынки также интересовались экспортом изделий с фабрики «Дукат». Надо отметить, что в XIX – начале XX в. экспорт российской табачной продукции был значительным [7].

В 1909 г. И.Д. Пигит представил в Главное управление земледелия и землеустройства докладную записку, в которой излагал свою оценку табаководства и табачной промышленности в России и предлагал устроить в Кубанской области опытную табачную плантацию, на что выделял из своего капитала 25 тыс. рублей. Эта инициатива была одобрена, а организация опытного дела на Кубани поручена специалисту по табаководству С.А. Эгизу. Свои исследования С.А. Эгиз начинал на Лохвицкой опытной табачной плантации, составил смету расходов и штат сотрудников. Уже в 1910 г. вблизи станицы Черниговской была заложена первая казенная табачная плантация с присвоением ей имени дарителя «Кубанская им. И.Д. Пигита опытно-хозяйственная табачная плантация» [8].

Центром научно-исследовательских работ должна была стать лаборатория, для организации которой в 1911 г. приглашен из Санкт-Петербурга почвовед А.В. Отрыганьев (руководил научным учреждением в 1914–1923 гг., а затем стал заведующим отделом

полеводства). А.В. Отрыганьев, окончивший Новоалександрійский институт сельского хозяйства и лесоводства (одно из первых в Европе и России высших сельскохозяйственных учебных заведений), с 1908–1910 гг. работал под руководством профессора П.С. Коссовича над проблемами применения удобрений в сельском хозяйстве [9]. В 1911 г. Екатеринодарская городская дума вынесла решение об отводе из городских земель 5 десятин, расположенных рядом с городской рощей им. Чистякова (на этом месте центр научного табаководства находится и в настоящее время). Строительство основных зданий Екатеринодарской лаборатории опытного табаководства (ЕЛОТ) было закончено в 1914 г. В этом же году были развернуты и первые исследовательские работы в районе станицы Баканской. В последующие годы опыты проводились и в других станицах, расположенных вдоль линии железной дороги Краснодар – Новороссийск.

Одновременно со строительством комплектовались скромные штаты лаборатории табаководства. В первые годы после образования ее структура состояла из ботанического и бактериологического (вскоре переименованное в ферментативное) отделения, химической лаборатории и полеводческого отделения с земельным участком. Численность научного персонала без директора составляла всего пять человек. В течение многих лет в лаборатории табаководства работали выдающиеся ученые, получившие мировую известность. В числе первых исследователей почвенного покрова предгорной части Кубанской области и Черноморского побережья был почвовед, руководитель химической лаборатории ЕЛОТ Я.Я. Витынь (ученик и последователь В.В. Докучаева). После революции Витынь продолжил исследования почв всей территории Кубани в рамках работы Совета обследования и изучения Кубанского края. В 1917 г. А.В. Отрыганьев принимает на работу молодого практиканта ботанического отдела А.Ф. Бучинского, впоследствии одного из ведущих на Кубани специалистов в области селекции табака.

Первая мировая, а затем и Гражданская войны поставили лабораторию табаководства в тяжелые условия. В этот период ее работа выходила за пределы специальных научных исследований в области табаководства. Желая получить субсидию от правительства в сложное время, директор А.В. Отрыганьев подчеркивал в послании члену Кубанского краевого правительства по делам земледелия от 13 января 1918 г., что «хотя Лаборатория табаководства и является специальным научным опытным учреждением по табаководству, но работы ее в значительной мере охватывают и общие сельскохозяйственные вопросы, и вопросы по основному естественноисторическому исследованию края. В этом отношении ею исполнено: обследование почв 3-х отделов Кубанской области и закончена сводка материалов по характеристике климата всей Кубанской области. В 1918 г. Лаборатория табаководства должна стать во главе крупной опытной организации по постановке опытов с подсолнечником, в состав которой входит, кроме постоянных опытных участков (лаборатория табаководства, войсковая сельскохозяйственная школа, Кубанская войсковая опытная станция и другие) – до 60-ти участков. В химической лаборатории в большом масштабе произведены исследования общего сельскохозяйственного характера: подверглись анализу образцы хлебов, свеклы, подсолнечника разных мест Кубанской области. Кроме того, выполнен ряд работ для нужд военного ведомства в связи с деятельностью местного артиллерийского завода» [10].

Еще в то время, когда юг России находился вне советской «орбиты», в центре страны проводилась работа по формированию организационной структуры научных учреждений. Централизованное руководство научно-исследовательскими учреждениями естественнонаучного профиля возлагалось на опытный отдел Наркомата земледелия, который объединил в своем составе ряд ликвидированных дореволюционных ведомств, имевших отношение к сельскому хозяйству. Все расходы на их содержание возлагались на госбюджет, а руководство на местах осуществлялось областными комитетами (впоследствии – управлениями). Планирующая руководящая роль впоследствии должна была быть предоставлена Государственному институту опытной агрономии [11].

После окончательного установления советской власти на Кубани в 1920 г. действия местных органов управлений в отношении научных учреждений были направлены на привлечение ученых к решению актуальных социально-экономических задач. Эту тенденцию можно проследить по содержанию распоряжений и отчетов Кубано-Черноморского областного земельного управления. В постановлении Кубано-

Черноморского исполкома от 18 декабря 1920 г. подчеркивалась, что опытные учреждения по сельскому хозяйству и сельскохозяйственной промышленности по характеру своей деятельности должны быть отнесены к разряду научных и ударных. Было создано бюро опытного дела при областном земельном отделе, в ведение которого отнесены Кубанская областная сельскохозяйственная станция, Краснодарская лаборатория опытного табаководства, Ейская районная сельскохозяйственная опытная станция, Анапская опытная станция виноградарства и виноделия, Сочинская опытная станция. Без ведома и соглашения бюро местные учреждения, организации и должностные лица не имели право вмешиваться в деятельность выше перечисленных научных учреждений. Их потребности в научном, хозяйственном, продовольственном и социальном обеспечении должны были, согласно постановлению, удовлетворяться хозяйственными учреждениями в первую очередь после воинских нарядов и требований. В помещениях и на территориях опытных учреждений разрешалось проживать лишь рабочим и служащим этих учреждений, а также их семьям. Все имущество не подлежало никаким реквизициям и отводу для постоя войск [12].

Ценным приобретением для лаборатории, переименованной в 1920 г. в Институт опытного табаководства (переданный в ведение Высшего Совета народного хозяйства) [13], стал известный в России почвовед А.А. Шмук. В 1921 г., оставив кафедру земледелия Московского сельскохозяйственного института, Шмук переехал в Краснодар на кафедру агрономической химии молодого вуза – Краснодарского сельскохозяйственного института (КСХИ). Лекции молодого ученого, получившего прекрасную школу экспериментальной химии, пользовались большим успехом. Успешно совмещая педагогическую и научно-исследовательскую деятельность, А.А. Шмук возглавил химическую лабораторию Института табаководства, а позже, в 1923 г. стал его директором. С 1929 г. А.А. Шмук – заместитель директора института по науке. А.А. Шмуку принадлежит около 200 научных трудов. Являясь основоположником химии табака, он разработал ряд методов, нашедших применение как в агротехнических опытах по изучению почв, так и в биохимических исследованиях по изучению биологии растений. В 1932 г. им разработана технология получения лимонной кислоты из махорочного сырья. В 1935 г. Шмуку присуждена ученая степень доктора сельскохозяйственных наук, а в 1938 г. он избран академиком Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. В 1940 г. ученый перешел на работу в институт биохимии АН СССР, оставаясь научным консультантом химического отдела Института табаководства [14].

Первые результаты научных исследований на Кубани, начатые еще до революции, были представлены на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в Москве в 1923 г. В выставке приняли участие все научные учреждения региона. Кубано-Черноморской области было отведено отдельное пространство. Собранные экспонаты должны были раскрыть потенциал и научные достижения Института табаководства. На выставке были представлены картограммы, карты, планы и таблицы развития табаководства, результаты опытов, применимые для использования местными хозяевами-практиками, издания. Из экспонатов промышленного характера: коллекции табачных семян, гербарий главных сортов, изделия из прядильных растений [15]. С целью широкой пропаганды среди населения задач и целей выставки были задействованы местные печатные издания. Все события сельскохозяйственной выставки освещались корреспондентами крупнейшей кубанской газеты «Красное знамя» [16].

В 1926 г. создается периферийная опытная сеть в различных районах страны. Научными сотрудниками ведутся почвенно-агрономические обследования районов возделывания табака, изучаются природные условия. Большое внимание уделяется работе селекционного отдела, который в разное время возглавляли профессора А.П. Паламарчук, А.Ф. Бучинский, В.Н. Космодемьянский. Важной задачей селекции были исследования по замене популярных сортов более высокопродуктивными и качественными. Создаются и внедряются в производство новые сорта табака сортотипов Трапезонд, Тык-Кулак, Самсун и Дюбек, выведенные из материала местных табачных популяций, имевшихся у плантаторов Кавказа и Крыма [17].

Еще в дореволюционное время агрономическая помощь населению была частью работы научных учреждений, однако в советский период она приобретает большие

масштабы. Как отмечает историк науки О.Ю. Елина, первый специальный отдел для практической работы – отдел применения – возник при Харьковской областной опытной станции в 1912 г. Его деятельность признали успешной, подобные отделы открыли или запланировали открыть на других областных станциях. Голод начала 1920-х гг. укрепил позиции сторонников конкретной помощи, поэтому идея отделов применения получила всеобщее одобрение. Отделы применения распространяли среди населения практические приемы и рекомендации, разрабатываемые научно-исследовательскими учреждениями. Вместе с тем, признавая важность практической деятельности, ученые никогда не забывали о другой, главной задаче – научных исследованиях [18]. Как отдельная структура, на Кубани в 1925 г. при Институте опытного табаководства был организован отдел применения. Его работа заключалась в популяризации научных достижений среди населения.

Для более масштабной работы научных учреждений с населением края было образовано Кубанское окружное бюро агропропаганды [19]. Одним из направлений агропропаганды было проведение краткосрочных сельскохозяйственных курсов. В рамках работы отдела применения сотрудники Института табаководства проводили двухнедельные курсы, выезжали в районы на показательные плантации и участки, издавали популярные брошюры и плакаты для табаководов не только на русском, но и на армянском и греческом языках, снабжали семенами, рассадой и удобрениями. Курсы давали возможность в краткий срок познакомиться с основными научными знаниями по сельскому хозяйству. Проводились они, как правило, в зимний период [20]. Большой интерес представляли разовые лекции, доклады, беседы специалистов по практическим вопросам сельского хозяйства. Заметной формой агропропаганды были сельскохозяйственные выставки. Экспонаты с выставок, проходивших в Институте табаководства, шли на оборудование специальных табачных уголков в местных музеях и агрокабинетах при табачных организациях. Экскурсии для населения проходили и на территории самого Института [21].

Работа отдела применения Института табаководства отражена в статье А.А. Шмука: «В 1925 году при институте организован специальный Отдел применения, в обязанности которого входят задачи непосредственной связи с населением. В районах Кубани, Черноморья и Крыма Институт организовал филиалы и там осуществляет работы всех своих отделов. Значительную долю внимания Институт уделяет общим вопросам табаководства. Изучение табака как товарного продукта производится с разных сторон; со стороны ботанического состава, химических свойств, со стороны выявления особенности влияния климатических и почвенных факторов на его товарные свойства, со стороны изучения процессов сушки и ферментации. Рост снабжения населения семенами улучшенных сортов табака виден из следующих цифр: в 1921 г. роздано семян на площадь 50 десятин, в 1925 году на 150 десятин, в 1928 г. на площадь 2000 десятин, в 1927 г. на площадь 6000 десятин. Следовательно, в этом году семенами института засажено примерно 25–30 % всей площади табачных посадок. Кроме того, эти мероприятия позволили вновь ввести в Черноморье культуру ценного Самсуна, почти полностью вытесненного за годы войны и разрухи культурой менее ценного Трапезонда. АгронOMICеские работы Института подробно осветили вопрос о применении минеральных удобрений под табак» [22].

В докладной записке об обследовании научно-исследовательских и опытных учреждений Краснодарского края краевой рабоче-крестьянской инспекцией за 1929 г. указывалось, что «больше всего работа Отдела применения развернута Институте табаководства, как в производственной части, так и в части агропропаганды не только среди табаководов, но и среди общественных агрономов из табачных районов. Следует отметить, что отдел применения института имеет свой специальный штат сотрудников. Тем не менее, институт в своих работах принимает неправильный уклон, открывая статистико-экономический раздел работ... Эта работа никакого отношения к отделу не имеет, а должна бы вестись специальным экономическим отделом» [23].

В планах Наркомата земледелия РСФСР предполагалось и установление более тесных взаимоотношений между сельскохозяйственными вузами и научными учреждениями. В целях экономии государственных средств основная задача научных учреждений заключалась в разработке научных методов практических приемов, подходивших для местных сельскохозяйственных условий [24]. Специалисты Института табаководства преподавали в вузах. А.В. Отрыганьев читал лекции на кафедре земледелия

сельскохозяйственного факультета Кубанского политехнического институт, а затем в КСХИ. В 1924 г. директор института А.А. Шмук был утвержден в звании профессора кафедры агрохимии Кубанского сельскохозяйственного института и успешно вел педагогическую работу [25]. В свою очередь, профессора вузов и аспиранты проводили свою исследовательскую работу непосредственно в лабораториях Института табаководства, а студенты проходили там летнюю полевую практику [26].

Следует отметить, что, как и в дореволюционное время, в 1920-е гг. научные учреждения сотрудничали с заграничными. Самыми распространенными каналами обмена результатами исследований оставались публикации в научных журналах другой страны, издания переводов статей монографий, комплектование научных библиотек за счет книгообмена и книготорговли. Не менее востребованными были и научные командировки. В 1920-х гг. советское правительство придавало большое значение этому вопросу не только из экономических соображений, но и по международно-политическим причинам. Поддержка Академии наук, поездки ученых за границу и приглашение иностранных ученых в большевистскую Россию считались важным элементом дипломатической активности для укрепления престижа новой власти на международной арене. Все действия, в связи с этим, были направлены на увеличение международных контактов и возникновение множества совместных проектов с учеными разных стран, преимущественно Германии и Франции [27]. К примеру, Институт табаководства был включен в международную книгообменную сеть, получая, таким образом, информацию о новейших научных разработках и имея возможность рекламировать собственные.

В 1927 г. А.А. Шмук был командирован на международный конгресс по почвоведению в США [28]. Как подчеркивает историк науки А.Н. Еремеева, А.А. Шмук был одним из востребованных адресатов зарубежных коллег. Заведующий отделом знаменитой американской компании по производству сельскохозяйственных машин «Дир энд Кампани» (Deer & Company) У. Тейлор интересовался его мнением о своей книге, посвященной современным способам возделывания почв. В письме от 12 марта 1929 г., присланном из столицы Японии, сотрудники Императорской сельскохозяйственной опытной станции просили Шмука прислать его статьи. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей информировало о поступившей к ним просьбе директора Научного музея в Лондоне прислать для библиотеки музея работы Шмука. Содержание писем, направляющихся в Институт и лично А.А. Шмуку, свидетельствуют о постоянном обмене научными публикациями с ведущими зарубежными центрами почвоведения и табаководства [29]. В 1928 г. заведующий селекционным отделом института табаководства А.И. Паламарчук был командирован в Турцию и Грецию для получения семян табака [30].

Эту связь с заграничными научными учреждениями можно проследить и в начале 1930-х гг. по переписке Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Задачей ВОКС являлось содействие установлению и развитию научных и культурных связей между учреждениями, общественными организациями и отдельными работниками науки и культуры СССР и зарубежных стран. Членами ВОКС, согласно уставу, могли быть научные и культурные учреждения, общественные организации и отдельные лица. Так, в письме от 21 марта 1931 г. Институтом табаководства указывались сведения о сотрудниках, состоявших членами иностранных научных обществ (профессор М.Н. Медиш являлся членом немецкого ботанического общества с 1929 г., профессор А.А. Шмук – членом французского химического общества и членом международного общества почвоведов с 1930 г., профессор А.И. Смирнов – членом немецкого ботанического общества и членом французского химического общества) [31]. В начале 1930-х гг. в институте работали специалисты в области механизации табаководства, приглашенные из Германии [32]. К середине 1930-х гг. международные научные связи, как на Кубани, так и во всей стране сошли практически «на нет».

В 1932 г. Институт был передан в ведение Народного комиссариата снабжения СССР и переименован во Всесоюзный институт табачной промышленности (ВИТП). Значительный объем научных исследований в этот период проходил в области промышленности – это ферментация табака и рациональная технология изготовления курительных изделий. Исследования института, ранее проводившиеся в естественном брожении (ферментации) высушенных листьев табака, успешно завершились разработкой

режимов заводской ферментации табака. На основе этих исследований возникла впервые в мире сеть ферментационных заводов. В это время на территории института был построен опытный ферментационный завод, который позволяет проводить испытания различных режимов обработки табака. Поскольку в советский период, как и в дореволюционное время, в производстве сырья для изготовления табачной продукции преобладала махорка, правительством была организована широкая сеть опытных учреждений, занимающихся исследованиями в области махорководения. Один из таких учреждений был открыт в 1930 г. в Киеве – Государственный институт махорководения, далее переименованный во Всесоюзный институт махорочной промышленности (ВИМП). В 1934 г. приказом по Главному управлению табачной и махорочной промышленности Всесоюзный научно-исследовательский институт табачной промышленности Краснодара и Всесоюзный институт махорочной промышленности Киева были объединены во Всесоюзный научно-исследовательский институт табачной и махорочной промышленности (ВИТИМ) с местом нахождения в Краснодаре. Целесообразность объединения двух учреждений была связана с проведением научной работы одними методами, сходностью биологии растения табака и махорки. В 1935 г. приказом Народного комиссариата пищевой промышленности институту присваивается имя А.И. Микояна, который координировал деятельность института, будучи наркомом снабжения и наркомом пищевой промышленности СССР [33]. К этому времени ВИТИМ им. А.И. Микояна состоял из 15 крупных филиалов и опытных станций, 26 опорных пунктов, расположенных во всех табаководческих районах страны (Закавказье, Крым, Украина, Средняя Азия, Казахстан и т. д.). Число научных сотрудников увеличилось до 273 человек, а бюджет вырос до 4,5 миллионов рублей [34].

Всесоюзный научно-исследовательский институт табачной и махорочной промышленности, как и другие научные учреждения страны, не избежал влияния непростой политической ситуации конца 1920–1930-х гг. Для укрепления партийных рядов там была проведена полномасштабная «чистка», связанная с кадровой политикой личного состава учреждений и предприятий. Как следствие, в ВИТИМе имели место противостояние ученых и администрации, разного рода недоработки. В сохранившемся отчете главы партийной организации института А.П. Соловьева от 2 ноября 1934 г. говорилось, что «на фоне значительных достижений в области научно-исследовательской работы по изучению табаков и махорки институт имеет целый ряд существенных недостатков. Прежде всего, институт слабо связан с конкретными задачами производства – совхозами и колхозами. Результаты научно-исследовательских работ институтом слабо продвигаются в производство, не ведется учет внедрения в практику отдельных предложений» [35]. В протоколах комиссии по чистке научных кадров указывалось на недостатки в кадровой политике директора Е.М. Брука: «политика равнения на отдельных лиц привела Брука и вместе с ним парторганизацию института к полному забвению молодых научных кадров, рост и продвижение которых не являлось предметом важнейшей работы парторганизации и директора» [36].

Выводы

Важнейшей предпосылкой создания на Кубани специального научно-исследовательского учреждения, занимающегося вопросами табаководства, стало интенсивное развитие табачной промышленности в пореформенный период. За первую четверть века своего существования форпост научного табаководства прошел путь от маленькой лаборатории до ведущего научного учреждения страны с многочисленными филиалами. Увеличивалась численность научных сотрудников, создавались новые отделы. Институтом решались актуальные вопросы в области физиологии, биохимии, технологии, селекции, агротехники. В настоящее время находящийся в Краснодаре Всероссийский научно-исследовательский институт табака, махорки и табачных изделий проводит фундаментальные и инновационные научные исследования в области табачного производства и осуществляет научное обеспечение табачной отрасли.

Примечания:

1. Псарев Г.М. История научной деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института табака и махорки им. А. И. Микояна (1914–1972 гг.): рукопись // Библиотека Всероссийского НИИ табака, махорки и табачных изделий.
2. Исторические аспекты организации Всероссийского научно-исследовательского института табака, махорки и табачных изделий и развития его научной деятельности за 100-летний период (1914–2014 гг.). Краснодар: Просвещение-Юг, 2014. 411 с.
3. История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. Краснодар: Перспективы образования, 2011. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 года. С. 194.
4. ГАКК. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.
5. Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1989. С. 98.
6. Зайцев А.М. Освоение черноморского побережья Кавказа и развитие табаководства в пореформенный период // Голос минувшего. 1997. № 2. С. 34–35.
7. Малинин А.В. Табачная история России. М.: Русский табак, 2006. С. 205–206.
8. Псарев Г.М. История научной деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института табака и махорки им. А.И. Микояна (1914–1972 гг.): рукопись. С. 16.
9. Ученые табачной отрасли: (к 90-летию ВНИИ табака, махорки и табачных изделий). Краснодар: [Б. и.], 2004. С. 7.
10. ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 37. Л. 1 об.
11. Сельскохозяйственное опытное дело РСФСР в 1917–1927 гг. Л.: Б.и., 1928. С. X.
12. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.
13. Псарев Г.М. История научной деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института табака и махорки им. А. И. Микояна (1914–1972 гг.): рукопись. С. 28.
14. Ученые табачной отрасли: (к 90-летию ВНИИ табака, махорки и табачных изделий). С. 8–9.
15. РГАЭ. Ф. 480. Оп. 4. Д. 16. Л. 78.
16. Экспонаты табаководства Кубчеробл (Из бесед с представителями табачного комитета) // Красное знамя. № 181 (988). 1923. 15 августа.
17. Исторические аспекты организации Всероссийского научно-исследовательского института табака, махорки и табачных изделий и развития его научной деятельности за 100-летний период (1914–2014 гг.). С. 7.
18. Елина О.Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг. Советский вариант реформы // На переломе: советская биология в 20–30-х годах / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: [Б.и.], 1997. С. 40, 53–54.
19. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 174. Л. 1.
20. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1114. Л. 204.
21. ГАРО. Ф. Р-2605. Оп. 1. Д. 53. Л. 15, 15об.
22. Шмук А.А. Центральный институт опытного табаководства // Торгово-Промышленная газета. 1927. 6–7 ноября. № 255/56 (1690/91). <http://istmat.info/node/29372> (дата обращения: 01.04.2016).
23. ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 502. Л. 61–62.
24. ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 3. Д. 57. Л. 9.
25. Ученые табачной отрасли: (к 90-летию ВНИИ табака, махорки и табачных изделий). С. 7–8.
26. ГАКК. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 16. Л. 59.
27. Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 11.
28. ГАРО. Ф. Р-2605. Оп. 1. Д. 1. Л. 214.
29. Еремеева А.Н. Международное сотрудничество ученых Кубани в 1920–1980-е годы: основные этапы и тенденции развития // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4 (42). С. 104–105.
30. ГАКК. Ф. Р-380. Оп. 2. Д. 16. Л. 147.

31. РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 183. Л. 4, 15, 17.

32. Еремеева А.Н., Рожков А.Ю., Стругова М.Р. Наука и власть: кубанский контекст (1917–1941). Краснодар: Кубанькино, 2010. С. 48.

33. Исторические аспекты организации Всероссийского научно-исследовательского института табака, махорки и табачных изделий и развития его научной деятельности за 100-летний период (1914–2014 гг.). С. 9–10.

34. Шпилевой П.Я. Институт за 20 лет (1914–1934). Краснодар: [Б.и.], 1935. С. 7.

35. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1, доп. Д. 322. Л. 44.

36. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1, доп. Д. 322. Л. 45.

References:

1. Psarev G.M. Istorija nauchnoj dejatel'nosti Vsesojuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta tabaka i mahorki im. A. I. Mikojana (1914–1972 gg.): rukopis' // Biblioteka Vserossijskogo NII tabaka, mahorki i tabachnyh izdelij.

2. Istoricheskie aspekty organizacii Vserossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta tabaka, mahorki i tabachnyh izdelij i razvitija ego nauchnoj dejatel'nosti za 100-letnij period (1914–2014 gg.). Krasnodar: Prosveshhenie-Jug, 2014. 411 s.

3. Istorija Kubani s drevnejshih vremen do konca HH veka: v 2 ch. Krasnodar: Perspektivy obrazovanija, 2011. Ch. 1: S drevnejshih vremen do 1917 goda. S. 194.

4. GAKK. F. R-984. Op. 1. D. 83. L. 2.

5. Ratushnyak V.N. Sel'skohozjajstvennoe proizvodstvo Severnogo Kavkaza v konce XIX – nachale XX v. Rostov n/D.: Izd-vo Rostovskogo gos. un-ta, 1989. S. 98.

6. Zajcev A.M. Osvoenie chernomorskogo poberezh'ja Kavkaza i razvitie tabakovodstva v poreformennyj period // Golos minuvshogo. 1997. № 2. S. 34–35.

7. Malinin A.V. Tabachnaja istorija Rossii. M.: Russkij tabak, 2006. S. 205–206.

8. Psarev G.M. Istorija nauchnoj dejatel'nosti Vsesojuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta tabaka i mahorki im. A.I. Mikojana (1914–1972 gg.): rukopis'. S. 16.

9. Uchenye tabachnoj otrasli: (k 90-letiju VNII tabaka, mahorki i tabachnyh izdelij). Krasnodar: [B. i.], 2004. S. 7.

10. GAKK. F. R-13. Op. 1. D. 37. L. 1 ob.

11. Sel'skohozjajstvennoe opytное delo RSFSR v 1917–1927 gg. L.: B.i., 1928. S. H.

12. GAKK. F. R-60. Op. 1. D. 134. L. 1.

13. Psarev G.M. Istorija nauchnoj dejatel'nosti Vsesojuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta tabaka i mahorki im. A. I. Mikojana (1914–1972 gg.): rukopis'. S. 28.

14. Uchenye tabachnoj otrasli: (k 90-letiju VNII tabaka, mahorki i tabachnyh izdelij). S. 8–9.

15. RGAJe. F. 480. Op. 4. D. 16. L. 78.

16. Jeksponaty tabakovodstva Kubcherobl (Iz besed s predstaviteljami tabachnogo komiteta) // Krasnoe znamja. № 181 (988). 1923. 15 avgusta.

17. Istoricheskie aspekty organizacii Vserossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta tabaka, mahorki i tabachnyh izdelij i razvitija ego nauchnoj dejatel'nosti za 100-letnij period (1914–2014 gg.). S. 7.

18. Elina O.Ju. Sel'skohozjajstvennyye opytные stancii v nachale 1920-h gg. Sovetskij variant reformy // Na perelome: sovetskaja biologija v 20–30-h godah / Pod red. Je.I. Kolchinskogo. SPb.: [B.i.], 1997. S. 40, 53–54.

19. CDNIKK. F. 8. Op. 1. D. 174. L. 1.

20. GAKK. F. R-60. Op. 1. D. 1114. L. 204.

21. GARO. F. R-2605. Op. 1. D. 53. L. 15, 15ob.

22. Shmuk A.A. Central'nyj institut opytного tabakovodstva // Torgovo-Promyshlennaja gazeta. 1927. 6–7 nojabrja. № 255/56 (1690/91). <http://istmat.info/node/29372> (data obrashhenija: 01.04.2016).

23. GAKK. F. R-226. Op. 1. D. 502. L. 61–62.

24. GARF. F. A-310. Op. 3. D. 57. L. 9.

25. Uchenye tabachnoj otrasli: (k 90-letiju VNII tabaka, mahorki i tabachnyh izdelij). S. 7–8.

26. GAKK. F. R-380. Op. 2. D. 16. L. 59.

27. Aleksandrov D.A. Pochemu sovetskie uchenye perestali pechatat'sja za rubezhom: stanovlenie samodostatochnosti i izolirovannosti otechestvennoj nauki, 1914–1940 // Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki. 1996. № 3. S. 11.
28. GARO. F. R-2605. Op. 1. D. 1. L. 214.
29. Eremeeva A.N. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo uchenyh Kubani v 1920–1980-e gody: osnovnye jetapy i tendencii razvitija // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii. 2011. № 4 (42). S. 104–105.
30. GAKK. F. R-380. Op. 2. D. 16. L. 147.
31. RGAJe. F. 8390. Op. 1. D. 183. L. 4, 15, 17.
32. Eremeeva A.N., Rozhkov A.Ju., Strugova M.R. Nauka i vlast': kubanskij kontekst (1917–1941). Krasnodar: Kuban'kino, 2010. S. 48.
33. Istoricheskie aspekty organizacii Vserossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta tabaka, mahorki i tabachnyh izdelij i razvitija ego nauchnoj dejatel'nosti za 100-letnij period (1914–2014 gg.). S. 9–10.
34. Shpilevoj P.Ja. Institut za 20 let (1914–1934). Krasnodar: [B.i.], 1935. S. 7.
35. CDNIKK. F. 1072. Op. 1, dop. D. 322. L. 44.
36. CDNIKK. F. 1072. Op. 1, dop. D. 322. L. 45.

УДК 94

От лаборатории до всесоюзного центра: развитие опытного табаководства на Кубани в 1909–1930-е гг.

Анна Петровна Параскевопуло

Краснодарский государственный институт культуры, Российская Федерация
350072, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. им. 40-лет. Победы, 33
E-mail: lysu-anna@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена первым десятилетиям в истории одного из старейших научных учреждений Краснодарского края, лидера опытного табаководства в СССР. Автор рассматривает генезис Института табаководства в контексте масштабных социально-политических трансформаций, отмечает вклад отдельных ученых в развитие его научной и организационной деятельности.

На основе архивных документов, периодической печати, трудов сотрудников института автор реконструировала основные этапы развития (от лаборатории до ведущего научного учреждения страны), направления научных исследований, методы пропаганды агротехнических знаний среди населения.

Ключевые слова: Краснодарский край, табаководство, научно-исследовательские учреждения, Институт табаководства, научная и просветительская деятельность.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 19, Is. 3, pp. 175-181, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.19.175
www.ejournal15.com

UDC 94(470)“18”

On the history of one teachers' family in a Cossack village. To the 150th anniversary of the Cossack village Neftyanaya

Vladimir I. Shchipin

Russian Federation, Moscow
Independent researcher
E-mail: vlad_shchipin@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the history of the family of Pyotr Vasilievich Ivin, the head of two-year primary school in the stanitsa Neftyanaya and Elizabeth Stepanovna Nedodaeva his wife who have made significant contributions to the development of education in Zakubanye (the Kuban area). Moreover, Pyotr Ivin is the author of the first work on the history of the stanitsa Neftyanaya, which contains unique information on the history, ethnography, folklore Trans-Kuban Cossack villages and, until recently, was unknown to international and local historians.

Keywords: history of the Kuban area, everyday life of the village of Cossack village Neftyanaya, a source study and historiography of the Kuban area, family history of the Village Teachers.

Введение

В 2014 г. станица Нефтяная, как многие другие станицы Апшеронского района Краснодарского края отметила свое 150-летие. Казалось бы, канули в Лету имена, судьбы деяния людей, ранее живших в этих местах, а их могилы, если они и сохранились, «поросли быльем». Но прошлое иногда возвращается. В 2015 г. вышло репринтное издание почти забытого сегодня сочинения одного из уроженцев станицы – Петра Васильевича Ивина, описавшего историю станицы Нефтяной в первые 50 лет ее существования [1]. Статья посвящена выяснению жизненного пути автора и дальнейших судеб членов его семьи, что позволяет глубже понять и критически осмыслить его повествование о первых десятилетиях истории станицы Нефтяной, а также уточнить сложившиеся представления о развитии краеведческих знаний в Закубанье.

Материалы и методы. Послужные списки П.В. Ивина, Е.С. Недодаевой (Ивиной, Фадеевой) в Государственном архиве Краснодарского края не сохранились. В Великую Отечественную войну погиб архив станицы Нефтяной. Именно поэтому источниками статьи стали книга П.В. Ивина и семейный архив автора, который унаследовал бумаги Ивиных и Фадеевых, будучи мужем внучки П.В. Ивина и Е.С. Недодаевой (Ивиной-Фадеевой). В статье широко использован метод просопографии, позволяющий глубже понять и критически осмыслить описываемые П.В. Ивиным события.

Обсуждение и результаты

Казак П.В. Ивин был местным жителем, его дед – Эммануил Ефимович – один из первопоселенцев, прибыл сюда в составе группы казаков Усть-Медведицкого округа Донской области летом 1864 г. Сын Эммануила Василий вскоре был отдан в полковую школу в станице Хадыженской, после окончания которой ему было поручено учительствовать в родной станице. В 1870 г. в возрасте 14 лет (!) Василий Ивин занял должность учителя. Через некоторое время его заменил станичный писарь, но факт остается фактом: подросток учил грамоте практически своих сверстников.

По стопам отца пошел и Петр Васильевич: получив начальное образование, он поступил в Майкопское механико-техническое училище, а затем, вернувшись на родину, возглавил с 1 сентября 1907 г. начальное училище I ступени станицы Нефтяной.

До его назначения учителя менялись каждые год – два, что не могло не сказаться на качестве обучения. В результате энергичной деятельности нового заведующего на нужды школы были выделены дополнительные средства, что позволило пригласить второго учителя. Эту должность с 1 сентября 1908 г. заняла выпускница майкопской женской гимназии Елизавета Степановна Недодаева.

Она родилась 23 октября (5 ноября н. ст.) 1888 г. в городе Майкопе в семье отставного фельдфебеля. Отец, старый николаевский солдат, отслужив в армии 25 лет, умер в 1895 г. [2], когда ей было 7 лет. Несмотря на потерю кормильца, мать Елизаветы сумела дать ей и ее сестре образование: в 1908 г. она закончила майкопскую женскую гимназию с правом преподавания в школах математики.

В том же году Елизавету Степановну направили учительницей в начальное училище I ступени станицы Нефтяной Майкопского округа Кубанского края [3]. Здесь она преподавала с 1 сентября 1908 г. до лета 1912 г.

Два молодых учителя работали дружно. Всего за год были значительно пополнены учительская и народная библиотеки, образована детская библиотека, включавшая около 900 томов, приобретен музей наглядных пособий с небольшой физической и химической лабораторией, расширены классные помещения, закуплена новая мебель [4].

Рис. 1. Ученица 6-го класса майкопской женской гимназии Елизавета Недодаева. 6 июня 1906 г. Из семейного архива В.И. Щипина

В 1910 г. в училище с разрешения попечителя Кавказского учебного округа вместо трехлетнего срока был введен четырехгодичный курс обучения, и оно стало двухклассным начальным, а в 1911 г. Петр Васильевич и Елизавета Степановна поженились [5].

С каждым годом количество учеников увеличивалось, поэтому в 1911 г. П.В. Ивин обратился к станичному правлению и руководству учебным округом с просьбой содействовать строительству нового здания училища. Настойчивость заведующего школой принесла свои плоды: казаки станицы одобрили выделение необходимых средств на постройку, а в октябре 1913 г. новое здание распахнуло свои двери перед учениками. Следует добавить, что за год до школьного новоселья штат педагогического персонала увеличился за счет третьей учительницы – Марии Степановны Недодаевой – младшей сестры Е.С. Недодаевой.

Всего пять лет проработал заведующим станичным училищем Петр Васильевич, но память оставил о себе надолго: о нем станичникам почти 100 лет напоминало школьное здание. Но самым важным в деятельности П.В. Ивина сегодня, наверное, следует считать написанную им к 50-летию станицы интереснейшую книгу – «Станица Нефтяная в прошлом и настоящем (за 50 лет ее существования)», которая была издана в 1914 г. в Майкопе, и стала ныне библиографической редкостью.

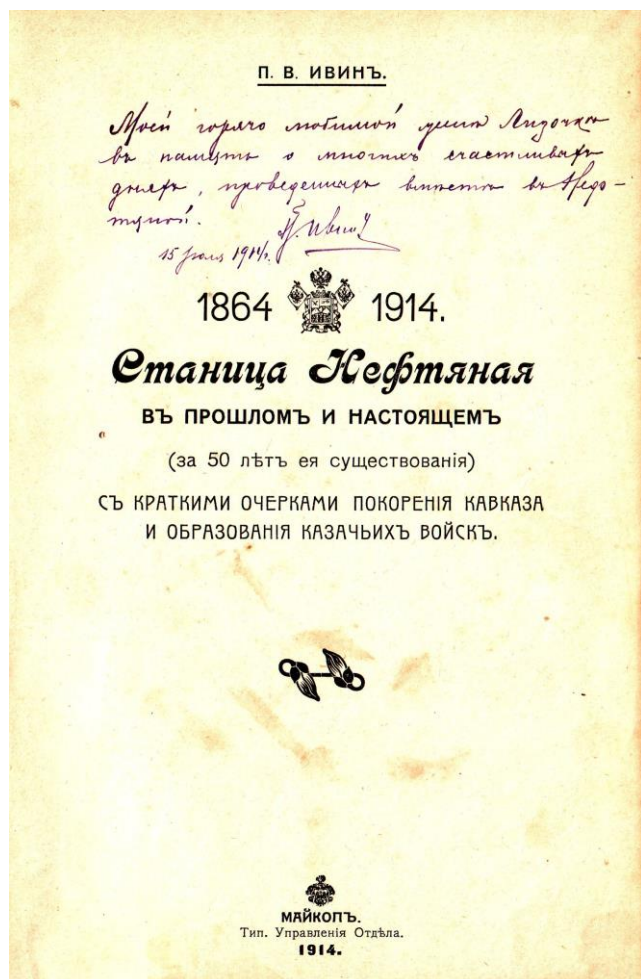

Рис. 2. Титульный лист брошюры П.В. Ивина с его дарственной надписью. Из личной библиотеки В.И. Щипина

Книга Петра Васильевича остается сейчас чуть ли не единственным источником, из которого мы можем почерпнуть сведения о том, как строилась и развивалась станица Нефтяная, кто был ее первопоселенцами и атаманами, с какими трудностями сталкивались жители в первые годы жизни на Кавказе. В книге опубликованы записанные автором

рассказы казаков-первопоселенцев о стычках с черкесами. В рассказах «На добычу», «Из-за дуль», «Набег» даются описания местных обрядов и обычаев: крестин, свадеб, похорон, проводов казаков на службу, празднования масленицы. Не обошел своим вниманием П.В. Ивин и рассказы участников Русско-японской войны 1904–1905 гг., разместив на страницах книги их воспоминания: «Забьли», «Спасение офицера», «Вброд», «Убит». Наконец, в книге читатель найдет тексты старинных песен, которые пели казаки станицы, а также заговоры и народные приметы.

Небольшая книга Ивина навсегда останется важным источником по локальной истории, краеведению, этнографии кубанского казачества и будет напоминать новым и новым поколениям о важности сохранения народной исторической памяти.

В 1912 г. умерла мать Е.С. Ивиной. Новый 1912 учебный год супруги Ивины начали на новом месте – в образцовой школе при Майкопском Александровском 6-классном городском училище, а место второй учительницы в училище станицы Нефтяной заняла младшая сестра Елизаветы – Мария Степановна [6]. По стопам Петра Васильевича пошел его младший брат Александр, который окончил Майкопское реальное училище, а затем при белых в 1918–1919 гг. преподавал в училище станицы Нефтяной. Сестра П.В. Ивина – Анна – в 1914 г. обучалась в Майкопской женской гимназии.

В 1914 г. разразилась Первая мировая война. Петр Ивин оставил школу и, как многие другие кубанские казаки, был призван в действующую армию. Службу проходил в 1-м линейном генерала Вельяминова полку. В декабре 1918 г. он служил в звании сотника, что соответствовало армейскому чину поручика или современному воинскому званию старшего лейтенанта. В 1915 и 1916 гг. Елизавета Степановна тяжело болела (в анкете работника просвещения Майкопского окружного отдела народного образования от 13 февраля 1926 г. писала в графе «Состояние здоровья»: катаральное воспаление легких и малярия [7]), и только 1 сентября 1917 г. смогла приступить к работе в 3-й школе Майкопа.

События развивались стремительно: Октябрьский переворот в Петрограде, установление советской власти в Майкопе 8 января 1918 г. К этому времени Петр Ивин вернулся в Майкоп, но летом того же года примкнул к Белому движению и сражался с большевиками. Белые взяли Майкоп 7 сентября 1918 г. и удерживали его до 22 марта 1920 г., пока в город не ворвались части Первой Конной армии Буденного. В это время Елизавета Степановна преподавала в 1-й Майкопской школе. 6 (19) декабря 1918 г. у Елизаветы и Петра Ивиных родился сын Николай. Правда, сын отца уже не увидел: после Гражданской войны следы Петра Ивина потерялись, скорее всего, он погиб в кровавой мясорубке братоубийственной бойни.

Елизавета Степановна учительствовала в школах Майкопа, затем переехала с сыном на хутор Шишкинский, где возглавила вновь открытый детский дом. Затем она работала учителем в школах станиц Нефтяной, Апшеронской, Гиагинской, Хадыженской, Тверской, поселка Майкопский нефтепровод. В 1924 г. она познакомилась с Григорием Дмитриевичем Фадеевым, преподавателем истории, за которого в 1925 г. вышла замуж. В октябре того же года у них родилась дочь Валентина. В 1933 г. Григорий Дмитриевич официально усыновил сына Елизаветы Степановны, и с этого момента Николай Петрович Ивин получил отчество и фамилию отчима, став Николаем Григорьевичем Фадеевым.

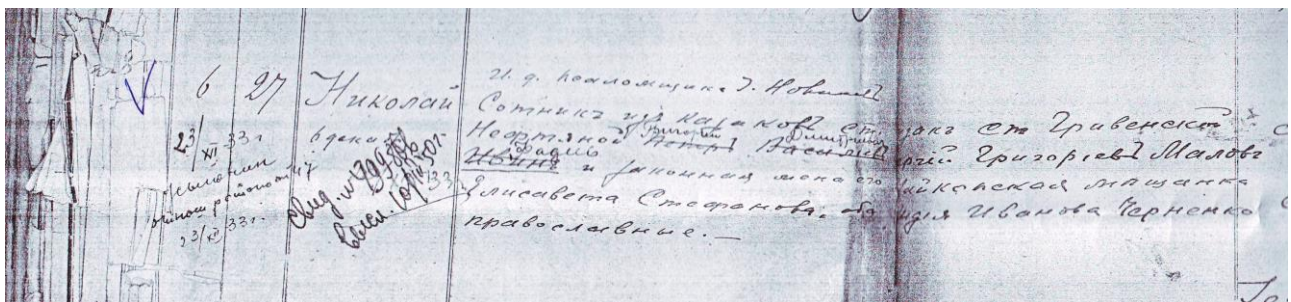

Рис. 3. Запись о крещении сына П.В. и Е.С. Ивиных Николая из метрической книги Казанской церкви станицы Нефтяной 1918 г. Из семейного архива В.И. Щипина.

В Национальном архиве Республики Адыгея в Майкопе хранится метрическая книга 1918 г., в которой есть записи о рождении и усыновлении Н.Г. Фадеева: «Родился: Николай – 6 декабря. Крещен 27 декабря. Родители: сотник из казаков станицы Нефтяной Петр Васильев Ивин и законная жена его Елисавета Стефанова. Оба православные. Восприемники: казак станицы Гривенской Сергей Григорьев Малов и майкопская мещанка Лидия Иванова Черненко. И[сполняющий] д[олжность] псаломщика И. Новиков». Рядом приписка уже советского времени: «Усыновлен. Отношение району отцу – 23.12.33 г. Отец: Фадеев Григорий Дмитриевич».

Вплоть до 1932 г. Елизавета Степановна работала учителем начальных классов, но затем закончила 6-месячные курсы по подготовке учителей для школ крестьянской молодежи и фабрично-заводских семилеток при Майкопском педагогическом училище (здесь преподавал историю Г.Д. Фадеев) и поступила на заочное физико-математическое отделение Ростовского педагогического института. С 1933 г. Елизавета Степановна работала учителем математики в пятых – седьмых классах Майкопской 18-й мужской средней школы. К сожалению, закончив два курса института, она в 1938 г. вынуждена была оставить учебу, так как от больших нагрузок у нее стало ухудшаться зрение.

Рис. 4. Е.С. Фадеева. 1957 г. Из семейного архива В.И. Щипина.

В августе 1942 г. немецкие войска вплотную приблизились к Майкопу. Семья Фадеевых ушла в горы. Григорий Дмитриевич воевал в партизанском отряде, а Елизавета Степановна с дочерью устроились в селении Гузерипль, где немцы не появлялись. В Майкоп она вернулась 30 января 1943 г., когда Красная армия освободила город, и вновь приступила к преподаванию математики в 18-й средней школе. Всего Е.С. Фадеева проработала в школе 50 лет. Она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и орденом Трудового Красного Знамени (1949 г.). Умерла в 1962 г., похоронена в г. Майкопе.

Ее сын Николай, окончивший майкопскую среднюю школу с золотой медалью, поступил в Московский энергетический институт, окончив его в июне 1941 г. Участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен, награжден орденом Красной Звезды. После войны остался в Советской армии, связав свою служебную карьеру с созданием Ракетных войск стратегического назначения и пилотируемой космонавтики. Все значимые запуски советских космических кораблей, начиная с первого спутника и первого полета человека в космос, проходили при его непосредственном участии. После увольнения в запас кандидат технических наук, полковник-инженер Н.Г. Фадеев долгое время преподавал на кафедре автоматизированных систем управления Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Книга отца об истории станицы с надписью на титульном листе: «Моей горячо любимой жене Лизочке в память о многих счастливых днях, проведенных вместе в Нефтяной. П. Ивин. 15 июля 1914 г.» всегда хранилась на его письменном столе.

Выводы

Биография П.В. Ивина и судьба его семьи, как свидетельствует анализ материалов семейного архива, была типичной для провинциальной интеллигенции начала XX в. Эти люди беззаветно служили русскому народу в провинциальной казачьей глуши, заложили основы его просвещения, экономического, политического и нравственного развития. Они глубоко верили в «светлое будущее» страны и народа. Однако бурные годы и пламень Первой мировой и Гражданской войн, казалось бы, полностью разрушили их труды и погубили таких, как П.В. Ивин. Труды мужей легли на плечи их жен, которые смогли сохранить и выпестовать малолетних чад, привить им «искру божью» служения народу России. Они вырастили поколение, к которому принадлежал Н.П. Ивин-Фадеев, не только выигравшее Великую Отечественную войну, но и обеспечившие на многие годы мир и процветание Родины. Во многом им в этом помогли книги, среди которых и брошюра П.В. Ивина.

Советская система обучения и воспитания способствовала мощному рывку в просвещении и развитии народов СССР, но вместе с этим привела к, казалось, безвозвратной утрате национальных, религиозных, культурных особенностей и черт в жизни советских людей. И только книги, подобные трудам П.В. Ивина, Г.С. Сироты, Ф.Т. Никитенко донесли до внуков и правнуков имена первых поселенцев, устные воспоминания, обряды, обычаи и давно забытые песни закубанских казаков.

До последнего времени книга П.В. Ивина, как и сочинения по истории станиц Кабардинской Ф.Т. Никитенкова и Хадзыженской Г.С. Сироты – библиографическая редкость. Ее нет в каталогах Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки, Российской национальной библиотеки, Библиотеки Академии наук. Неизвестна она и в библиотеках Краснодара и Майкопа. Книга сохранилась только в семье автора и в одном дефектном экземпляре, с которого была снята ксерокопия и местонахождение которого ныне неизвестно. Репринтное издание, подготовленное нефтегорским историком и краеведом Антоном Алексеевичем Чесноковым, отчасти восполнило этот пробел [1]. Тем не менее труд П.В. Ивина, как памятник провинциальной общественной жизни и культуры конца XIX – начала XX вв., достоин современного научного издания.

Примечания:

1. Ивин П.В. Станица Нефтяная в прошлом и настоящем (за 50 лет ее существования) с краткими очерками покорения Кавказа и образования казачьих войск. Майкоп: «Магарин О.В.», 2015. 163 с.
2. Автобиография Е.С. Фадеевой от 5 июня 1948 г. Архив семьи В.И. Щипина.
3. Кубанский календарь на 1909 год. Краснодар: Типография кубанского областного правления, 1909. С. 240.
4. Кубанский календарь на 1909 год. Краснодар: Типография кубанского областного правления, 1909. С. 75.
5. Кубанский календарь на 1912 год. Краснодар: Типография кубанского областного правления, 1912. С. 239.
6. Кубанский календарь на 1913 год. Краснодар: Типография кубанского областного

правления, 1913. С. 238.

7. Архив семьи В.И. Щипина.

References:

1. Ivin P.V. Stanica Neftjanaja v proshlom i nastojashhem (za 50 let ee sushhestvovaniya) s kratkimi ocherkami pokorenija Kavkaza i obrazovanija kazach'ih vojsk. Majkop: «Magarin O.V.», 2015. 163 s.
2. Avtobiografija E.S. Fadeevoj ot 5 ijunja 1948 g. Arhiv sem'i V.I. Shhipina.
3. Kubanskij kalendar' na 1909 god. Krasnodar: Tipografija kubanskogo oblastnogo pravlenija, 1909. S. 240.
4. Kubanskij kalendar' na 1909 god. Krasnodar: Tipografija kubanskogo oblastnogo pravlenija, 1909. S. 75.
5. Kubanskij kalendar' na 1912 god. Krasnodar: Tipografija kubanskogo oblastnogo pravlenija, 1912. S. 239.
6. Kubanskij kalendar' na 1913 god. Krasnodar: Tipografija kubanskogo oblastnogo pravlenija, 1913. S. 238.
7. Arhiv sem'i V.I. Shhipina.

УДК 94(470)“18”

Из истории одной семьи станичных учителей. К 150-летию станицы Нефтяной

Владимир Игоревич Щипин

Российская Федерация, Москва
Независимый исследователь
E-mail: vlad_shchipin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории семьи заведующего двухклассным начальным училищем станицы Нефтяной Петра Васильевича Ивина и его супруги Елизаветы Степановны Недодаевой, внесших значительный вклад в развитие народного образования в Закубанье. П.В. Ивин написал первый труд по истории станицы Нефтяной, который содержит уникальные сведения по истории, этнографии, фольклору закубанских станиц и до последнего времени не был известен историкам и краеведам.

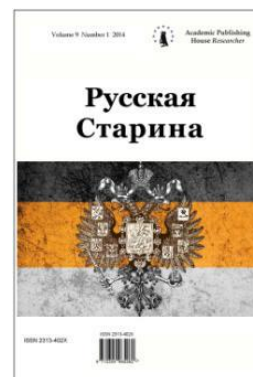
Ключевые слова: история Кубани, жизнь и быт станицы Нефтяной, источниковедение и историография Закубанья, семейная история станичных учителей.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 19, Is. 3, pp. 182-199, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.19.182
www.ejournal15.com

UDC 94 (470):34

Extrajudicial Reprisal against the Cossacks of Stanitsa Elanskaya in 1929–1930 (Investigation of an Archival Case)

Andrei V. Venkov

Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr. (History), Professor
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Abstract

The article, basing on archival materials of the Federal security service, studies the governmental policy towards the Upper Don Cossacks at the beginning stage of collectivization on the example of the cases of 1929 and 1930. It was examined an attempt of the authorities to eliminate their potential opponents on the threshold of the mass collectivization by incriminating them the preparation of the armed uprising. The new archival materials have been introduced for scientific use.

Keywords: Joint State Political Directorate; conspiracy; counterrevolutionary organization; Cossacks; rebels; grain procurements; collectivization.

Введение

В отечественной исторической литературе есть огромный пласт исследований на тему антиказачьих репрессий в годы Гражданской войны, которые в обиходе несколько односторонне именуется «расказачиванием». Воспроизведение и анализ этой литературы потребовали бы создания целой историографической статьи. Гораздо более слабо исследованы репрессии, обрушившиеся на казачество в 1920–1930-е гг. Обобщающей работы на эту тему нет. Предлагаемая статья, опираясь на материалы архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (далее – Архив УФСБ РФ по РО), исследует частный, но характерный случай, имевший место на Верхнем Дону.

Материалы и методы

Главным источником является судебное дело П-46260-А в двух томах и еще ряд архивных судебных дел, хранящихся в Архиве УФСБ РФ по РО. Часть информации собрана в открытых источниках.

В статье используется историко-ситуативный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте исследуемого периода в совокупности всех прочих событий и фактов эпохи.

Обсуждение и результаты

Всегда считалось, что пиком антиказачьей политики советской власти был период Гражданской войны. Описания борьбы с «антисоветским подпольем» в 1920–1930-е гг., предпринятые в ряде исследований, не касались казачьей темы. Более или менее исследованные сфальсифицированные властью суды этого периода традиционно ограничиваются «Шахтинским делом» и судебными процессами 1936–1938 гг.

Предлагаемая статья, опираясь на материалы Архива УФСБ РФ по РО, исследует частный, но характерный случай, имевший место на Верхнем Дону в 1929 г. Это место после знаменитого Вешенского восстания 1919 г. стало своего рода пугалом для власти, хотя исследователи не могут назвать ни одного случая открытого контрреволюционного выступления в этом районе после 1922 г.

Единственной работой, упоминающей разбираемый нами случай, была статья в районной газете, написанная сотрудницей Музея М.А. Шолохова И. Ковешниковой [1], причем автора больше интересовал архивный материал о событиях Гражданской войны.

Судя по изученным судебным документам, относящимся к концу 1920-х гг., отношение власти к казакам было непостоянным, менялось в зависимости от политической конъюнктуры. Некоторые обвинения явно надуманные, но и наказания не очень уж суровые. В 1926 г. были арестованы 4 репатрианта, вернувшиеся в Дударевский сельсовет Вешенской станицы – П.А. Афанасьев, Н.И. Дударев, И.С. Иванков и В.Л. Маслов. Следователь Шишкарев высказал предположение, что они прибыли «с разведывательной целью от агентов английской разведки», но реально смог доказать, что вернувшиеся агитировали «против налога, против Соввласти за II Интернационал (!)» [2]. И хотя свидетели вспомнили, как один из репатриантов проговорился, что «работал шпионом до отъезда в Россию» [3], ОГПУ всех четверых всего лишь выслало на 3 года в Нарымский край, а через год срок высылки был сокращен на четверть [4].

28 мая 1928 г. были арестованы жители станицы Вешенской Г.М. Зубков и М.Г. Калмыков, обвиняемые по статье 58-10. Помимо антисоветской болтовни арестованных, свидетели припомнили, что во время Гражданской войны указанные казаки рубили пленных красноармейцев во время конвоирования, а чтоб обуться, «сапоги с ногами отрубивали» [5]. Особенно доставалось от свидетелей Г.М. Зубкову: «Даже конвоиры... плакали, видя нечеловеческую жестокость Зубкова Г.М.» [6]. Что касается М.Г. Калмыкова, то, как показала С.А. Никонова: «Он действительно убил моего мужа Никонова Петра Егоровича в 1919 г. за то, что мой зять служил в Красной армии и за то, что будто бы мы его дочь отдали насилловать коммунистам» [7]. После двадцатидневного разбирательства оба казака получили по 5 месяцев (!) заключения. В ноябре 1927 г. была объявлена амнистия в честь 10-летия Октябрьской революции, и бывшие белогвардейцы не преследовались за свои поступки времен Гражданской войны.

С конца 1928 г. ситуация стала заметно меняться. Но и тогда «кровопролитиев» в сельской глубинке еще не было. 9 июля 1929 г. 5 казаков хутора Нижне-Ермаковского Вешенской станицы – И.Т. Афанасьев, А.И. Попов, И.Т. Турилин, Ф.И. Ермаков и И.В. Каргин – были арестованы и обвинялись по статье 58-10. Статья 58-10 гласила: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58-2–58-9 настоящего кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего кодекса» [8]. Т.е. до расстрела.

Обвиняемым припомнили участие в восстании 1919 г., рубку пленных красноармейцев и выступления на базаре следующего содержания: «...самые лучшие хлеборобы при Советской власти – лишенцы, хохлы завоевали нас и теперь нас давят, и не дают возможности жить. Где старая власть? Мы бы всех хохлов перебили и показали, как мучить нас» [9]. И хотя это было явное использование «национальных предрассудков», всем обвиняемым дали по 3 года [10].

В ноябре 1929 г. состоялся Пленум ЦК, который поставил задачу «сплошной коллективизации перед отдельными областями». Украина, Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ должны были провести сплошную коллективизацию к лету 1931 г. 27 декабря 1929 г. Сталин заявил: «Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство... Нет, нельзя» [11]. И ЦК ВКП(б) потребовал от всех регионов закончить коллективизацию к весне 1930 г. Причем Северный Кавказ, Нижняя Волга и нечерноземная полоса к осени 1930 г. должны были загнать в колхозы все 100 % хозяйств.

Ухудшение положения в сельской местности началось еще до этих «судьбоносных решений» партии и правительства. Связаны они были с принудительными хлебозаготовками. Письмо с Дона 13 октября 1929 г. гласило: «Конфисковали все мое имущество, взяли 2 коров с телятами, двух телушек по третьему году, четыре пары быков, сарай, ручную машину, паровик и барабан и мельницу-ветряк, травную косилку, погонный ремень от двигателя, веялку... Это – конфискация за невыполнение хлебозаготовки, за 100 пудов в пятикратном размере. Словом, зажиточный класс бьют по морде, словно хотят задавить, равняют на хохла» [12].

В другом письме с Дона, датированном 28 октября 1929 г., говорилось: «У нас сейчас идет выкачка хлеба такая усиленная, что сроду и не слышали. Если задание не выполнил, то распродают хозяйство, а хозяина в тюрьму отправляют на какой-то остров [вероятно, имеется в виду СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения – А.В.]. Всех загнали в коллектив, так что прятаться некуда» [13].

Как писали эмигранты, побывавшие на родине: «Хоть и говорят “там”: “Ну что мы можем? Мы темный, забитый народ, безоружные”, – совсем как сироты казанские – а в глубине глаз, за полуопущенными веками, жуткий волчий блеск... Звериный оскал и подергивание скул говорят, что хватка будет мертвая» [14]. И власть видела или предугадывала этот «звериный оскал» и стремилась нанести упреждающий удар.

Перед нами дело П-46260-А в двух томах. На обложке указано имя всего лишь одного «фигуранта» – Попова Евстигнея Матвеевича. На самом деле, это дело по обвинению большой группы казаков Еланской станицы, закончившееся трагически для большей части обвиняемых.

Дело открывается «Ликвидационной запиской о контрреволюционной повстанческой организации в Вешенском районе». В ней говорится, что в августе – октябре 1929 г. на территории Хоперского округа Нижне-Волжского края органами ОГПУ вскрыта и ликвидирована контрреволюционная организация, которая планировала восстановление бывших Донской, Кубанской и Терской областей и «отделение их от СССР на правах самостоятельного государства» [15]. Руководители контрреволюционной организации прибыли из-за границы (поэтому дело вел контрразведывательный отдел). В записке назывались полковник Кадыков Павел Иванович, есаул Афанасьев, хорунжий Яковлев, подполковник Пономарев [16].

Кадыков Павел Иванович идентифицируется легко. Он родился в 1890 г., в 1915 г. закончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков. Первую мировую войну закончил в чине подъесаула, сражался против большевиков в рядах белой Донской армии, дослужился до чина войскового старшины (подполковника), служил в 14-й Донской конной бригаде, формировавшейся из казаков низовой Хопра и Медведицы. В полковники он был произведен уже в эмиграции в 1921 г. [17].

С другими фигурантами дела разобраться труднее. В Донской армии служили 7 есаулов Афанасьевых, не считая не менее многочисленных сотников, войсковых старшин и полковников с той же фамилией. Что касается Яковлевых, то хорунжих с такой фамилией в Донской армии было 2, но помимо них в 1920 г. в рядах этой армии ушли за границу 2 юнкера и 4 кадета с той же фамилией, которые к 1929 г. вполне могли получить чин хорунжего и вернуться на родину. Подполковника Пономарева в рядах Донской армии не было, а найти офицера с такой фамилией в других антибольшевистских армиях не представляется возможным.

Указывалось, что в организацию входило свыше 500 человек, выступление намечалось на 1 ноября 1929 г. Повстанцы планировали захват ряда селений Хоперского округа, ссыпных пунктов и элеваторов, подрыв железной дороги в районе станции Филоново и –

главное, почему и была составлена эта записка – наступление на Донецкий округ Северо-Кавказского края, используя Вешенские контрреволюционные повстанческие ячейки [18]. Вешенский район рассматривался «как бывший очаг исторического Вешенского контрреволюционного восстания» [19], указывалось, что кадры командного состава Вешенского восстания сохранились и при советской власти, и Донецкий окружной отдел ОГПУ фиксировал постоянное сопротивление с их стороны [20].

В записке был четко очерчен очаг неповиновения – станица Еланская Вешенского района и хутора Солонцовский, Андропов, Попов, Вязовской, Нижне-Кривской, Верхне-Терновской, Кочетовский и другие. Указывалось, что во время восстания здесь была сформирована целая дивизия (на самом деле район формирования дивизии был вчетверо больше указанного), заранее назывались заговорщики – бывшие повстанческие командиры – командир Еланского повстанческого полка Голицын Иван Федорович, командиры сотен того же полка: Тарасов Михаил, Кривошлыков Андрей, Макаров Борис, Канаев Сергей, Ковалев Андрей, Гуров Василий и другие [21]. Т. е. главное внимание было уделено месту формирования Еланского повстанческого полка.

Указывалось, что симптомы контрреволюционной активности появились весной 1929 г. и были связаны с мероприятиями по реконструкции сельского хозяйства (коллективизацией) и хлебозаготовками [22]. Утверждалось, что выявлена связь между еланскими и хоперскими заговорщиками, что имело место нелегальное собрание командного состава бывшего Вешенского восстания во главе с Голицыным [23]. В качестве доказательства приводились слова Тарасова Михаила, бывшего офицера и командира повстанческой сотни, сказанные 22 июня 1929 г.: «Я 3 дня пью с горя, жизнь с каждым днем хужеет, и мы собираемся восставать, ну ее с соввластью, надо поскорее восставать, и дело будет лучше» [24].

Были и другие доказательства. В июле в станице Еланской три заговорщика – Ковалев Андрей, Щетников Гавриил и Аникин Павел – «информировали» гражданина Никифорова Ивана Ивановича «о том, что жизнь невыносимая, жить нельзя, но немного нам осталось мучиться, наши идут, прошли 300 верст, идет генерал Назаров, скоро будет восстание, мы к этому уже подготовлены, у нас есть оружие» [25]. А когда Никифоров уезжал в Урюпино, названные лица просили его заехать в хутор Скулябный к Пшеничному Ивану Ивановичу и Мочеву Абраму и говорили: «Это наши люди, они недавно у нас были». А Ковалев просил Никифорова купить патроны к револьверу и дал 10 рублей.

Уже на территории Хоперского округа Пшеничнов и Мочев «посвятили» Никифорова в существование контрреволюционной организации, «указывая, что наша организация большая, мы работаем подпольно, вешенцы наготове сделать восстание» [26]. Еще Ковалев и Щетников познакомили Никифорова с членом организации Канаевым Сергеем, который показывал новому знакомому наган и винтовку. В связке с Канаевым работал бахчевник Губанов Василий Зиновьевич, который собирал патроны, и на явку к нему шли под видом покупателей арбузов [27].

Кроме того, в Хоперском округе на рынке в хуторе Рябове «в августе месяце 1929 г. под видом легальной попойки происходило нелегальное совещание членов организации» – Голицына, Канаева, Пшеничного, Щетникова и других [28]. На такой же попойке и в том же хуторе в июле – августе Канаев, Ковалев, Пшеничнов, Мочев и Щетников завербовали неких Касаткина Ивана и Брикачева Григория, приехавших на рынок из Борисоглебского округа. Касаткину и Брикачеву рассказали, что в организации до 300 человек, есть некий руководитель из центра, дали явку к бахчевнику Губанову. Завербованные Касаткин и Брикачев обещали привезти патроны из Борисоглебска [29].

И еще одна пьянка насторожила, но уже не Хоперское, а Донецкое ОГПУ. В сентябре в станице Еланской выпивали Щетников Гавриил с Гуровым Василием, и Гуров говорил, что Иван Голицын «работает тайно против Советской власти, но осторожно, нигде не выступает, но все знает, и что Голицын свергнет скоро Советскую власть» [30].

Просматривалась связь заговорщиков с границей – репатриант Комиссаров Василий привез из-за границы какое-то поручение от полковника Бондарева, бывшего помощника окружного атамана, к полковничьей сестре, сожительнице Щетникова Гавриила. Да и в целом социальный состав подпольной организации соответствовал складывающимся представлениям – повстанческие командиры, несколько уголовников, псаломщик и бывший

начальник стражи при белых в станице Вешенской [31]. Всего было выявлено 43 заговорщика в 14 населенных пунктах.

«Принимая во внимание обактивившуюся деятельность контрреволюционной организации», выраженную в подготовке восстания, начальник контрразведывательного отдела Фирсов «полагал бы произвести ликвидацию контрреволюционной организации путем ареста и заключения под стражу... для последующего привлечения к уголовной ответственности по признакам преступления, предусмотренного статьей 58, п. 11 УК». Пометку «Согласен» сделал помощник начальника Окружного отдела Лицис и пометку «Утверждаю» – начальник Донецкого окружного отдела ОГПУ Штахановский.

Данная ликвидационная записка помечена октябрём 1929 г. (без конкретной даты), составлена в г. Миллерово [32]. Имеющееся в деле «Постановление о принятии дела к производству дознания и следствия» датировано 7 октября 1929 г. [33].

Далее в деле следует заявление в органы гражданина Касаткина от 2 сентября 1929 г. о том, как его вербовали на базаре в хуторе Рябове и просили достать патроны, написанное коряво и неразборчиво [34]. Кроме того, в заявлении Касаткин сообщал, что казак А. Ковалев хвастался, как рубил головы красным в карательном отряде Лазарева [35].

Здесь же заявление гражданина Никифорова, который до 1918 г. жил в Еланской, а теперь, в 1929 г., ездил туда по делам. В заявлении говорится, что во время поездки Никифоров встретился с местными казаками А. Ковалевым, П. Аникиным и Г. Щетниковым, «они стали разговаривать про жизнь, про настоящее время, они говорят: не дай бог, жизнь невыносимая, пить нельзя, но немного нам осталось мучиться – наши идут, уже прошли 300 верст. Идет генерал Назаров, какового мы знаем отлично. Это боевой генерал... Нам от этого хуже не будет, мы все дружно возьмемся за это, сейчас весь мир недоволен Советской властью, сейчас охватим весь народ, который сидит в тюрьме» [36]. Далее, возвращаясь к себе домой в Урюпинскую, Никифоров со своими собеседниками заезжал к С.А. Канаеву, который показывал ржавую винтовку и обрез, к А. Ковалеву, который просил купить патроны к револьверу и дал 10 рублей. На территории Хоперского округа Никифоров остановился у Пшеничнова, который хвалился, что участвовал в Вешенском восстании: «...знаешь, как я с вешенцами проделывал? Я был командиром сотни, очень они ребята лихие. Мы им построим колхозы...» [37]. Заявление не датировано.

Обращают на себя внимание уже встреченные нами фразы и словосочетания: «я 3 дня пью с горя», «пить нельзя» (в ликвидационной записке – «жить нельзя»), «легальная попойка»... Создается впечатление, что казаки встретили старого знакомого (10 лет не виделись), выпили, хвалились спрятанным оружием (оружие до установления советской власти каждый казак имел и гордился им), жаловались на жизнь... А генерал Назаров действительно прошел 300 верст. Но был он не генерал, а полковник, шел от Таганрога до Константиновской, и было это в 1920 г. Как это часто бывает, пьяные казаки желаемое выдавали за действительное. И самое главное – в обоих заявлениях ничего не говорится о наличии подпольной организации.

На территории Нижне-Волжского края шла развернутая массовая коллективизация, и секретарь Нижне-Волжского крайкома Б.П. Шеболдаев требовал ускорить все эти процессы. «Обстановка в деревне требует форсирования этих мер», – писал он в Москву [38]. Там же была разоблачена группа засланных белогвардейцев. Каких-либо сведений об этой операции чекистов в открытой печати до настоящего времени не встречалось. Нижне-волжские чекисты предполагали наступление мятежников на Донецкий округ Северо-Кавказского края, на наиболее контрреволюционный Вешенский район, где их, несомненно, ждало подкрепление. Но вернемся к нашему делу...

В нем за письменными заявлениями Никифорова и Касаткина следует пачка ордеров на обыск и арест, датированных 2 и 3 октября [39]. То есть, брали и обыскивали казаков заранее, до постановления о производстве дознания и следствия.

Оба тома судебного дела скомпонованы по логике, ясной лишь чекистам, а ликвидационная записка составлена, как нам кажется, гораздо позже указанного на ней октября 1929 г. Дело в том, что на одного из указанных в ней «заговорщиков», Попова Никифора Ивановича, помеченного как «каратель, конокрад» [40], первый донос поступил лишь 5 декабря 1929 г. [41]. Не раньше этой даты и была составлена ликвидационная

записка. Если же мы попытаемся рассмотреть документы, хранящиеся в деле, в хронологическом порядке, то вырисовывается следующая картина.

Самый ранний (после заявления Касаткина от 2 сентября) по времени документ в деле – постановление помощника уполномоченного следственного отдела Витченко от 13 сентября 1929 г. Витченко рассмотрел требование Хоперского окружного отдела ОГПУ об аресте Ковалева Андрея Семеновича и Канаева Сергея Андриановича и постановил арестовать их и содержать при Донецком окружном отделе ОГПУ [42].

Естественно, Касаткин и Никифоров писали заявления по месту жительства, в органы Хоперского округа, а не в соседний Северо-Кавказский край. А хоперские чекисты, напомним, как раз «раскручивали» дело о подпольной организации полковника Кадыкова. И наиболее опасными им показались люди, демонстрировавшие случайным знакомым оружие (заявление Никифорова). Отсюда и требование об аресте С.А. Канаева и А.С. Ковалева.

Канаев Сергей Андрианович встречается в исследовании С.В. Волкова «Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога». Здесь сказано, что он родился в 1898 г. В белой Донской армии – хорунжий в 12-м Донском казачьем полку (добавим, что в 1919 г., согласно приказу по Войску Донскому № 1507 от 21 сентября 1919 г., он числится младшим офицером 1-й сотни 12-го Донского полка). 10 ноября 1919 г. награжден орденом Святого Станислава 3-й степени [43].

На допросах показал, что из школы был исключен за хулиганство, в 1918 г. его призвали в белую армию, в 12-й Донской полк, но из-за болезни уха он остался дома, участвовал в Вешенском восстании, из рядовых был произведен в офицерский чин и опять в 1919 г. был направлен в 12-й Донской полк. По болезни был эвакуирован в Константинополь. В 1920–1921 гг. находился за границей. Вернулся в 1921 г. в Одессу, где 3 месяца отсидел под стражей. В 1922 г. служил в бригаде особого назначения РВС, в 3-м кавалерийском полку взводным командиром, боролся с бандитизмом на реке Маньч. В том же году демобилизовался и вернулся в станицу. В 1928 г. привлекался к суду за кражу скота [44–45]. Ясно, что новобранец, за 4 месяца восстания ставший офицером – это прекрасный воин и для советской власти достаточно опасный человек.

Какую-либо причастность к антисоветским организациям С.А. Канаев отрицал: «Я красный партизан, честно служил в рядах Красной армии и далек от контрреволюции... Все казаки у нас стоят крепко за Советскую власть, точно так же как и я» [46].

Ковалев Андрей Семенович, 1895 г.р., казак хутора Кочетова, показал, что в Первую мировую войну служил в 44-м Донском полку, а в Гражданскую – в 19-м конном (так после соединения вешенских повстанцев с белыми стал называться 1-й Еланский конный полк). «Канаева Сергея, Щетникова Гавриила я хорошо знаю, но с ними боялся водить компанию, т.к. они были замечены в краже скота... Выдавал власти Канаева за кражу быков... Среди казаков я не был свидетелем, чтобы они высказывали недовольство на соввласть, т. к. мы боялись об этом говорить» [47].

Согласно заявлению Никифорова, казаки Еланской станицы Северо-Кавказского края С.А. Канаев и А.С. Ковалев дали ему явку к казаку хутора Скулябного Хоперского округа Нижне-Волжского края Пшеничнову Ивану Ивановичу. Это могла быть ниточка, связывавшая заговорщиков двух краев.

И.И. Пшеничнова Хоперский отдел ОГПУ арестовал 10 сентября. Он признал, что в хуторе Рябове на базаре 1 сентября был завербован бывшими офицерами Митиным и Ангамоскиным, дал согласие вступить в контрреволюционную организацию и получил задание съездить в соседний округ (и соседний край) в станицу Еланскую, узнать настроение и привлечь еланских казаков в организацию. Но задания он не выполнил, так как до поездки, 10 сентября 1929 г., был арестован [48]. Ниточка оборвалась... Связи у предполагаемых заговорщиков с соседним краем не было. Но показания свои начальнику контрразведывательного отдела Донецкого окружного ОГПУ Фирсову И.И. Пшеничнов дал лишь 12 ноября, когда его доставили из Хоперского округа.

И с заявлением И. Касаткина, жителя Борисоглебска, дело оборачивалось неладно. 28 декабря 1929 г. Борисоглебский окружной отдел ОГПУ Центрально-Черноземной области известил следствие, что граждане Касаткин Иван и Брикачев Григорий в указанном округе не установлены [49].

Кто ж тогда донос писал? И хозяина «явки», бахчевника В.З. Губанова, к которому надо было везти патроны, ОГПУ освободило... Кстати, автор второго заявления, И.И. Никифоров, следствием допрошен не был, в очных ставках не участвовал.

Но, повторяем, до получения этих сведений, разваливающих «дело», Донецкий отдел ОГПУ 2–3 октября начал обыски и аресты, руководствуясь, видимо, указанными письменными заявлениями и агентурными данными.

У первых 12 арестованных при обысках обнаружили: старую печать хуторского атамана, 1 патрон от винтовки и переписку на 7 отдельных «четвертушках». 8 из 12 арестованных впоследствии с миром отпустили.

На допросах особое внимание уделялось имущественному положению, службе у белых, выяснялись детали восстания 1919 г. Естественно, спрашивали о контрреволюционной организации. Арестованные ее наличие отрицали. И. Денисов: «Я как бедняк не имел никакого общения с кулацким элементом» [50]. А.Г. Целиков: «Ни от кого не слышал о существовании контрреволюционной организации и к таковой принадлежности никакой не имел» [51]. Е.Ф. Белоусов: «Ни от кого из казаков станицы Еланской, а также приезжих, я не слышал о намерениях к восстанию. Все казаки живут спокойно и о восстании не говорят» [52]. А.С. Летнев: «О существовании контрреволюционной организации я ничего не знаю» [53]. М.И. Гордеев: «Казаки наши покоряются Советской власти и против нее ничего не думают» [54].

И лишь один арестованный, Щетников Гаврила Фирсович, дал интересные для следствия показания: «Могу сказать, что казаки станицы Еланской Советской власти не хотят, все стремятся, чтоб [ее] не было, а пришла кадетская власть. Подобные разговоры имеют место и в других станицах» [55].

Тот же Щетников в своих показаниях раскрыл истинную связь между С. Канаевым, И. Пшеничным и А. Ковалевым, через которых хоперские чекисты пытались нащупать (или создать искусственно) ниточку между хоперскими и еланскими заговорщиками. С Пшеничным Щетников вместе привлекался к судебной ответственности, вместе с тем же И. Пшеничным судился и С. Канаев [56]. В 1927 г. Щетникова вызывали в суд в станицу Алексеевскую Хоперского округа по подозрению в краже, там он познакомился с Пшеничным, встречался с ним часто [57]. Пшеничнов был арестован в 1927 г. за кражу скота [58]. Вместе с Пшеничным проходили по делу о краже еланские казаки С. Канаев и М. Горячев. Горячев взял вину на себя и получил 4 года, а Пшеничнов и Канаев были освобождены. «Я тоже оправдан». С тех пор Щетников дружил с Канаевым и Пшеничным. И с ними еще дружил Ковалев А. [59].

То есть, хоперские чекисты на роль заговорщиков Северо-Кавказского края «утвердили» первых попавших к ним уголовников из этого края. Кроме того, Щетников по непонятным соображениям назвал С. Канаева полковником Белой армии [60].

7 октября было вынесено постановление об аресте (уже обысканных и арестованных) 12 казаков и о препровождении их в город Миллерово [61]. На бывшего слабину Щетникова надели. В течение последующих 10 дней его допрашивали 5 раз и дважды водили на очные ставки. Большинство протоколов допросов Щетникова не датированы. На его показаниях, собственно, чекисты и стали строить новую систему обвинений.

О себе Г.Ф. Щетников дал откровенные показания, говорил, «как на духу». Родился в 1879 г., неграмотен (вместо подписи ставил три креста). Действительную службу отбывал в 11-м Донском полку. В 1906 г. подавлял забастовку в городе Радоме. Участник Первой мировой войны, участник восстания в 1919 г., служил в местном гарнизоне. В 1924 г. судился за кражу, получил 2 года, но был освобожден через 6 месяцев. «В станице Еланской я слышу за местного вора-скотокрада. Несколько раз задерживался, подвергался приводам в милицию. Воровством я занимался у населения станицы Еланской» [62]. Во время восстания «мне приказано было идти в бой с колом, да и у многих были колы, оружие доставалось за счет красных частей» [63]. «При отступлении белых я отступал до села Белая Глина, где я пристал в зятя к одному кулаку. Прожил 7 месяцев, оставил сноху, кулака и уехал в ст. Еланскую, приехав на Пасху 1920 г. В Еланской у меня были хата, корова и 2 быка и оставались жена с дочкой. Жена вскоре ушла от меня, а дочь отдала замуж. При отступлении я нашел 72 тысячи денег совзнаками, купил себе флигель и нашел себе жену Баеву Марфу, в 1928 г. развелся и сейчас сожительствую с Ариной Даниловной

Кузнецовой. Брат у нее за границей, помощник атамана Иван Данилович Бондарев. Занимался я торговлей, скупкой и продажей скота и мяса. Посева я не имел. Приходилось покупать ворованный скот. Сам я не воровал, но был связан с теми, кто занимался воровством. Знаю все хутора. Вхож к богатым. Они знали, что через меня они могли все достать. Я разобьюсь, а водку достану каждому, никого никогда не выдавал. На этой почве у меня происходили встречи и выпивки с казаками, присутствовал при их разговорах. Из этих разговоров я узнал, что казаки в данное время готовятся к вооруженному восстанию против Советской власти» [64].

Кроме того, Г.Ф. Щетников «сдал» свою бывшую сожительницу Баеву Марфу – у нее якобы был револьвер – и нынешнюю, Арину Кузнецову, – ей из-за границы брат передал 40 рублей [65].

Первой в показаниях Щетникова всплыла фамилия Гурова Михаила Яковлевича, бывшего командира повстанческой сотни. «Гуров заявлял мне жалобы, что проводят хлебозаготовки, жить нам трудно, что власть поэтому будет свергнута. Почему она – Соввласть – будет свергнута, Гуров мне так и не сказал» [66]. Далее были названы Гуров Василий Васильевич, который когда-то, по мнению Щетникова, носил погоны полковника, и Попов Александр Иванович, атаманец. Эти оба ждали войны с Китаем, не хотели сдавать хлеб и говорили, что «терпеть осталось немного» [67].

Затем, видимо, Щетникову был задан вопрос о бывшем командире Еланского повстанческого полка Иване Голицыне. Щетников сказал, что Голицын «живет очень богато» [68]. Некий Гуров Василий Ефимович якобы говорил Щетникову, что Голицын «работает против Советской власти тайно, но осторожно». Далее Щетников перечислил всех бывших подчиненных Голицына во время восстания на уровне сотенных командиров и рассказал, что летом видел, как «Гуров Василий Ефимович встретил Голицына Ивана, особенно приветствовал его, отдал честь и низко поклонился. Знаю, Голицын Иван никуда не выезжает, и если выезжает, то связь имеет со станицами Хоперского округа» [69].

Но чекистов, видимо, не устраивали косвенные данные, кто кому кланялся и т.п. В деле хранится бумага «Дополнительные показания Щетникова Гавриила Фирсовича», не датированная, но находится между документами, отмеченными 10 и 15 октября 1929 г. Допрашивал Щетникова начальник контрразведывательного отдела Фирсов.

Щетников «дополнительно» показал, что после Троицы в июле с С. Канаевым и А. Ковалевым ездил в хутор Рябов Хоперского округа. По дороге Канаев сказал ему, что готовится восстание. И.Ф. Голицын будет командовать полком, а В.Е. Гуров и М.Я. Гуров будут командирами сотен. «Мы устраивали офицерское совещание в х. Нижне-Вязовском у Голицына И.Ф., где было много наших командиров и решали вопрос о том, как будем делать восстание», – якобы сказал Канаев [70]. Он предложил Щетникову вступить в организацию, и тот согласился. В хуторе Рябове на рынке встретились с Пшеничным и 2 казаками из станицы Алексеевской, друзьями С. Канаева. Затем все якобы собралась во дворе некоего Семена Ивановича. Компания «стала пить, я тоже присел. Голицын перед нами рассуждал, что мы должны сменить Советскую власть, организовать полк, сделать восстание, а то у нас все заберут, и нам будет плохо, мы должны ожидать спасения только от самих себя, и нам помогут войска из-за границы, которые вот-вот должны нагряться» [71]. К Голицыну якобы подходили другие казаки и о чем-то тихо разговаривали. Вернувшись, Щетников рассказал, что вступил в организацию, бывшему офицеру, участнику восстания А.М. Кривошлыкову, а тот ответил, что уже знает от М.Я. Гурова [72].

15 октября на дополнительном допросе Щетников подтвердил, что весной ездил в хутор Рябов с С. Канаевым и А. Ковалевым, и во время поездки те его завербовали [73] (раньше он показывал, что вербовали его в июле).

16 октября Щетников рассказал о ходе восстания 1919 г. и назвал ряд его руководителей. И сейчас якобы казаки открыто ему говорили: «Где же наш Голицын? Он в 1919 г. освободил нас от Советской власти, а сейчас нас никто не освободит» [74]. Особо Щетников отметил, что весь бывший командный состав повстанцев живет богато, «хотя они возвращались полуголыми, и хозяйства их были разорены» [75].

Следующая волна обысков и арестов пришла на 17–18 октября. Арестованы были 22 человека. Среди них И.Ф. Голицын и все названные Щетниковым участники восстания

1919 г. Для разнообразия арестовали местных скотокрадов, местного псаломщика и хозяина мельницы из соседнего округа.

Были найдены 3 охотничьих патрона, отрывок из брошюры «О признаках кончины мира», переписка на 10 листах и переписка на 22 листах. У И.А. Воробьева нашли винтовку. Он говорил, что винтовка учебная, сын Федор принес ее из Осоавиахима [76]. Арестованных отправили в г. Миллерово и начали допрашивать.

Но тут перед следователями предстал иной человеческий материал. Это были выборные командиры повстанческих отрядов, выходцы из рядового состава, заслужившие георгиевские кресты и офицерские погоны, уже отсидевшие за свою «контрреволюцию» и амнистированные. Они, не таясь, говорили о своих наградах и бывших подвигах, открыто жаловались на жизнь, но отказывались говорить что-либо о своих товарищах.

Александр Иванович Попов заявил: «Преданием народа я не занимался, и это не по моей душе... Предать человека я не могу по моему душевному предрасположению к ним и моему характеру. И ничего за них не знаю» [77].

Митрофан Никитович Кочетов заявил, что «не согласен сообщать органам государственного политического управления показания о лицах, проводивших контрреволюционную работу против советского государства», и повторно заявил: «категорически отказываюсь» [78].

Иван Федорович Голицын выразился еще яснее: «Я, бывший командир повстанческого полка, заявляю, что никаких показаний о известных мне лицах, проводивших подготовку к вооруженному восстанию против Соввласти, категорически давать не буду... Я не проститутка, чтобы сообщать ОГПУ известную мне к[онтр]/р[еволюционную] деятельность моих знакомых» [79].

И.Ф. Голицын, 1890 г.р., бывший командир Еланского полка в период восстания, стал ключевой фигурой процесса. Он был участник Первой мировой войны, полный георгиевский кавалер, произведенный в хорунжие, «как бантист», 10(23) октября 1918 г. После восстания он остался в своем полку уже в качестве взводного командира. После Гражданской войны был осужден и сослан в Свердловск, откуда вернулся только в 1926 г.

Его предполагалось выставить главой заговорщиков. Против него были показания Щетникова, что он в хуторе Ряbove во время пьянки обсуждал будущее восстание, а С. Канаев якобы говорил Щетникову по дороге в Рябов в июле 1929 г., что дома у Голицына проводили «офицерское совещание». Однако С. Канаев на допросе 3 декабря показал, что в хуторе Ряbove был только в 1928 г., а в 1929 г. туда не ездил, «благодаря тому, что у меня больные ноги – болезнь ревматизм», а на вопрос о И.Ф. Голицыне и А.И. Попове ответил: «Могу сказать, что богатые, а больше ничего сказать не могу» [80]. Да и сам Голицын на допросе сказал: «Со своими командирами по восстанию я избегал встречаться и иметь общение, дабы не навлечь подозрений» [81].

Что касается совещания в хуторе Ряbove, то И.Ф. Голицын выдержал очную ставку с Г.Ф. Щетниковым 28 октября и заявил, что в июне или июле он был в Ряbove, продавал быков. «На рынке я действительно выпивал, со мной был Бесхлебнов Андрей Васильевич, моя сваха Анна Николаевна Солдатова, Мельников Егор Тарасович. Перечисленные Щетниковым лица со мной не выпивали» [82]. Названные И.Ф. Голицыным лица следствием допрошены не были.

Наивно надеясь, что за свою «контрреволюцию» он уже отсидел, И.Ф. Голицын пытался говорить с представителями власти о насущных житейских проблемах. Он вернулся к разоренному хозяйству и семье в 11 человек, но быстро наладил дело, не зря Щетников и Канаев назвали его богатым. Он рассказал, что с 1923 г. положение на Дону улучшилось, но в 1928 г. началась борьба со спекуляцией, «казак замкнулся, но излишки вывозил». Но с осени 1928 и весной 1929 гг. «наехали работники», назначили непосильные контрольные цифры хлебазаготовки. В 1929 г. настроение у казаков было растерянным. «Казак ходил унылый или предавался широкому пьянству. Деда пророчили из Библии про Китай» [83]. Сам Голицын «приходил к выводам, что казачество доживает последние дни, считая это неизбежным явлением». Но из-за расшатанного здоровья, заявил он, «я решил уйти на покой, вернулся в семью, работаю только во имя семьи» [84].

И, тем не менее, дважды, 27 октября и 14 ноября на вопрос о возможности восстания он ответил: «Мне как врагу Советской власти, об этом я открыто заявляю, так как у меня есть

несмываемое прошлое, почва для развития контрреволюции среди казачества была вполне пригодной» и «Я не могу ручаться, чтобы казачество являлось надежным оплотом для Советской власти в случае военных событий» [85].

Но участие в контрреволюционной организации И.Ф. Голицын отрицал и вообще какой-либо организации среди казаков не замечал [86]. Доказательств контрреволюционной деятельности бывшего командира повстанческого полка следствие не нашло. В обвинительном заключении о И.Ф. Голицыне было сказано: «На допросе он показал, что является непримиримым врагом Советской власти» [87]. И все.

Другие подследственные вели себя схоже. М.Т. Кочетов на допросе 1 ноября заявил: «Казак привык жить, чтоб его не трогали и не трогали его хозяйства». Но советская власть наносит ущерб хозяйству, «и благодаря лишь тому, что казак подымал свой голос за право на жизнь, за сохранение своего хозяйства». Он, Кочетов, сеял 7 десятин, а на него наложили по хлебозаготовкам 400 пудов зерна. «Наложение считаю неправильным. Хлеба у меня нет» [88].

Александр Иванович Попов показал 16 ноября, а затем 2 декабря: «При Советской власти мне жилось очень хорошо», но с 1928 г. начались хлебозаготовки, а «в 1929 г. стало туго жить и не под силу выполнять кампании по хлебу». Казаки стали говорить: «До каких пор это будет продолжаться?». В общем, «этим людям жить хочется, как и мне, но не с такой жизнью...» [89]. Но донести до представителей власти свои беды и проблемы арестованные казаки не могли и, когда догадывались о сути происходящего, начинали глумиться над следователями.

Так, Михаил Егорович Тарасов, 1892 года рождения, георгиевский кавалер, командир повстанческой сотни, отсидевший с 1920 по 1924 гг. в концлагере в Рязани и в Костроме, на допросе 24 октября заявил: «Я вообще невинный человек... За казаков станицы Еланской я ручаюсь, они все за Советскую власть, так же как я. С Щетниковым Гаврилой не выпивал и в его компании избегал бывать» [90].

31 октября за М.Е. Тарасова взялся сам Фирсов, начальник контрразведывательного отдела. Диалог этот достоин того, чтобы его привести полностью:

«Вопрос: Были ли недовольства в ст. Еланской среди казаков на хлебозаготовки?»

Ответ: Никаких не было. Казак очень даже радовался, что у него забирают хлеб, так как Вы, Советская власть, когда забираете хлеб, говорите, что [вы, казаки] пойдете в коллектив. Казак поэтому с охотой отдавал хлеб и стремился идти в коллектив.

Вопрос: Довольны ли были лица, у которых власть забирала хлеб и конфисковывала имущество?»

Ответ: Эти лица довольны были и говорили, что это должно так и быть, если Советская власть ведет к социализму.

Вопрос: Нужна ли казаку Советская власть?»

Ответ: Нужна, так как казаки выполняют хлебозаготовку, займы, самообложение и помогают этим Советской власти.

Вопрос: Когда казаку жилось лучше, при царе или при Советской власти?»

Ответ: Казак никогда не признавал царской власти, так как он справлял коня, пашку и отдавал честь, хотя таких требований [как сейчас] царская власть не предъявляла.

Вопрос: Что дороже, честь или выполнение хлебозаготовок?»

Ответ: Казаку если бы сейчас предложили старые порядки, то сейчас он с ними бы не согласился. Все его стремление только направлено, чтобы помочь Советской власти хлебозаготовками.

Вопрос: Почему в Еланской хлебозаготовки не на 100 % выполнены?»

Ответ: Некоторые агитировали, возможно, что будет война с Китаем. О китайских событиях я узнал, когда попал в камеру ГПУ. Сам слышал от народа ст. Еланской, что в Китае рабочие воюют с китайской буржуазией, но об этом я слышал еще в прошлом году.

Вопрос: Почему началось восстание в 1919 г.?»

Ответ: Потому что власть мобилизовала обывательские подводы.

Вопрос: Сейчас хлебозаготовки, конфискации, аресты могут служить почвой, чтоб казаки говорили о новом восстании?»

Ответ: Заявляю, что аресты производятся, чтобы казаки были сознательными и не готовили бы восстание против теперешней власти, а конфискации применяются для того, чтобы казак быстрее шел к социализму.

Вопрос: По-видимому, казаки подготавливали в данное время контрреволюционное восстание?

Ответ: Нет, потому что казаки живут при Советской власти хорошо» [91].

Щетников и Пшеничнов добавляли новые детали, их водили на очные ставки, но признавшихся не находилось.

Сам Пшеничнов, завербованный Митиным и Антамошкиным, 13 ноября усомнился в своих показаниях. «Возможно, это были и не Антамошкин, и не казак Митин, и может быть они только ими рекомендовались. Почему доверяли мне, не знаю. Почему согласился вступить в организацию, объяснить не могу» [92]. Но с ним поработали, и Пшеничнов заявил: «Прошу простить меня. Я понял свое заблуждение и теперь считаю нужным раскаться в своих преступлениях против Советской власти». И назвал членов контрреволюционной организации Канаева, Ковалева, Лошадкина, Щетникова [93]. Это были казаки Еланской станицы, о них писал в заявлении Никифоров и подробно рассказывал сам Щетников. Пшеничнов же, как мы помним, в Еланскую по заданию выехать не успел.

Позже в обвинительном заключении было сказано, что вину признали лишь двое – Щетников и Пшеничнов. Другие «создали на ходе следствия организованное сопротивление в отказе дачи показаний о своем участии в контрреволюционной деятельности» [94].

Привлеченные свидетели отрицали возможность восстания. 69-летний фельдшер Мельников Ефим Яковлевич считал, что казаки на восстание не пошли бы, «потому что 1919 г. сидит у них до сих пор в памяти» [95]. И Алексей Григорьевич Дроздов, урядник Белой армии, а затем взводный командир Красной армии, подтвердил: «теперь восставать очень трудно, мы научены, как восставать» [96].

Сроки поджимали. Изучив прошлое арестованных и их имущественное положение, чекисты выпустили ряд арестованных. 8 января – 69-летнего фельдшера Е.Я. Мельникова (в другом списке он проходил как кулак и дворянин) [97]. 12 января 1930 г. начальник контрразведывательного отдела Фирсов постановил освободить: Е.В. Козлова (в ликвидационной записке он значился как «уголовный элемент», отсидевший за кражу) [98], Я.В. Аникеева (бывшего рядового повстанца, телефониста), И.П. Денисова (бедняка, отслужившего в Красной армии в 1919–1922 гг.), П.Ф. Воробьева (в ликвидационной записке он тоже значился как «уголовный элемент», в 1922 г. умудрился украсть овцу у самого Г.Ф. Щетникова) [99], А.И. Банникова (кустаря-портного, отслужившего у красных, и у белых, вернувшегося из эмиграции с первым же пароходом и дослуживавшего в дивизии Г.И. Котовского), Мельникова Георгия Ефимовича (в ликвидационной записке он значится как «учитель», и фамилия его там подчеркнута красным; на самом деле учителем был его брат Михаил, а Георгий был офицером, репатриантом, отсидевшим за нелегальный переход границы; в 1925–1929 гг., работал «шофером трактора», чему научился в эмиграции) [100]. Видимо, последнего выпустили в преддверии поголовной коллективизации, учитывая его навыки тракториста.

Меж тем 10 января подследственным было объявлено об окончании следствия. 15 января было составлено обвинительное заключение на 35 человек, обвиняемых по статье 58-11. Начиналось оно, как и ликвидационная записка, с экскурса в прошлое: «В феврале 1919 г. в Вешенском округе была свергнута создававшаяся Советская власть...». Но, как считали чекисты, «в прежних очагах Вешенского контрреволюционного восстания сохранились кадры активной белогвардейщины, проводившей настойчивую борьбу против проводимых партией и соввластью мероприятий» [101].

Местные повстанцы, как считало следствие, были связаны с ликвидированной на Хопре организацией офицеров Кадыкова, Афанасьева, Яковлева и Пономарева, которая «в первую очередь рассчитывала на выступление казачества Вешенского района, проводя в его среде подготовительную для вооруженного восстания работу, и на казачество Вешенского района возлагалась ведущая роль в восстании» [102]. Отметим, что в деле нет ни одного показания членов указанной хоперской организации.

Обвинительное заключение, основываясь на показаниях Г.Ф. Щетникова и И.И. Пшеничнова, на заявлениях Никифорова, Касаткина и Брикачева, говорило о совещании бывших повстанческих командиров и о скупке оружия. Заговорщики были выявлены в 14 хуторах, это были 1 командир полка, 7 сотенных и взводных командиров, 3 репатрианта, 3 бывших атамана, 6 бывших вахмистров, 2 торговца, 1 духовное лицо, 2 сына кулака, 4 деклассированных элемента, 6 рядовых участников восстания. По классовой принадлежности это были 10 кулаков, 7 зажиточных, 15 середняков (из них 3 – бывшие кулаки) и 3 бедняка (деклассированные элементы). 12 человек уже были лишены избирательных прав – «лишенцы» [103].

Составитель написал, что дело «подлежит рассмотрению во внесудебном порядке Политтройкой при ПП ОГПУ СКК¹ и представляется на предварительное заключение прокурору по Донецкому округу». Подписали начальник контрразведывательного отдела Фирсов, помощник начальника окружного отдела Лицис и утвердил начальник Донецкого окружного отдела Штахановский [104].

20 января 1930 г. свое заключение составил временно исполняющий должность окружного прокурора Донецкого округа Г.Е. Вронский. Во вступительной части он отметил: «На почве недовольства проводимых совластью мероприятий на селе, часть реакционного казачества начала организовываться в повстанческие боевые организации, имеющие целью восстание против Советской власти» [105]. Далее арестованные обвинялись в связи с заграничными антисоветскими структурами, в работе под руководством белоэмигрантов, в стремлении создать отдельное казачье государство. Далее следовал список с характеристиками, которые должны были выявить классовое лицо арестованных. Помимо подготовки к восстанию, люди обвинялись в хранении оружия, укрывательстве имущественного положения кулаков, указывались все антисоветские посты и действия человека в прошлом. Завершалось заключение словами «настоящее дело направить на внесудебное рассмотрение политтройки при ПП ОГПУ СКК» [106].

На заключении, составленном 15 января, были наложены две резолюции: «Согласен. Старший помощник краевого прокурора А.М. Туманов» и «На рассм[отрение] к[раевой]/т[ройки]. Уполномоченный по кр. <неразборчиво>. 30.1.30» [107]. 30 января были составлены два документа. Уполномоченный контрразведывательного отдела Шинкарев постановил освободить 8 человек: И.П. Кашлакова (в ликвидационной записке значился «уголовный элемент», окружной прокурор вменил ему хранение оружия); И.К. Лошадкина (бывший повстанец, прокурор обвинил его в вербовке, агитации и получении патронов); В.З. Губанова (в ликвидационной записке значится «уголовный элемент», бахчевник, с начала следствия проходил как содержатель явки); И.И. Панфилова (местный скотокрад, имел кличку «Мошенник») [108]; Д.М. Щиповскова (в ликвидационной записке значится «уголовный элемент»); И.И. Титова (в ликвидационной записке значится «кулак», бывший повстанец); И.Ф. Кочетова (в ликвидационной записке значится «кулак», служил у белых); А.С. Летнева (бывший кулак, бывший повстанец) [109]. Как видим, контрразведывательный отдел освободил неудачливых уголовников и людей, не занимавших в белом движении каких-либо постов. Начальник контрразведывательного отдела Курский начертал на постановлении «Согласен», а заместитель Полномочного представителя ОГПУ в крае Рудь утвердил [110].

Тогда же, 30 января, состоялось заседание тройки при ПП ОГПУ СКК по делу № 12897. Решение тройки было утверждено ОГПУ 1 февраля 1930 г.

Тройка приговорила расстрелять Голицына И.Ф., семью выслать в Северный край на 5 лет, имущество конфисковать. Такой же каре подвергли М.Е. Тарасова, который утверждал, что казаки очень довольны, когда у них конфискуют имущество и таким образом ведут к социализму.

Приговорили к расстрелу, но не тронули семьи А.С. Канаева (за год из рядовых ставшего офицером, репатрианта и скотокрада; ему приписали участие в карательном отряде Лазарева); А.М. Кривошлыкова, Г.К. Лошадкина, Б.Я. Макарова, В.Е. Гурова, М.Я. Гурова (все пятеро – командиры сотен во время восстания 1919 г.). Расстреляли

¹ При полномочном представителе ОГПУ в Северо-Кавказском крае.

А.С. Ковалева (ему приписали командование сотней в восстание и службу в карательном отряде Лазарева). Расстреляли А.И. Попова, отказавшегося давать показания, ему припомнили подавление рабочих забастовок еще до революции. М.Н. Кочетова и М.И. Гордеева расстреляли как репатриантов, прибывших из-за границы с антисоветскими заданиями. Расстреляли И.А. Воробьева, бывшего хуторского атамана, и Н.М. Гордеева, кулака, лишенца, бывшего подхорунжего. Расстреляли Н.И. Попова, конокрада, его обвинили в том, что он в годы Гражданской войны сам расстрелял сына-красноармейца.

Заодно расстреляли И.И. Пшеничнова и Г.Ф. Щетникова, на показаниях которых и было построено все дело. Пшеничнову припомнили, что в 1919 г., во время восстания, он перешел от красных к повстанцам, а теперь якобы осуществлял связь повстанцев с казаками Хоперского округа, да и вообще в 1928 г. подозревался в краже, а Щетникову, торговцу ворованным скотом, судимому за кражу, припомнили, как в 1906 г. он разгонял забастовки рабочих.

По 10 лет дали В.В. Гурову, бывшему подхорунжему; З.С. Кривошлыкову, Е.Ф. Белоусову, А.Е. Целикову, Е.М. Попову – кулакам; В.И. Комиссарову, старшему уряднику, репатрианту; В.И. Гурову, зажиточному, бывшему повстанцу; И.Н. Кочетову, бывшему хуторскому атаману и бывшему председателю сельсовета; М.А. Сердинову, псаломщику. Меньше всех – 8 лет – получил И.И. Алешин, хозяин мельницы, зять С. Канаева [111].

Впоследствии уцелевшие родственники подали заявления о реабилитации М.Я. Гурова, А.С. Ковалева, М.Н. Кочетова, Е.М. Попова, их реабилитировали, и в списках, прилагаемых к обвинительному заключению, и к приговору «тройки», сделали соответствующие пометки [112].

На следующий день после утверждения ОГПУ постановления «краевой тройки», 2 февраля 1930 г., в ОГПУ вышел приказ № 44/21 о чекистском сопровождении раскулачивания. «В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям советской власти... в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной, контрреволюционной части – должен быть нанесен сокрушительный удар...» [113]. Начались процессы еще более страшные.

Выводы

Таким образом, перед нами яркий пример бессудной политической расправы власти над бывшими (в годы Гражданской войны) и потенциальными противниками в преддверии массовой коллективизации. И началась такая политика по отношению к ним еще до пика раскулачивания и принудительной коллективизации. Приведенный нами пример относится к концу 1929 г. – «года великого перелома».

Примечания:

1. Ковешникова И. Командир «Первого Еланского полка» // Тихий Дон. 2002. 14 ноября.
2. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-35213. Л. 31.
3. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-35213. Л. 68.
4. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-35213. Л. 88.
5. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-16437. Л. 70б.
6. Архив УФСБ РФ по РО. П-16437. Л. 170б.
7. Архив УФСБ РФ по РО. П-16437. Л. 110б.
8. Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М.: РОССПЭН, 2002. С. 133.
9. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-15633. Л. 68.
10. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-15633. Л. 68.
11. Кузнечевский В.Д. Сталин. «Посредственность», изменившая мир. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. С. 297–298.
12. Крестная ноша: Трагедия казачества. Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934. Ростов-на-Дону: НПК «Гефест», 1994. С. 146.

13. Крестная ноша: Трагедия казачества. Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934... С. 147.
14. Крестная ноша: Трагедия казачества. Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934... С. 112.
15. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 1.
16. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 1.
17. Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 334.
18. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 1.
19. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 2.
20. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 2.
21. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 2.
22. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 3.
23. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 3.
24. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4.
25. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4.
26. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4.
27. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4, 5.
28. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4.
29. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 5.
30. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 5.
31. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 7.
32. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 9.
33. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 10.
34. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 12.
35. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 12.
36. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 13.
37. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 13.
38. Елисеев А.В. Разгадка 1937 года. «Преступление века» или спасение страны. М.: Эксмо; Яуза, 2009. С. 96.
39. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 14–31.
40. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 8.
41. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 167–167об.
42. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 181.
43. Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога... С. 346.
44. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 188, 189.
45. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 148–148об.
46. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 148об.
47. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 133–133об.
48. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 134.
49. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 175.
50. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 217.
51. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 225.
52. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 226.
53. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 227.
54. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 228.
55. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 211.
56. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 211.
57. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 219.
58. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 242об.
59. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 246.
60. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 211.
61. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 199–210.
62. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 246.
63. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 251.
64. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 251.

65. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 247, 251.
66. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 219.
67. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 219.
68. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 219.
69. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 220.
70. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 246.
71. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 246.
72. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 247.
73. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 248.
74. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 251.
75. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 252.
76. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 131.
77. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 150об., 158об.
78. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 52–52об.
79. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 56.
80. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 160.
81. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 143.
82. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 67 об.
83. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 59.
84. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 60.
85. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 60, 143.
86. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 143.
87. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 260.
88. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 101.
89. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 150, 158об.
90. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 490б.
91. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 98–99.
92. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 140.
93. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 157.
94. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 219.
95. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 1260б.
96. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 1670б.
97. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 8.
98. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 8.
99. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 8, 216.
100. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 7, 163.
101. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 205, 206.
102. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 208.
103. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 213–218.
104. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 233.
105. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 260.
106. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 260 об.–2620б.
107. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 233.
108. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 253.
109. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 265–266.
110. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 266.
111. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 267–271.
112. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 226, 230, 231, 268, 269, 270.
113. Наумов Л.А. «Кровавый карлик против Вождя народов». Заговор Ежова. М.: Эксмо; Яуза, 2009. С. 161.

References:

1. Kovesnikova I. Komandir «Pervogo Elanskogo polka» // Tikhii Don. 2002. 14 noyabrya.
2. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-35213. L. 31.
3. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-35213. L. 68.

4. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-35213. L. 88.
5. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-16437. L. 7ob.
6. Arkhiv UFSB RF po RO. P-16437. L. 17ob.
7. Arkhiv UFSB RF po RO. P-16437. L. 11ob.
8. Pis'ma vo vlast'. 1928–1939. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i sovetskim vozhdyam. M.: ROSSPEN, 2002. S. 133.
9. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-15633. L. 68.
10. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-15633. L. 68.
11. Kuznechevskiy V.D. Stalin. «Posredstvennost'», izmenivshaya mir. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2010. S. 297–298.
12. Krestnaya nosha: Tragediya kazachestva. Ch. 1. Kak nauchit' sobaku est' gorchitsu. 1924–1934. Rostov-na-Donu: NPK «Gefest», 1994. S. 146.
13. Krestnaya nosha: Tragediya kazachestva. Ch. 1. Kak nauchit' sobaku est' gorchitsu. 1924–1934... S. 147.
14. Krestnaya nosha: Tragediya kazachestva. Ch. 1. Kak nauchit' sobaku est' gorchitsu. 1924–1934... S. 112.
15. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 1.
16. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 1.
17. Volkov S.V. Ofitsery kazach'ikh voysk. Opyt martirologa. M.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2013. S. 334.
18. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 1.
19. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 2.
20. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 2.
21. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 2.
22. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 3.
23. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 3.
24. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4.
25. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4.
26. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4.
27. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4, 5.
28. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4.
29. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 5.
30. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 5.
31. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 7.
32. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 9.
33. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 10.
34. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 12.
35. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 12.
36. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 13.
37. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 13.
38. Eliseev A.V. Razgadka 1937 goda. «Prestuplenie veka» ili spasenie strany. M.: Eksmo; Yauza, 2009. S. 96.
39. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 14–31.
40. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 8.
41. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 167–167ob.
42. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 181.
43. Volkov S.V. Ofitsery kazach'ikh voysk. Opyt martirologa... S. 346.
44. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 188, 189.
45. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T.2. L. 148–148ob.
46. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T.2. L. 148ob.
47. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T.2. L. 133–133ob.
48. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T.2. L. 134.
49. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 175.
50. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 217.
51. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 225.
52. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 226.

53. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 227.
54. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 228.
55. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 211.
56. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 211.
57. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 219.
58. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 242ob.
59. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 246.
60. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 211.
61. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 199–210.
62. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 246.
63. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 251.
64. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 251.
65. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 247, 251.
66. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 219.
67. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 219.
68. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 219.
69. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 220.
70. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 246.
71. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 246.
72. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 247.
73. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 248.
74. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 251.
75. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 252.
76. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 131.
77. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 150ob., 158ob.
78. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 52–52ob.
79. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 56.
80. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 160.
81. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 143.
82. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 67 ob.
83. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 59.
84. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 60.
85. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 60, 143.
86. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 143.
87. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 260.
88. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 101.
89. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 150, 158ob.
90. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 49ob.
91. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 98–99.
92. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 140.
93. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 157.
94. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 219.
95. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 126ob.
96. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 167ob.
97. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 8.
98. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 8.
99. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 8, 216.
100. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 7, 163.
101. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 205, 206.
102. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 208.
103. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 213–218.
104. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 233.
105. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 260.
106. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 260 ob.–262ob.
107. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 233.
108. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 253.

109. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 265–266.
110. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 266.
111. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 267–271.
112. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 226, 230, 231, 268, 269, 270.

УДК 94 (470):34

**Внесудебная расправа над казаками Еланской станицы в 1929–1930 гг.
(исследование одного архивного дела)**

Андрей Вадимович Венков

Южный научный центр Российской Академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Аннотация. В статье, опираясь на архивные материалы ФСБ, сделана попытка на примере судебных дел 1929–1930 гг. рассмотреть политику власти по отношению к казакам Верхнего Дона на начальном этапе коллективизации. Рассмотрена попытка власти в преддверии массовой коллективизации уничтожить своих потенциальных противников путем обвинения их в подготовке вооруженного восстания. В оборот введены новые архивные материалы.

Ключевые слова: ОГПУ, заговор, контрреволюционная организация, казаки, повстанцы, хлебозаготовки, коллективизация.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 19, Is. 3, pp. 200-217, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.19.200
www.ejournal15.com

UDC 94(47).084.8

Soviet and German plans and forces at the beginning of the fighting in the Kuban region in August 1942

Ilya V. Kiselev

Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots named after Hero of the Soviet Union
A.K. Serov, Russian Federation
Dzerzhinsky str., 135, Krasnodar, 350090
PhD (History)
E-mail: kiselev-istfak@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the fighting in the Kuban region which developed on the southern wing of the Soviet-German front in August 1942. Their beginning had a significant influence on the course of the Battle of Caucasus. During these fights the German Army Group "A" strived to defeat Soviet troops in the Kuban steppes and break through the Caucasus Mountains to the Black Sea coast. The Red Army troops retreated, trying to keep the forces and take advantageous lines for defense.

The author has analyzed the combat instruction of the opposing sides, has compared various data on the number of land, air and naval forces of the USSR and the Axis. The special attention is paid on the evaluation of their composition, combat qualities and capabilities. This made possible to take a fresh look at the Soviet-German confrontation in the Kuban.

Keywords: The Great Patriotic War, Battle of the Caucasus, Soviet forces, Kuban region, North-Caucasian Front, Black Sea Fleet, the Axis forces.

Введение

Боевым действиям на Кубани, начавшимся в последние дни июля 1942 г., суждено было продлиться почти пятнадцать месяцев. Именно первый месяц боев был наполнен тяжелыми и драматическими событиями для жителей Краснодарского края, бойцов и командиров Красной армии. Под ударами войск Германии и ее союзников армии Северо-Кавказского фронта отступили в предгорья Кавказа и оставили большую часть края.

Чтобы разобраться в причинах этих событий и предположить возможность иного сценария их развития, необходимо проанализировать планы противоборствующих сторон, сопоставить данные о количестве сухопутных, авиационных и военно-морских сил СССР и стран оси, попытаться оценить их боевые качества. Тем самым удастся получить своего рода стоп-кадр, на котором окажутся запечатлены армии по обе стороны фронта накануне сражения. Полученный результат и абстрагирование от знания об исходе сражения на Кубани позволят приблизиться к тому, как принимались решения в боевой обстановке

конца июля – начала августа 1942 г., какие факторы и в какой степени воздействовали на войска.

Материалы и методы

Основным источником являются оперативные документы, как опубликованные, так и обнаруженные автором в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). В меньшей степени потребовалось привлечение источников личного происхождения. Широко использовались статистические и справочные издания, сведения из отечественных и зарубежных научных изданий. Поставленные автором задачи потребовали применения историко-сравнительного и историко-статистического методов. Сравнение планов и сил СССР и его противников позволило оценить боевой потенциал сухопутных войск, авиации и флота сторон, мотивы принятия решений в советских и германских штабах, понять логику противостояния на Кубани в начале августа 1942 г. Необходимость объективного взгляда на эти вопросы потребовало изучения многочисленных и, подчас, противоречивых статистических данных, вычленения из их массива информации, относящейся к ходу боев на территории Краснодарского края.

Обсуждение и результаты

Летом 1942 г. развитие обстановки на советско-германском фронте можно было сравнить с движением маятника. Еще весной инерция зимнего контрнаступления толкала Красную армию на запад, но разгром 2-й ударной армии на Волховском фронте, катастрофы под Харьковом и в Крыму качнули маятник войны в обратную сторону. Овладев инициативой, войска Германии и ее союзников приступили к выполнению плана «Блау», дополненного 30 июня положениями плана «Брауншвейг». Их целью стали выход на Нижнюю Волгу, захват всего Кавказа и уничтожение советских войск в регионе. Недостаток сил вынудил противника ограничиться наступлением на одном стратегическом направлении, а решение нанести удар на юге определялся привлекательными перспективами установления контроля над местными нефтяными и продовольственными ресурсами. Только это давало Третьему рейху шанс нанести поражение Советскому Союзу и выиграть войну. И первые шаги на этом пути позволяли немцам надеяться на успех, ведь они сумели отбросить советские войска за реку Дон на всем его среднем и нижнем течении. 23 июля 1942 г., когда были в разгаре бои за «ворота на Кавказ» – Ростов-на-Дону, А. Гитлер подписал директиву № 45 о продолжении операции «Брауншвейг». В ней конкретизировались задачи, которые предстояло решить при захвате Кавказа. Противник рассчитывал уничтожить противостоявшие ему силы Красной армии южнее и юго-восточнее Ростова-на-Дону, овладеть степным Предкавказьем, а затем прорваться в Закавказье через перевалы Главного Кавказского хребта и вдоль побережья Черного и Каспийского морей. Вся эта операция получила наименование «Эдельвейс». На Кубани свое наступление немцы видели следующим образом:

«После уничтожения группировки противника южнее р. Дон важнейшей задачей группы армий “А” является овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего противник лишится черноморских портов и Черноморского флота.

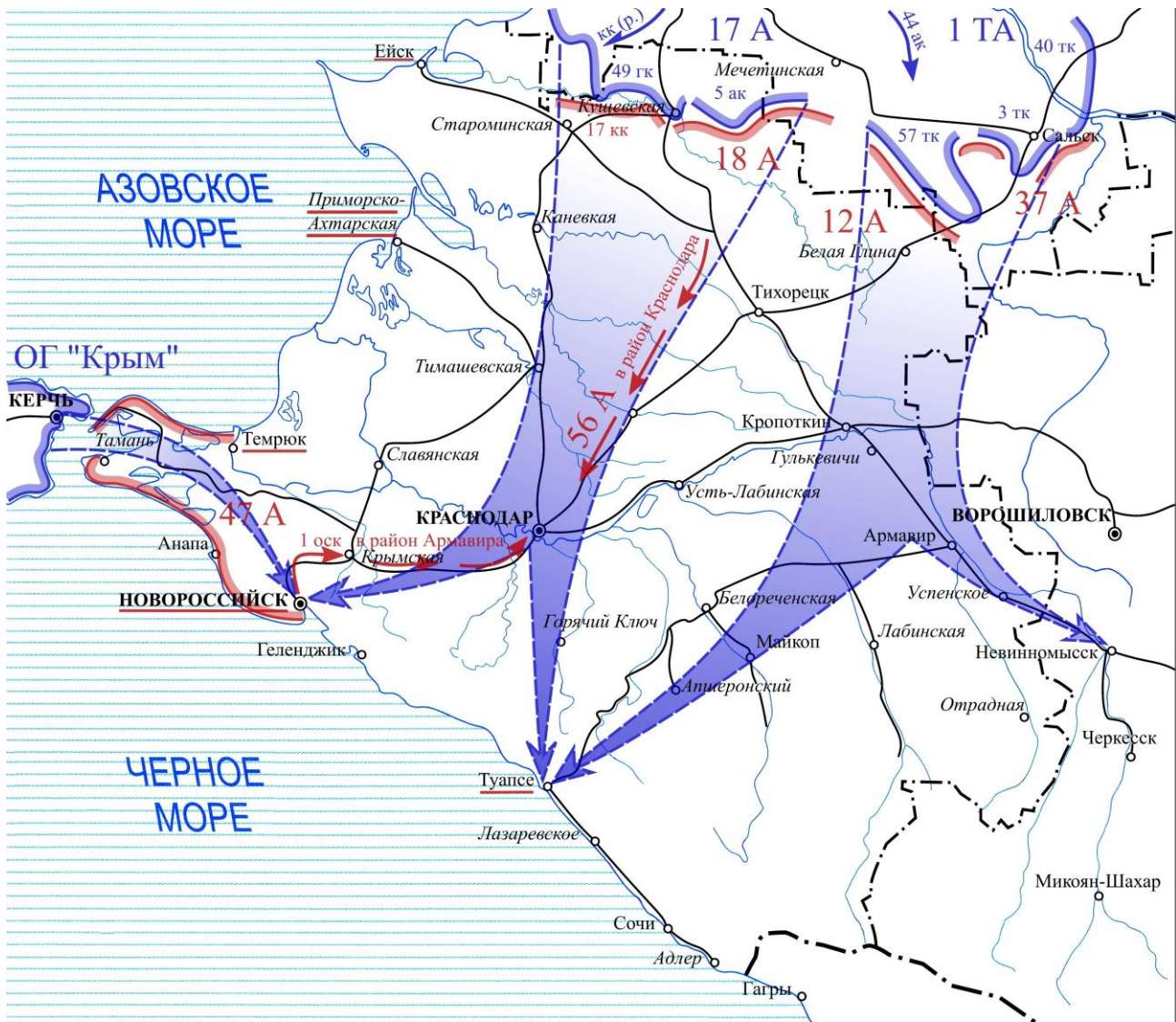
Для этого переправить предназначенные для выполнения этой задачи соединения 11-й армии (румынский горный корпус) через Керченский пролив, как только обозначится успех продвижения главных сил группы армии “А”, чтобы затем нанести удар вдоль дороги, проходящей по Черноморскому побережью на юго-восток.

Другая группировка, в состав которой войдут все остальные горные и егерские дивизии, имеет задачей форсировать р. Кубань и захватить возвышенную местность в районе Майкопа и Армавира» [1].

Выходит, что в Краснодарском крае внимание врага привлекли черноморские порты и нефтеносный район Майкопа. В остальном Кубань воспринималась им как один из путей в Закавказье. Но без ее захвата о броске через Кавказский хребет нечего было и думать.

В советской историографии при оценке плана «Эдельвейс» было принято говорить об авантюристичности замыслов германского командования и лично А. Гитлера [2]. И действительно, уже в 1951 г. в своих показаниях, данных в плену, Э. Клейст отмечал, что наступление на Кавказ «не имело оперативной цели» [3]. Захват Баку 1-й танковой армией

представлялся ее бывшему командующему невероятным. Относительно перспективным ему казалось наступление 17-й армии именно через Краснодарский край и далее вдоль черноморского побережья на Батуми (см. рис. 1).

Условные обозначения

- Положение советских и немецко-румынских войск 1 августа 1942 г.
- Движение резервов советских и немецко-румынских войск 1 августа 1942 г.
- Направления ударов, планировавшихся немецким командованием
- Пункты базирования Черноморского флота и Азовской военной флотилии

20 0 20 40 км

© Киселев И.В. 2016 г.

Рис. 1. Начало боевых действий на Кубани в августе 1942 г.

Но все это стало понятно позже, а тогда – летом 1942 г. – перспективы наступления на Кавказ виделись немецким командованием иначе. Так, 23 июля, в день подписания А. Гитлером директивы на продолжение операции «Брауншвейг», начальник Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Всегда наблюдавшаяся

недооценка возможностей противника принимает гротескные формы и становится опасной» [4]. 30 июля генерал отметил благоприятное развитие операции на кавказском направлении и в то же время высказал опасение насчет того, успеют ли немецкие войска достигнуть северных отрогов Кавказа раньше, чем там сложится организованная оборона. А уже на следующий день начальник генштаба констатировал развитие обстановки южнее р. Дон в соответствии с германскими планами и разгром советского фронта. Как мы видим, в отношении наступления на Кавказ Ф. Гальдер был настроен вполне оптимистично, хотя определенные переживания по поводу неизбежных на войне рисков были и у него.

Сухопутные войска Германии и ее союзников. Какие же силы выделялись для воплощения этих планов? Казалось бы, на этот вопрос уже давно дан ответ. В одной из первых советских работ о битве за Кавказ указывалось, что для его захвата «гитлеровское командование выделило группу армий “А”, в состав которой в начале оборонительного периода входили: 1-я и 4-я танковые, 11-я и 17-я полевые армии» в составе 26 дивизий. Их численность не озвучивалась, отмечалось лишь двукратное превосходство противника в людях и артиллерии, девятикратное – в танках [5]. Более подробно о его силах сказано И.Д. Кириным: «Восемь корпусов в первой линии и два корпуса – во второй (до 300 тысяч солдат и офицеров), которые поддерживали 1130 танков, 2840 орудий, 1700 минометов и 1000 самолетов» [6]. Но авторы шеститомника «Великая Отечественная война Советского Союза» ограничились перечислением армий: 17-й полевой, 1-й и 4-й танковых (25 дивизий) [7]. В классическом труде «Битва за Кавказ» говорится о 17-й и 1-й танковой армиях немцев, а также 3-й армии румын, включавших 40 дивизий. Из них в первом эшелоне оказались задействованы 25 дивизий численностью в 167 тысяч солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов [8]. Те же цифры указаны в фундаментальной «Истории второй мировой войны» [9]. Так образом, данные о численности личного состава в войсках противника оказались занижены.

Представления о численности и составе группы армий «А» устоялись в отечественной историографии настолько, что практически без изменений оказались озвучены и в современных фундаментальных трудах [10–11]. Между тем, очевидное несоответствие между численностью личного состава и количеством дивизий заставляет задуматься. Даже если не брать в расчет части усиления и управления, а разделить 167 тысяч человек на 25 дивизий, то выйдет 6680 человек на дивизию. А ведь штатная численность пехотных и танковых дивизий составляла около 16 тысяч человек, горных и моторизованных – 14 тысяч, егерских – 11 тысяч. И укомплектованы они были на 90–100 %. Видимо, поэтому в своих работах А.В. Исаев ограничился перечислением частей и соединений группировки противника на кавказском направлении, не приводя данных о количестве солдат и офицеров в них [12]. А вот известные своим критическим подходом к изложению истории войны А.Б. Широкоград и В.В. Бешанов повторили уже озвученные цифры. Последний, впрочем, отметил, что они «довольно спорны» [13–14].

Пожалуй, объяснением тем самым 167 тысячам человек при более чем тысяче танков может послужить то, что это относится к соединениям группы армий «А», находившимся в соприкосновении с советскими войсками южнее р. Дон в самом начале битвы за Кавказ. Но ведь ими группировка войск оси на кавказском направлении вовсе не ограничивалась. Изучая проблему состава и численности войск противника на кавказском направлении, В.И. Афанасенко пришел к выводу о том, что в июле 1942 г. в группе армий «А» имелась 21 дивизия. Ссылаясь на приведенные в сети Интернет данные из фондов Бундесархива, он сообщает о наличии 226 688 человек в 1-й танковой армии и 135 504 человек в 17-й полевой армии. Принципиальным здесь является то, что «не учтены части РГК¹ в подчинении групп армий, резервы ОКХ², войска союзников и инациональные соединения» [15]. Эти цифры существенно отличаются от советских оценок сил противника, но гораздо больше соответствуют числу дивизий и представляются наиболее достоверными. Точно так же приведенные И.Б. Моцанским данные о шести сотнях танках и штурмовых орудиях в подвижных соединениях 1-й танковой армии гораздо больше соответствуют

¹ РГК – Резерв Главного командования.

² ОКХ (нем. Oberkommando des Heeres) – верховное командование сухопутных войск вермахта с 1936 по 1945 гг.

действительности, чем распространенные в советской историографии сведения о 1130 танках [16].

Согласно трофейным немецким документам, общая численность группы армий «А» к началу битвы за Кавказ превышала полмиллиона человек [17]. Но из них необходимо исключить основную часть личного состава 11-й полевой армии генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, так и не принявшей участие в десанте на Таманском полуострове [18]. Ее управление и пять дивизий по решению А. Гитлера отправились под Ленинград в середине августа 1942 г. Сама десантная операция «Блюхер» неоднократно откладывалась и состоялась в усеченном виде, хотя ее своевременное проведение в запланированных масштабах могло обеспечить немцам прорыв в Закавказье вдоль черноморского побережья.

Состав двух других армий в течение первых недель битвы за Кавказ подвергался перетасовке. Да и бросить в наступление на Кубань все свои силы сразу противнику было непросто – мешала ограниченная пропускная способность переправ на Нижнем Дону. Поэтому лишь анализ ситуации в конце августа – начале сентября 1942 г. позволяет понять, какие войска действительно оказались втянуты в бои на Кубани. Чтобы оценить эту динамику нам потребуется сравнить ситуацию на 5 августа и 2 сентября [19–20].

Таблица 1. Боевой состав войск Германии и ее союзников на Кубани 5 августа 1942 г.

17-я полевая армия	5-й армейский корпус	125-я и 198-я пехотные дивизии
	49-й горный корпус	9-я и 73-я пехотные дивизии 1-я и 4-я горные дивизии
3-я армия (румынская)	кавалерийский корпус (румынский)	5-я и 6-я кавалерийские дивизии (румынские)
	1-й армейский корпус	298-я пехотная дивизия 2-я горная дивизия (румынская)
1-я танковая армия	3-й танковый корпус	13-я танковая дивизия 16-я моторизованная дивизия
	57-й танковый корпус	моторизованная дивизия СС «Викинг» 1-я моторизованная дивизия (словацкая)

Таблица 2. Боевой состав войск Германии и ее союзников на Кубани 2 сентября 1942 г.

17-я полевая армия	5-й армейский корпус	9-я, 73-я и 125-я пехотные дивизии
	44-й армейский корпус	97-я и 101-я егерские дивизии
	49-й горный корпус	46-я пехотная дивизия 1-я и 4-я горные дивизии
	57-й танковый корпус	198-я пехотная дивизия моторизованная дивизия СС «Викинг» 1-я моторизованная дивизия (словацкая)
3-я армия (румынская)	кавалерийский корпус (румынский)	5-я, 6-я и 9-я кавалерийские дивизии (румынские)
Из состава оперативной группы «Крым»		10-я и 19-я пехотные дивизии (румынские) 3-я горная дивизия (румынская)

Итого 14 дивизий в начале августа и 17 дивизий в начале сентября 1942 г. (с учетом переправлявшихся из Крыма), из них немецких – 10. Соответственно, численность 17-й полевой армии достигла 200 тысяч немецких солдат и офицеров. Примечательно и то, что на кубанском направлении противник создал достаточно сбалансированную группировку из танковых моторизованных, кавалерийских, пехотных и горных дивизий, каждая из которых вступала в дело в определенном месте и в нужное время. Так, подвижные соединения 1-й танковой армии двигались через степные районы северо-восточной Кубани, на основном направлении вражеского наступления на Кавказ. На второстепенных участках фронта развернулись немецкая пехота и румынская кавалерия. А по мере развертывания боевых действий в горно-лесной местности место в первой линии заняли горные и егерские

(легкопехотные) дивизии, тогда как большинство танковых и моторизованных дивизий оказались на востоке Кавказа.

Немецкие подразделения, сосредоточенные летом 1942 г. на юге, представляли грозную силу. Их оснащенность и укомплектованность была гораздо выше, чем на других участках советско-германского фронта. Танковые, моторизованные и горные дивизии полностью восполнили понесенные прежде потери, только пехотные соединения имели 30-процентный некомплект офицеров и унтер-офицеров. Танковые полки перешли на трехбатальонную организацию, моторизованные дивизии получили по батальону танков, а их противотанковые дивизионы были перевооружены самоходными артустановками. Существенно возросла мощь дивизионной и полковой зенитной артиллерии подвижных соединений [21]. Степень укомплектованности немецких сухопутных войск позволяет говорить о том, что они находились на пике своих боевых возможностей, а накопленный ими за год опыт боев на Восточном фронте, делает это утверждение еще более обоснованным.

Хорошо известно о высоком уровне подготовки и богатом боевом опыте германского генералитета. В лице генералов Э. Клейста и Р. Руоффа мы видим тому наглядный пример, ведь они последовательно прошли все ступени карьерной лестницы, принимали участие в европейских кампаниях и находились на советско-германском фронте с первого дня Великой Отечественной войны. У находившегося во главе группы армий «А» генерал-фельдмаршала В. Листа так же имелся солидный послужной список, но совершенно отсутствовал опыт борьбы против советских войск. Думается, это негативно сказалось на результате действий кавказской группировки врага. Косвенным подтверждением тому стало освобождение В. Листа от должности командующего группой армий «А» уже 10 сентября 1942 г. и его последующее пребывание в резерве вплоть до конца войны [22].

Вместе с немцами на Кубань вступили румынские войска, составлявшие от четверти до трети группировки противника. Согласно штатному расписанию, пехотная дивизия румын насчитывала 17 тысяч человек, горная – более 14 тысяч, кавалерийская – около 8 тысяч. Так как к началу битвы за Кавказ они не участвовали в боях по два месяца и более, то общая численность шести румынских дивизий могла превысить 70 тысяч человек. Их боеспособность традиционно оценивается невысоко, но стоит отметить следующее. Четыре из шести румынских дивизий представляли собой кавалерию и горных стрелков, элиту румынской королевской армии. Именно они, в отличие от обычной пехоты, прошли весной 1942 г. реорганизацию и перевооружение. В частности, была усилена их артиллерия и саперное обеспечение, а кавалерийские дивизии имели в своем составе моторизованные и танковые части [23]. Практически все румынские соединения имели опыт боев на юге Украины и в Крыму. Зная об уязвимых местах своих союзников, немцы в ходе боев в Краснодарском крае не доверили им обособленных участков фронта. Все румынские дивизии фактически подчинялись командованию 17-й полевой армии, а управление ими со стороны 3-й румынской армии оставалось номинальным.

Еще одним участником операции по захвату Кубани стала 1-я словацкая моторизованная дивизия, иначе именуемая «Быстрой дивизией». Словаки были неплохо обеспечены вооружением и транспортом, получили немалый боевой опыт в 1941–1942 гг. Численность их дивизии составляла около 9 тысяч человек, и до конца 1942 г. они оставались надежными союзниками вермахта [24].

Планы и силы Красной армии. Наступление войск оси на Кубани встретил советский Северо-Кавказский фронт. Возглавлял его маршал Советского Союза С.М. Буденный, чьи полководческие способности в условиях Великой Отечественной войны исследователями и участниками боев зачастую ставятся под сомнение. Но чего нельзя было отнять у Семена Михайловича, так это его боевого прошлого, в том числе и опыта сражений в Гражданскую войну на Кубани. Поэтому сначала стоит разобраться в том, какие меры принимались командованием Северо-Кавказского фронта, и какими силами оно располагало.

После поражения Крымского фронта в мае 1942 г., С.М. Буденный и его штаб главной угрозой для Кубани считали комбинированный морской и воздушный десант противника на Азово-Черноморском побережье, что и было изложено в плане обороны Северного Кавказа 2 июня 1942 г. [25]. Напомним, что в 1920 г. в этих же краях Красная армия отразила

высадку белогвардейских войск под командованием С.Г. Улагая, и этот опыт не мог быть забытым. К тому же советская разведка доносила о наращивании сил немецкого флота в портах Черном и Азовском морях и даже появлении не существовавшей в реальности авиадесантной дивизии, что так же наводило на мысль о подготовке десанта [26]. Согласимся, что этот вывод был недалек от истины, ведь германские войска действительно готовились к высадке на Тамани.

Своей директивой от 7 июня 1942 г. Ставка Верховного Главного командования подтвердила необходимость обороны Азовского и Черноморского побережья Кубани. Вместе с тем, на 51-ю армию Северо-Кавказского фронта была возложена подготовка рубежей на Нижнем Дону, в тылу Южного фронта. В последующие полтора месяца из Москвы С.М. Буденному еще не раз приходили указания об организации обороны на южном берегу р. Дон. Когда же во второй половине июля 1942 г. под напором противника за р. Дон стали отходить подразделения Южного фронта генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского, Ставка ВГК попыталась разграничить полномочия двух фронтов, а 22 июля объединила все силы на южном берегу Дона под руководством командующего Южного фронта. Основной задачей Северо-Кавказского фронта стала оборона побережья. Но уже в ночь на 28 июля в Москве было принято новое решение: передать войска Южного фронта в состав Северо-Кавказского фронта под командованием маршала С.М. Буденного [27].

По-видимому, Верховный Главнокомандующий стал сомневаться в способности Р.Я. Малиновского остановить немецкое движение на Кавказ. Ведь именно войска его фронта, оставившие Ростов-на-Дону и не сумевшие удержать оборону по берегу р. Дон, фигурировали в известном приказе № 227, подписанном И.В. Сталиным в тот же день – 28 июля 1942 г. Между тем, от Военного совета Северо-Кавказского фронта пришел обстоятельный доклад с предложениями по обороне Кавказа. В нем достаточно верно оценивались возможности противника и пути его дальнейшего наступления. Соответственно, предлагалось создать объединенное командование вооруженными силами Северного Кавказа и Закавказья, пополнить их танками и авиацией, обеспечить связь Кавказа с остальной страной через Каспийское море и т.д. Причем в штабе С.М. Буденного не питали иллюзий в отношении обороны в равнинном Предкавказье и предлагали отводить советские войска к Главному Кавказскому хребту и за реку Терек. Тем самым, почти вся территория Кубани, а так же Ставрополя, обрекались на оккупацию [28].

Вспоминая о событиях тех дней, начальник кавказского направления оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал С.М. Штеменко отмечал единодушие, с которым Генштаб и Военный совет Северо-Кавказского фронта решились на отвод советских войск в предгорья Кавказа сразу после падения Ростова-на-Дону [29]. И действительно, Ставкой ВГК были одобрены меры по укреплению перевалов Главного Кавказского хребта и рубежей на Тереке. Но важнейшая задача советских войск на кавказском направлении по-прежнему была иной: «Упорной обороной не только остановить на занимаемых рубежах дальнейшее продвижение противника на юг, но во что бы то ни стало активными действиями вернуть Батайск и восстановить положение по южному берегу р. Дон» [30]. Данные требования целиком соответствовали квинтэссенции приказа № 227, выраженной словами «Ни шагу назад!». В войсках приказ зачитали 30 июля 1942 г. Именно в этот день был запланирован контрудар Северо-Кавказского фронта, но состояться ему было не суждено. Непрерывающееся ни на день наступление немцев сорвало сосредоточение войск фронта и заставило их продолжить отход на юг, теперь уже по территории Краснодарского края. Только утром 5 августа штаб Северо-Кавказского фронта получил директиву об удержании рубежа по реке Кубань. По сути, это был не приказ, а констатация факта, так как большинство соединений фронта уже направлялись к переправам, а противник еще 3 августа захватил плацдарм на южном берегу в районе Армавира.

Выходит, что многочисленные указания Ставки ВГК и, основанные на них планы Северо-Кавказского фронта по организации обороны Кубани, оказались сорваны. Более того, принимавшиеся в конце июля 1942 г. Москвой решения выглядят непоследовательными, так как ответственность за оборону кавказского направления сначала разделялась между Южным и Северо-Кавказскими фронтами, потом легла на Р.Я. Малиновского, а в итоге выбор И.В. Сталина пал на С.М. Буденного. Последовавшие за этим события окончились для маршала снятием с должности командующего фронтом.

Больше он руководящих постов в действующей армии не занимал. Поэтому легко поддаться искушению и возложить на С.М. Буденного вину за стремительное отступление к предгорьям Кавказа. Однако существовало ли вообще решение задачи защиты Кубани в условиях тяжелого лета 1942 г.?

Для того чтобы разобраться с этой проблемой, необходимо проанализировать потенциал и возможности советских войск на Кубани. При всем обилии исследований о битве за Кавказ, это вовсе не так просто. А.С. Завьялов и Т.Е. Калядин о численности войск Красной армии на северокавказском направлении не сказали почти ничего, ограничившись перечислением армий и отдельных корпусов Южного и Северо-Кавказского фронтов. В шеститомной «Великой Отечественной войне Советского Союза» о советских силах говорится, что «боевой состав соединений Южного фронта насчитывал всего не более 20 тысяч человек» [31]. В монографии А.А. Гречко, наконец, появились данные о численности войск Южного фронта – 112 тысяч человек [32]. Дополняя эту цифру, авторы «Истории второй мировой войны» указали на наличие в их составе 121 танка, 2160 орудий и минометов [33]. О том, сколько личного состава и техники было в Северо-Кавказском фронте до его объединения с Южным, в советской историографии открыто не сообщалось. Только в статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века» опубликована информация о численности войск объединенного Северо-Кавказского фронта, которая составила 216 тысяч человек [34]. Наконец, в коллективном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах» приводятся наиболее детальные данные о советских силах на кавказском направлении. К 25 июля 1942 г. Южный фронт насчитывал 134,5 тысячи человек, 1516 орудий и минометов, 33 танка. Северо-Кавказский фронт на 28 июля 1942 г. имел в своем составе почти 98 тысяч человек, 501 орудие и миномет, 40 танков [35]. В этой связи неприятно удивили авторы раздела «Борьба за Кавказ» новейшего двенадцатитомника «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». В 2012 г. они не только повторили неполные и устаревшие данные, но и подчеркнули, что все это – «войска Южного и части Северо-Кавказского фронта» [36].

После слияния двух фронтов в единый Северо-Кавказский были образованы две оперативные группы войск: Донская и Приморская. Первая из них прикрывала ставропольское направление, а вторая – краснодарское. Приморской группе войск в составе 18-й, 47-й армий и 56-й, 1-го отдельного стрелкового и 17-го кавалерийского корпусов предстояло сражаться на Кубани. Но удар, нанесенный 1-й танковой армией по Донской группе в последние дни июля, привел к отступлению в направлении Армавира – Майкопа и 12-й армии. Поэтому в начале августа 1942 г. советская группировка в Краснодарском крае выглядела следующим образом [37]:

Таблица 3. Боевой состав советских войск на Кубани 1 августа 1942 г.

12-я армия	4-я, 31-я 176-я и 261-я стрелковые дивизии 81-я морская стрелковая бригада
18-я армия	216-я, 236-я, 353-я, 383-я и 395-я стрелковые дивизии 68-я морская и 16-я стрелковые бригады
56-я армия	30-я, 339-я и 349-я стрелковые дивизии 76-я морская стрелковая бригада 151-й и 158-й укрепленные районы
47-я армия	32-я гвардейская и 77-я стрелковые дивизии 83-я морская и 103-я стрелковые бригады
17-й казачий кавалерийский корпус	12-я, 13-я, 15-я, 116-я кавалерийские дивизии
1-й отдельный стрелковый корпус	113-я и 139-я стрелковые бригады
Соединения фронтового подчинения	Майкопская танковая бригада 40-я мотострелковая бригада 69-й укрепленный район

По одним данным, советские войска насчитывали более 147 тысяч человек личного состава [38]. По другим сведениям, численность войск 12-й и 18-й армий составляла на 25 июля 1942 г. не 21 и 28 тысяч человек, а 17 и 20 тысяч человек соответственно, т. е. на 12 тысяч меньше [39]. К этому необходимо добавить, что 4-я и 172-я стрелковые дивизии в первых числах августа оказались отрезаны от основных сил 12-й армии и в боях на Кубани фактически не участвовали. А 318-ю стрелковую дивизию 9-й армии военные дороги, напротив, привели на туапсинское направление, а затем под Новороссийск. Поэтому вероятность погрешности при подсчетах сохраняется, но вряд ли она превышает 15–20 тысяч человек. И, в любом случае, советских войск в Краснодарском крае оказалось меньше, чем у немцев и их союзников.

В отличие от разнородной по своему составу группы армий «А», Северо-Кавказский фронт преимущественно состоял из пехотных соединений. При столкновении с танковыми, моторизованными и кавалерийскими дивизиями противника в кубанских степях советские стрелковые части заранее оказывались в проигрышном положении. Наши немногочисленные подвижные подразделения представляли собой довольно пеструю картину. Так, Майкопская танковая бригада была создана на базе Орловского танкового училища буквально накануне битвы за Кавказ, а 40-я мотострелковая бригада возникла после реформирования 72-й кавалерийской дивизии, понесшей тяжелые потери в майских боях на Керченском полуострове. Донские и кубанские дивизии 17-го казачьего кавалерийского корпуса изначально комплектовались второочередным личным составом, имели слабую артиллерию. Не подлежит сомнению высокий боевой дух конников, защищавших родной край, но по своим возможностям их корпус значительно уступал танковым корпусам немцев и мог сравниться разве что с румынским кавкорпусом.

Но, при всех своих особенностях и определенных слабых местах, 17-й корпус, наряду с танковой и мотострелковой бригадами, были хорошо укомплектованными и свежими соединениями. Большинство стрелковых дивизий и бригад не могли похвастать и этим. Если соединения 47-й армии и 1-го отдельного стрелкового корпуса представляли собой полноценные подразделения, то состояние войск 12-й, 18-й и 56-й армий иначе как удручающим не назовешь. В июле 1942 г. на их долю выпали тяжелые бои на Дону в составе Южного фронта. Соответственно, стрелковые дивизии и бригады имели существенный некомплект личного состава и, особенно, активных штыков, то есть тех, кто непосредственно должен был сражаться на передовой. Таковых имелось от 300 до 1200 человек на дивизию [40].

Соединения 56-й армии, которой вскоре предстояло защищать Краснодар, имели к 5 августа следующий состав: 30-я стрелковая дивизия – 6232 человека, 349-я стрелковая дивизия – 4833 человека, 339-я стрелковая дивизия – 3492 человека, 76-я стрелковая бригада – 561 человек. И это с учетом того факта, что армия была отведена с фронта в район Краснодара и ее дивизии получили в качестве пополнения более 7 тысяч человек [41]. К сожалению, его основную массу составляли местные призывники, почти не получившие боевой подготовки и не всегда обеспеченные даже стрелковым оружием. Но в других подразделениях дела могли обстоять еще хуже. Например, прибывшая вскоре в ту же 56-ю армию 216-я стрелковая дивизия насчитывала лишь около 1600 человек.

Данные по другим армиям неполные, но и они достаточно красноречивы. К 1 августа в 261-й стрелковой дивизии 12-й армии имелось 3757 человек, в 383-й и 395-й стрелковых дивизиях 18-й армии – 4444 и 4840 человек соответственно. 68-я морская стрелковая бригада той же армии насчитывала 1837 бойцов и командиров [42]. Напомним, что по штату стрелковой бригаде полагалось иметь более 5 тысяч человек, а стрелковой дивизии – 12725 человек. 28 июля 1942 г. штатная численность стрелковых дивизий сокращалась до 10386 человек, но соединения 12-й, 18-й и 56-й армии не дотягивали и до этой цифры.

Неутешительно оказалось состояние советской артиллерии. При переправе через Дон в конце июля 1942 г. армии Южного фронта потеряли значительную часть армейской артиллерии. В результате в четырех артиллерийских полках 12-й армии имелось 54 орудия, а в трех полках 18-й армии – 42 орудия. Единственный артиллерийский полк 56-й армии насчитывал 11 пушек [43].

Отступление войск Южного фронта повлекло и другие негативные последствия. Одни из них связаны с нарушением централизованного снабжения и пополнением войск.

Тыловые структуры фронта, а затем и армий ринулись вглубь Краснодарского и Ставропольского краев, когда войска еще держали оборону южнее Дона. В движении находились и штабы всех уровней, поэтому часто нарушалась связь и управление войсками.

Другой проблемой стала предельная усталость личного состава. Бойцы и командиры, прошедшие через тяжелые бои на Дону, около месяца провели в непрерывном отступлении. И многим казалось, что конца ему не будет, отчего ухудшалась моральное состояние войск. Ответом на эти настроения в войсках стал знаменитый приказ № 227. Его пронизывала мысль о гибельности сдачи врагу все новых и новых территорий, о необходимости прекратить самовольный отход войск любой ценой, не исключая самые жесточайшие меры. Но вряд ли приказ «Ни шагу назад!» мог иметь мгновенный эффект и сразу сказаться на развитии обстановки. Даже порожденные этим приказом штрафные части появились в составе армий Северо-Кавказского фронта только в конце августа 1942 г.

Выходит, что к началу битвы в распоряжении С.М. Буденного оказались свежие войска Северо-Кавказского фронта, которые только приступили к развертыванию на пути немецкого наступления, и ослабленные в предыдущих боях силы Южного фронта, продолжавшие отступать под напором превосходящего их противника. Не будем забывать, что Северо-Кавказский фронт объединился с Южным лишь за несколько дней до описываемых событий. В столь сжатые сроки даже надежную связь наладить сложно, а создать устойчивую оборону и подавно. Тем временем, противник продолжал наносить удар за ударом, стараясь добить отступавшие советские войска. В такой ситуации остановить вал немецкого наступления было практически невозможным, С.М. Буденному и его штабу оставалось позаботиться о спасении своих войск от уничтожения и организации их поэтапного отступления на удобные оборонительные рубежи в предгорья Кавказа.

Потенциал советских и немецких военно-воздушных сил и противовоздушной обороны. Авиация Северо-Кавказского фронта состояла из двух воздушных армий. 4-я воздушная армия генерал-майора К.А. Вершинина прежде находилась в составе Южного фронта. С началом битвы за Кавказ она действовала в интересах Донской группы войск, защищавшей ставропольское направление. Поэтому ее летчикам практически не довелось принять участие в обороне Кубани, за исключением недолгих боев в северо-восточных районах края. В распоряжении К.А. Вершинина имелось шесть авиационных дивизий и еще пять авиаполков, но после тяжелых боев на Дону в них осталось лишь 128 исправных самолетов. Немногим больше – 135 машин – имелось в четырех дивизиях и трех полках 5-й воздушной армии генерал-майора С.К. Горюнова [44]. Армия начала формироваться в мае 1942 г. на основе ВВС разгромленного Крымского фронта. Ее авиационный парк, систему наземного обеспечения и органы управления фактически пришлось формировать с нуля, но к началу битвы за Кавказ эта огромная работа в целом была завершена. Именно летчикам К.С. Горюнова предстояло взаимодействовать с прикрывавшей краснодарское направление Приморской группой войск.

Наряду с ВВС Красной армии в битве за Кавказ предстояло принять участие авиации Черноморского флота. Ее численность составляла 342 самолета, в том числе 121 истребитель, 31 штурмовик, 30 бомбардировщиков и торпедоносцев. Практически все боевые машины морской авиации базировались на аэродромах Краснодарского края и могли оказать поддержку войскам Северо-Кавказского фронта. К сожалению, 58 из них нуждались в ремонте, а 47 самолетов истребительной авиации относились к машинам устаревших типов [45]. Отчасти эти недостатки компенсировались значительным боевым опытом черноморских летчиков, полученным в боях за Крым.

Не мог не оказать влияния на борьбу в кубанском небе Краснодарский дивизионный район ПВО. Он относился к войскам противовоздушной обороны и его силы не учитывались в составе Северо-Кавказского фронта. Между тем, он включал в себя истребительный авиаполк, один полк и 8 дивизионов зенитной артиллерии [46].

Оценивая численность немецкой авиации в начале битвы за Кавказ, отечественные авторы, как правило, приводят данные об 1 тысяче самолетов, т. е. обо всем 4-м воздушном флоте. Между тем, летом – осенью 1942 г. его силы сражались на всем пространстве от Среднего Дона до Северного Кавказа. Непосредственно с группой армий «А» взаимодействовал 4-й авиационный корпус этого флота противника. Соответственно, в конце июля 1942 г. на кавказском направлении оказалось сосредоточено около

500 самолетов [47]. Однако, беря в расчет эти данные, нужно помнить, что в люфтваффе часто практиковали маневр силами на широком пространстве. Так, по решению командующего 4-м воздушным флотом генерал-полковника В. Рихтгофена, начиная с 10–11 августа, часть сил 4-го авиакорпуса была брошена на усиление 8-го авиационного корпуса под Сталинградом [48]. Очень активно немцы маневрировали своей авиацией в пределах кавказского направления. Поэтому назвать точную цифру самолетов противника, действовавших над Кубанью в тот или иной день, крайне сложно. Другой особенностью военно-воздушных сил противника являлось преобладание бомбардировщиков и пикировщиков при незначительном количестве истребителей.

В организации противоздушной обороны немцы больше полагались на зенитную артиллерию, которая являлась частью люфтваффе. Полоса наступления 17-й армии оказалась в зоне ответственности 17-й зенитной дивизии. Ее управлению в период наступления на Кубани подчинялось два дивизиона и 13 батарей зенитной артиллерии из восьми различных полков [49].

Сравнивая состав советской и немецкой авиации на кавказском направлении, мы видим, что их численность оказалась приблизительно равной. Более того, по мере разворачивания Сталинградского сражения силы люфтваффе все больше отвлекались от задач на Кавказе, тогда как советские воздушные армии пополнялись за счет ВВС Закавказского фронта. И соотношение сил должно было меняться в пользу советской авиации.

В реальности, за сухими цифрами скрывалась совершенно иная картина. С сожалением приходится признать, что в 1942 г. боевые возможности немецких самолетов и мастерство их пилотов в целом оставались выше, чем у советских машин и летчиков. Существенно отставала советская сторона и в организации управления авиационными частями и соединениями. Люфтваффе более умело маневрировали своими авиагруппами, лучше взаимодействовали с армией и флотом. Советской авиации оперативно реагировать на запросы с земли удавалось редко, а заранее спланированные совместные действия при быстром изменении обстановки часто запаздывали. Представить же в 1942 г. маневр крупных сил советской авиации на стратегическом уровне и вовсе было невозможно. Воздушные армии и ВВС флота были буквально «привязаны» к районам базирования и конкретным оперативным направлениям.

Наряду с общими для всего советско-германского фронта факторами, применение авиации на Кубани летом 1942 г. определялось целым рядом местных особенностей. В это время года световой день оставался достаточно продолжительным, погода – преимущественно солнечной, что создавало практически идеальные условия для действий самолетов над открытой степной частью Краснодарского края. К началу его обороны советские ВВС располагали разветвленной сетью аэродромов, мастерских и складов. Стремительное немецкое наступление лишило нашу авиацию этого преимущества. Если к началу августа в состоянии перебазирования находилась только 4-я воздушная армия, то к концу месяца такую же проблему пришлось решать 5-й воздушной армии и большинству соединений ВВС Черноморского флота. В Краснодарском крае им пришлось полагаться на незначительное число тесных и неудобных аэродромов черноморского побережья, тогда как противник получил на кубанской равнине множество пунктов для размещения авиации.

Соотношение сил на море. К середине 1942 г. Черноморский флот сохранял численное превосходство над военно-морскими силами противника. На 25 июля он состоял из эскадры, дивизиона лодок, двух бригад подводных лодок, двух бригад торпедных катеров, бригады траления и заграждения и т.д. Но состояние флота было далеко не идеальным. Участие в обороне Одессы и, особенно, Крыма, потребовало от него огромного напряжения и привело к значительным потерям в кораблях и людях. Личный состав Черноморского флота лишился множества специалистов, отправленных на сухопутный фронт, а боевая подготовка и учеба оставшихся оказалась сведена к минимуму. К тому же черноморцы болезненно переживали оставление Севастополя, появилось осознание того, что дальнейшее продвижение немцев вдоль побережья лишит флот последних баз и обернется его уничтожением. Что же касается кораблей, то они оказались чрезвычайно изношенными напряженной службой. Находились в ремонте или

требовали такового два крейсера из четырех, единственный лидер эсминцев, пять эскадренных миноносцев из семи, 17 подводных лодок из 41, 16 торпедных катеров из 61 и т.д. [50]. Ремонтные работы и всестороннее обеспечение службы кораблей представляло собой отдельную проблему. Основные базы и судоремонтные заводы на Черном море оказались в руках противника, а порты кавказского побережья заметно уступали им по своим возможностям.

Советский транспортный флот в Азово-Черноморском бассейне, так же как и военный, понес в первый год войны существенные потери и сократился более чем наполовину. К началу битвы за Кавказ он состоял из 38 транспортов и 6 танкеров водоизмещением свыше 500 тонн, 40 парусно-моторных шхун, 13 буксиров, 40 несамоходных барж и множества мелких судов. Из них более 50 % требовали ремонта [51]. Малочисленность транспортного флота пришлось компенсировать использованием «военных транспортов» из числа мобилизованных в начале войны гражданских судов. В экстренных случаях роль быстроходных транспортов могли выполнить крейсера и эсминцы. Между тем, основной задачей Черноморского флота с самого начала обороны Кавказа стала организация перевозок по морю и их защита. Их значение для советских войск, сражавшихся на Кубани, трудно переоценить, так как уже с начала августа 1942 г. они снабжались только через черноморское побережье Кавказа. Единственное прибрежное шоссе и недостроенная железная дорога не могли обеспечить всех потребностей Северо-Кавказского фронта, поэтому морские коммуникации вышли на первый план.

Значительные усилия командование Черноморского флота прилагало к организации взаимодействия с сухопутными войсками сил Азовской военной флотилии, Керченской, Новороссийской и Туапсинской военно-морских баз. Флотилию возглавлял будущий главком Военно-морского флота СССР контр-адмирал С.Г. Горшков, неплохо зарекомендовавший себя уже в первый год войны. В его распоряжении к началу августа 1942 г. имелись монитор, 6 канонерских лодок, 4 сторожевых корабля, тральщик, отряды торпедных катеров, катеров-тральщиков и бронекатеров, 4 дивизиона сторожевых катеров. Флотилия включала дивизион зенитной артиллерии, 4 стационарные и 5 подвижных артиллерийских батарей, 3 батальона морской пехоты. Военно-морские базы на кавказском побережье так же включали в себя части береговой обороны, морской пехоты и ПВО, корабли и катера охраны водного района. В оперативном подчинении С.Г. Горшкова и командиров баз имелись подразделения морской авиации.

Таким образом, Азовская военная флотилия, Керченская, Новороссийская и Туапсинская военно-морские базы являлись соединениями, объединившими разнородные силы на суше и на море, имевшие немалую боевую мощь. К примеру, по состоянию на 25 июля 1942 г. их зенитная артиллерия насчитывала 138 стволов, тогда как Северо-Кавказский фронт располагал 64 орудиями. Количество крупнокалиберных орудий береговых батарей было сопоставимо с тем, что имели артполки армейского и фронтового подчинения. А численность личного состава в любом из батальонов морской пехоты сравнима с тем, что имел среднестатистический стрелковый полк в дивизиях 12-й, 18-й и 56-й армий. И, в отличие от тех же армий, части флота опирались на надежный тыл и не имели затруднений со снабжением.

Береговая оборона и инфраструктура Черноморского флота могли стать хорошей опорой для соединений Красной армии при выстраивании обороны на приморском направлении. Но не стоит думать, что флот мог самостоятельно решить эту задачу. Даже противодесантная оборона Азовского и Таманского побережья протяженностью в полтысячи километров требовала развертывания сухопутных войск. Как показали события августа – сентября 1942 г., без них береговая оборона не имела необходимой плотности и не могла надежно обеспечить борьбу с десантами, а тем более защиту ключевых баз флота с суши.

Давая оценку немецким военно-морским силам в канун начала битвы за Кавказ, стоит напомнить, что в начале войны Германия вообще не имела флота на Черном море. Его развертывание происходило, когда боевые действия уже шли полным ходом. Военно-морским флотом располагала Румыния, но ее корабли действовали исключительно в западной части Черного моря и прямого влияния на обстановку у берегов Кубани не оказывали. Немцам же пришлось начинать практически с нуля: формировать органы

управления, создавать базы в захваченных советских портах, выстраивать систему береговой обороны, а, главное, собрать корабельный состав и наладить его службу. К августу 1942 г. в той или иной степени все эти задачи противнику удалось решить.

Руководили действиями флотов стран оси на Черноморском театре военных действий так называемый адмирал Черного моря и его штаб. На этой должности к началу боевых действий на Кубани находился вице-адмирал Г. Вурмбах. В его распоряжении были румынские военно-морские силы, коменданты Украины, Крыма и Кавказа, отвечавшие за береговую оборону и порты [52], а также немногочисленные корабельные силы, часть которых и участвовала в битве за Кавказ. Они базировались на южном берегу Крыма.

Главной ударной силой немецких военно-морских сил стала 1-я флотилия торпедных катеров в составе 6 единиц. В течение августа к ним присоединились еще 4 катера. Их водоизмещение и вооружение превосходило тактико-технические данные торпедных катеров, и было таково, что позволяло немецким морякам вступать в бой с любыми катерами советского флота и совершать походы портов из Крыма вплоть до района Туапсе [53].

Помимо немецких катерников на Черном море действовали и итальянские. Их 4-я флотилия состояла из 4 катеров типа MAS, к которым в конце июля 1942 г. присоединилось еще 2 катера. По своим размерам и вооружению они уступали аналогичным немецким катерам. Еще итальянцы перебросили в Крым такие экзотические корабли, как сверхмалые подводные лодки и взрывающиеся катера. Однако они оказались способны действовать только вблизи своих баз и в ходе битвы за Кавказ себя не проявили [54].

Минно-тральные силы были представлены 3-й флотилией, насчитывавшей 8 катеров-тральщиков. Их использовали не только по прямому назначению, но и для охраны конвоев. Наиболее многочисленным классом немецких судов на Черноморском театре военных действий стали большие десантные баржи 1-й десантной флотилии, каковых в августе 1942 г. имелось 29 штук. За этим непрезентабельным названием скрывались практически универсальные суда, которые широко использовались в качестве войсковых транспортов, десантных и эскортных кораблей. Наряду с этими силами в распоряжении адмирала Черного моря имелись противолодочные и минно-тральные подразделения немецкой Дунайской флотилии, но в 1942 г. они использовались только в западной части черноморского бассейна. Наконец, на Азовском море противник задействовал 86-й и 128-й армейские батальоны паромов «Зибель» и нескольких трофейных катеров с экипажами из моряков хорватского легиона [55].

Морские коммуникации противника до середины 1942 г. пролегли исключительно к западу от Севастополя. Лишь осенью им было налажено регулярное движение вдоль южного берега Крыма, в Азовском море и Керченском проливе, в том числе и в интересах немецкой группировки на Кубани. Между тем, в составе транспортного флота государств оси на Черном море имелось только 18 транспортов и танкеров водоизмещением более 500 тонн. Поэтому немецкое командование широко привлекало к войсковым перевозкам речные суда с Дуная, всевозможные трофейные буксиры, катера, шхуны и т.п. [56].

Наращивание сил немецкого флота на Черном море продолжалось на протяжении всей битвы за Кавказ. Росло количество катеров и самоходных барж всех видов, а в конце 1942 г. стали прибывать и подводные лодки. Кроме того, в случае необходимости противник привлекал для действий над морем свои самолеты. Причем специализированной морской авиации у немцев практически не имелось, но это не мешало их летчикам оставаться в 1942 г. главной угрозой для советского флота. Поэтому формальное численное превосходство Черноморского флота над военно-морскими силами стран оси вовсе не означало автоматического установления господства на море. Аналогичным образом обстояло дело с морскими перевозками. Имея в своем распоряжении меньше судов среднего тоннажа и более протяженные коммуникации, чем советская сторона, немцы использовали все подручные малотоннажные плавательные средства с максимальной нагрузкой и организовали работу транспортного флота так, что ухитрились в августе 1942 г. перевезти свыше 90 тысяч тонн грузов – в три раза больше, чем советские суда и корабли.

Выводы

Итак, в начале битвы за Кавказ Германия и ее союзники задействовали в Краснодарском крае примерно в полтора раза больше войск, чем Красная армия. И эти войска были лучше оснащены техникой, имели надежный тыл, сохраняли высокий боевой дух и наступательный потенциал. В воздухе, при сравнимой численности авиации, качественное преимущество так же оставалось за противником. Только на море советский флот сохранял превосходство, но оно оказалось ограничено множеством факторов.

Вполне закономерно, что уже к концу августа 1942 г. значительная часть Краснодарского края оказалась оккупирована, а значит, можно говорить о неудаче Красной армии. Но от тяжелого отступления войска Северо-Кавказского фронта перешли к упорной обороне в горах под Новороссийском и Туапсе, а затем нанесли врагу ряд контрударов. Это, в свою очередь, говорит о срыве германских замыслов, состоявших в быстром прорыве через Кубань и Причерноморье в Закавказье. Причин тому множество. Среди самых значимых стоит выделить распыление сил Германии и ее союзников между Западным и Восточным Кавказом при отсутствии стратегических резервов, использование советскими войсками удобных для обороны рубежей, прибытие на Кубань из Закавказья и других районов СССР пополнения, выстраивание работоспособной системы тыла.

Выходит, что обе стороны смогли реализовать лишь часть своих планов. В этом отношении борьба на территории Краснодарского края соответствует логике развития событий на всем юге советско-германского фронта. Но если для Германии неполный успех в перспективе означал поражение, то Советский Союз получил шанс одержать победу.

Примечания

1. «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 388.
2. Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М.: Наука, 1977. С. 80.
3. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М.: МФД, 2009. С. 66.
4. Гальдер Ф. Военный дневник, 1941–1942. М.–СПб.: АСТ Terra Fantastica, 2003. С. 824.
5. Завьялов А.С., Каледин Т.Е. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1957. С. 29.
6. Киринов И.Д. Черноморский флот в битве за Кавказ. М.: Воениздат, 1958. С. 18.
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 455.
8. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969. С. 52.
9. История второй мировой войны. В 12 т. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. С. 201–202.
10. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1998. С. 371.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. М.: Кучково поле, 2012. С. 293.
12. Исаев А.В. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. М.: Яуза; Эксмо, 2005. С. 145–147.
13. Бешанов А.В. Год 1942 – «Учебный». М.: Яуза, Эксмо; 2008. С. 354.
14. Широкоград А.Б. Битва за Черное море. М.: АСТ; Транзиткнига. 2005. С. 442.
15. Afanasenko V.I. The Plans of the Parties and the Balance of Forces on the Southern Wing of the Soviet-German Front on the Eve of Spring - Summer 1942 Campaign // Voennyi Sbornik, 2016, Vol.(13), Is. 3, p. 117.
16. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М.: Вече, 2010. С. 38.
17. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 110.
18. Манштейн Э. Утерянные победы. М.–СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 1999. С. 318.
19. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Die Landstreitkräfte 1–5. Frankfurt am Main, 1966. S. 6, 158.

20. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Die Landstreitkräfte 15–30. Frankfurt am Main, 1970. S. 51.
21. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус; Эксмо, 2002. С. 330–333.
22. Залесский К.А. Вермахт. М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. С. 241, 274, 374.
23. Axworthy M., Scafes C., Craciunoiu C. Third Axis, Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945. London: Arms and Armour Press, 1995. P. 78–79.
24. Klimen K., Naklad B. Slovenska Armada. 1939–1945. Praha: Naše vojsko, 2003. S. 94–95.
25. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 96. Л. 1.
26. Горшков С.Г. На южном приморском фланге. М.: Воениздат, 1989. С. 109.
27. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–2). Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 г. М.: ТЕРРА, 1996. С. 239–240, 299–300, 310, 312, 319, 328.
28. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–2). Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 г. С. 530–532.
29. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед. Кн. 1. М.: Вече, 2014. С. 100.
30. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–2). Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 г. С. 330.
31. История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6 т. Т. 2. С. 456.
32. Гречко А.А. Битва за Кавказ. С. 54.
33. История второй мировой войны. В 12 т. Т. 5. С. 200.
34. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 180.
35. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 т. Т. 1. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 462.
36. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. С. 293.
37. Боевой состав Советской Армии. Ч. 2. Январь–декабрь 1942 г. М.: Воениздат, 1966. С. 150.
38. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 т. Т. 1. С. 462.
39. Битва за Кавказ. М.: Триада-ф, 2002. С. 35.
40. Итоговая оперативная сводка Северо-Кавказского фронта № 01/оп за время с 1 по 31.8.42 года. URL: <https://ramyat-naroda.ru> (дата обращения: 17.07.2016).
41. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 306. Л. 33.
42. Донская опергруппа (Окружение под Армавиром). URL: <http://don1942.ru/rol-konnitsy-v-bitve-za-kavkaz/item/2-2-donskaya-opergruppa-okruzhenie-pod-armavirom> (дата обращения: 18.07.2016).
43. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. С. 41.
44. Пшеняник Г.А. Крах плана «Эдельвейс». Советская авиация в битве за Кавказ. 1942–1943. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. С. 42, 69.
45. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 4 т. Т. 2: Черноморский флот. СПб.: Морской Петербург, 2005. С. 240–241.
46. Боевой состав Советской Армии. Ч. 2. Январь–декабрь 1942 г. С. 155.
47. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). С. 110.
48. Дегтев Д.М., Зубов Д.В. Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ. 1942 г. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. С. 167.
49. Plocher H. German Air Force versus Russia, 1942. Aerospace Studies Institute. Air University, 1966. P. 226.
50. Платонов А.В. Борьба за господство на Черном море. М.: Вече, 2010. С. 331.
51. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 4 т. Т. 2: Черноморский флот. С. 224.

52. Залесский К.А. Кригсмарине. Военно-морской флот Третьего рейха. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 172, 175.
53. Морозов М.Э., Патянин С.В., Барабанов М.С. Атакуют «Шнелльботы»! Германские торпедные катера Второй мировой войны. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2007. С. 89.
54. Брагадин М.А. Битва за Средиземное море. Взгляд побежденных. М.: АСТ, 2001. С. 563.
55. Milcic A. Croatian Naval Legion. URL: <http://www.axishistory.com/axis-nations/croatia/navy/157-croatia-navy/croatia-navy-unsorted/5447-croatian-naval-legion> (дата обращения: 12.08.2016).
56. Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. Краткий курс боевых действий. М.: Яуза, 2015. С. 168–169.

References

1. «Sovershenno sekretno! Tol'ko dlja komandovanija». Strategija fashistskoj Germanii v vojne protiv SSSR. Dokumenty i materialy. M.: Nauka, 1967. S. 388.
2. Ibragimbejli H.M. Kraih «Jedel'vejsa» i Blizhnij Vostok. M.: Nauka, 1977. S. 80.
3. Generaly i oficery vermahta rasskazyvajut... Dokumenty iz sledstvennyh del nemeckih voennoplennyh. 1944–1951. M.: MFD, 2009. S. 66.
4. Gal'der F. Voennyj dnevnik, 1941–1942. M.: AST – SPb.: Terra Fantastica, 2003. S. 824.
5. Zav'jalov A.S. Bitva za Kavkaz / A.S. Zav'jalov, T.E. Kaljadin. M.: Voenizdat, 1957. S. 29.
6. Kirin I.D. Chernomorskij flot v bitve za Kavkaz. M.: Voenizdat, 1958. S. 18.
7. Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza. V 6 t. T. 2. M.: Voenizdat, 1961. S. 455.
8. Grechko A.A. Bitva za Kavkaz. M.: Voenizdat, 1969. S. 52.
9. Istorii vtoroj mirovoj vojny. V 12 t. T. 5. M.: Voenizdat, 1975. S. 201–202.
10. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. Voenno-istoricheskie ocherki. V 4 kn. Kn. 1. M.: Izd-vo «Biblioteka»; «Mosgorarhiv», 1998. S. 371.
11. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 3. M.: Kuchkovo pole, 2012. S. 293.
12. Isaev A.V. Kogda vnezapnosti uzhe ne bylo. Istorija VOV, kotoruju my ne znali. M.: Jauza; Jeksmo, 2005. S. 145–147.
13. Beshanov A.V. God 1942 – «Uchebnyj». M.: Jauza, Jeksmo; 2008. S. 354.
14. Shirokorad A.B. Bitva za Chernoe more. M.: AST; Tranzitkniga. 2005. S. 442.
15. Afanasenko V.I. The Plans of the Parties and the Balance of Forces on the Southern Wing of the Soviet-German Front on the Eve of Spring - Summer 1942 Campaign // *Voennyi Sbornik*, 2016, Vol.(13), Is. 3, p. 117.
16. Moshhanskij I.B. Oborona Kavkaza. Velikoe otstuplenie. 25 ijulja – 31 dekabrja 1942 goda. M.: Veche, 2010. S. 38.
17. Vojna. Jug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.) / G.G. Matishov, V.I. Afanasenko, E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2012. S. 110.
18. Manshtejn Je. Uterjannye pobedy. M.: AST; SPb.: Terra Fantastica, 1999. S. 318.
19. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Die Landstreitkräfte 1–5. Frankfurt/Main, 1966. S. 6, 158.;
20. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Die Landstreitkräfte 15–30. Frankfurt/Main, 1970. S. 51.
21. Mjuller-Gillebrand B. Suhoputnaja armija Germanii 1933–1945 gg. M.: Izografus; Jeksmo, 2002. S. 330–333.
22. Zaleskij K.A. Vermaht. M.: Jauza, JeKSMO, 2005. S. 241, 274, 374.
23. Axworthy M. Third Axis, Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945 / M. Axworthy, C. Scafes, C. Craciunoiu. London: Arms and Armour Press, 1995. P. 78–79.
24. Klimen K. Slovenska Armada. 1939–1945 / K. Klimen, B. Naklad. Praha, 2003. S. 94–95.
25. CAMO RF. F. 224. Op. 760. D. 96. L. 1.
26. Gorshkov S.G. Na juzhnom primorskom flange. M.: Voenizdat, 1989. S. 109.

27. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 16 (5–2). Stavka V GK: Dokumenty i materialy: 1942 g. M.: TERRA, 1996. S. 239–240, 299–300, 310, 312, 319, 328.
28. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 16 (5–2). Stavka V GK: Dokumenty i materialy: 1942 g. M.: TERRA, 1996. S. 530–532.
29. Shtemenko S.M. General'nyj shtab v gody vojny. V dni ogorchenij i pobed. Kn. 1. M.: Veche, 2014. S. 100.
30. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 16 (5–2). Stavka V GK: Dokumenty i materialy: 1942 g. M.: TERRA, 1996. S. 330.
31. Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza. V 6 t. T. 2. M.: Voenizdat, 1961. S. 456.
32. Grechko A.A. Bitva za Kavkaz. M.: Voenizdat, 1969. S. 54.
33. Istorii vtoroj mirovoj vojny. V 12 t. T. 5. M.: Voenizdat, 1975. S. 200.
34. Grif sekretnosti snjat. Poteri Vooruzhennyh sil SSSR v vojnah, boevyh dejstvijah i voennyh konfliktah: Statisticheskoe issledovanie. M.: Voenizdat, 1993. S. 180.
35. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. Kampanii i strategicheskie operacii v cifrah. V 2 t. T. 1. M.: Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii, 2010. S. 462.
36. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 3. M.: Kuchkovo pole, 2012. S. 293.
37. Boevoj sostav Sovetskoj Armii. Ch. 2. Janvar'–dekabr' 1942 g. M.: Voenizdat, 1966. S. 150.
38. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. Kampanii i strategicheskie operacii v cifrah. V 2 t. T. 1. M.: Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii, 2010. S. 462.
39. Bitva za Kavkaz. M.: Triada-f, 2002. S. 35.
40. Itogovaja operativnaja svodka Severo-Kavkazskogo fronta № 01/op za vremja s 1 po 31.8.42 goda [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (data obrashhenija: 17.07.2016).
41. CAMO RF. F. 224. Op. 760. D. 306. L. 33.
42. Donskaja opergruppy (Okruzhenie pod Armavirom) [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://don1942.ru/rol-konnitsy-v-bitve-za-kavkaz/item/2-2-donskaya-opergruppy-okruzhenie-pod-armavirom> (data obrashhenija: 18.07.2016).
43. Moshhanskij I.B. Oborona Kavkaza. Velikoe otstuplenie. 25 ijulja – 31 dekabrya 1942 goda. M.: Veche, 2010. S. 41.
44. Pshenjanik G.A. Krah plana «Jedel'vejs». Sovetskaja aviacija v bitve za Kavkaz. 1942–1943. M.: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2013. S. 42, 69.
45. Voenno-morskoj flot Sovetskogo Sojuza v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. V 4 t. T. 2: Chernomorskij flot. SPB.: Morskoy Peterburg, 2005. S. 240–241.
46. Boevoj sostav Sovetskoj Armii. Ch. 2. Janvar'–dekabr' 1942 g. M.: Voenizdat, 1966. . P. 155.
47. Vojna. Jug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.) / G.G. Matishov, V.I. Afanasenko, E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2012. S. 110.
48. Degtev D.M. Prervannyj polet «Jedel'vejsa». Ljuftvaffe v nastuplenii na Kavkaz. 1942 g. / D.M. Degtev, D.V. Zubov. M.: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2014. S. 167.
49. Plocher H. German Air Force versus Russia, 1942. Air University, 1966. P. 226.
50. Platonov A.V. Bor'ba za gospodstvo na Chernom more. M.: Veche, 2010. S. 331.
51. Voenno-morskoj flot Sovetskogo Sojuza v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. V 4 t. . T. 2: Chernomorskij flot. SPB.: Morskoy Peterburg, 2005. S. 224.
52. Zalesskij K.A. Krigsmarine. Voenno-morskoj flot Tret'ego rejha. M.: Jauza, JeKSMO, 2005. S. 172, 175.
53. Morozov M.Je. Atakujut «Shnell'boty»! Germanskie torpednye katera Vtoroj mirovoj vojny / M.Je. Morozov, S.V. Patjanin, M.S. Barabanov. M.: Kollekcija, Jauza, JeksMO, 2007. S. 89.
54. Bragadin M.A. Bitva za Sredizemnoe more. Vzglyad pobezhdennyh. M.: AST, 2001. S. 563.
55. Milcic A. Croatian Naval Legion [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.axishistory.com/axis-nations/croatia/navy/157-croatia-navy/croatia-navy-unsorted/5447-croatian-naval-legion> (data obrashhenija: 12.08.2016).

56. Morozov M. Je. Chernomorskij flot v Velikoj Otechestvennoj vojne. Kratkij kurs boevyh dejstvij / M. Je. Morozov, A. Ja. Kuznecov. M.: Jauza, 2015. S. 168–169.

УДК 94(47).084.8

**Советские и немецкие планы и силы
в начале боев на Кубани в августе 1942 г.**

Илья Викторович Киселев

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза
А. К. Серова, Российская Федерация
350090, Краснодар, ул. Дзержинского, 135
кандидат исторических наук
E-mail: kiselev-istfak@yandex.ru

Аннотация.

Статья посвящена боевым действиям на Кубани, развернувшимся на южном крыле советско-германского фронта в августе 1942 г. Их начало оказало заметное влияние на ход битвы за Кавказ. В ходе этих боев немецкая группа армий «А» стремилась разгромить советские войска в кубанских степях и прорваться через Кавказские горы к Черноморскому побережью. Войска Красной армии вели отступление, пытались сохранить силы и занять выгодные для обороны рубежи.

Автором проанализирована подготовка противоборствующих сторон, сопоставлены различные данные о количестве сухопутных, авиационных и военно-морских сил СССР и стран оси. Особое внимание уделено оценке их состава, боевых качеств и возможностей. Это позволило по-новому взглянуть на советско-германское противостояние на Кубани.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, советские войска, Кубань, Северо-Кавказский фронт, Черноморский флот, войска стран оси.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 19, Is. 3, pp. 218-239, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.19.218
www.ejournal15.com

UDC 94(47).084.8

Database of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory: Compilation Experience and Statistical Analysis

Utash B. Ochirov

Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, 8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia
Dr (History), Associate Professor
E-mail: utash@elista.ru

Abstract

The article is devoted to the Kalmyk Red Army servicemen who had been awarded the Order of Glory during the Great Patriotic War. This military decoration was known as the “Soldier’s” Order and granted only to privates and non-commissioned officers (as well as to junior lieutenants of the air force) for bravery in action. Due to the fact, those engaged in military logistics could not receive this Order Red Army soldiers viewed it as the highest esteemed reward.

Using a wide range of sources the author has compiled a list of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory alongside with their short histories of military service. Commendation lists that had been digitized and posted on the open-access website OBD “Podvig naroda” (People’s Deeds of Valor) served as the basic source for compiling the list. It should be noted that battlefield scribes and record keepers unfamiliar with the spelling of Kalmyk personal and family names, names of villages and districts introduced significant distortions to the records so that one and the same person could be referred to in 5 documents variously. Besides, the search was dramatically complicated by the absence of the tool “nationality” within the OBD “Podvig naroda” search engine, and in fact, the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory had to be looked up “manually.” Databases of only five regions have been subject to thorough studies (the Kalmyk Republic, Rostov, Astrakhan, Volgograd, Stavropol Regions) with nothing but Kalmyk names being the search criteria. Had there been people bearing fully non-Kalmyk family, personal and patronymic names, they are not represented in the final list.

After that the author studied published materials, archival documents, interviewed informants to check, supplement and ascertain information about the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory. The author was also able to enter a few more individuals conscripted in other regions of the USSR into the list. At the final stage of the research, the list of all the materials was structured in such a way that it could be processed using a computer program. After that, the database was subjected to statistical analysis that allowed discovering some certain peculiarities and common features characteristic of the individuals under consideration.

At the moment the database contains records of 95 Kalmyks who had been awarded the Order of Glory during and in the first years after the war. Most probably the list is incomplete and shall be supplemented but the final figures are unlikely to change sufficiently. We can confidently declare that every fortieth Kalmyk of those left in the theater of operations was awarded the Order

of Glory. There is no doubt that but for the 1943 abolition of the Kalmyk ASSR and deportation of ethnic Kalmyk privates and non-commissioned officers to the Shirokovsky Forced Labor Camp (construction site of the Shirokovskaya Hydroelectric Power Station) there would have been much more Kalmyk Cavaliers of the “Soldier’s” Order.

Keywords: database, Great Patriotic War, Kalmyks, Red Army, Order of Glory, soldiers.

Введение

Предложение о создании «солдатского» ордена в дополнение к «полководческим» было высказано И.В. Сталиным 30 августа 1943 г., во время обсуждения проекта ордена «Победа». И если «полководческие» ордена мало чем были похожи на награды Российской империи, то при разработке дизайна и статута «солдатского» ордена, который должен был вручаться за храбрость и бесстрашие, создатели опирались на «солдатский» Георгиевский крест, учрежденный в 1807 г. и до 1913 г. именованный Знаком отличия Военного ордена. Первоначально планировали назвать его «орден Багратиона», поскольку П.И. Багратион в массовом сознании был больше известен своим стремлением дать бой Наполеону и личной храбростью, проявленной в Бородинской битве, нежели полководческими дарованиями, стяжавших ему чин «полного генерала» и должность главнокомандующего 2-й армией перед войной с французами. Согласно замыслу, «солдатский» орден, как и «солдатский» Георгиевский крест, должен был иметь 4 степени, а на его колодке была лента из чередующихся полосок черного и оранжевого цветов («Георгиевская лента»). Разумеется, вместо креста со святым Георгием была избрана советская символика: в окончательном варианте – пятиконечная звезда с изображением Спасской башни Кремля со звездой и обрамленной названием ордена и лавровым венком. На совещании 2 октября 1943 г. Сталин изменил название награды, произнес знаменитые слова о том, что «...победа не может быть без славы», а 8 октября сократил количество степеней до трех по аналогии с «полководческими» орденами. Формальное учреждение ордена Славы (также, как и ордена Победы) произошло 8 ноября 1943 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР [1].

Согласно статуту этим орденом могли награждаться исключительно воины рядового и сержантского состава (в авиации также младшие лейтенанты), показавшие в боях примеры мужества и бесстрашия. Описание и категории ряда подвигов, за которые можно было награждать орденом Славы, были заимствованы из статута «солдатского» Георгиевского креста (первому ворвавшемуся на укрепленную позицию, за спасение своего знамени, за спасение офицера или захват вражеского, за продолжение боя, несмотря на ранение и т.п.). Награждение разными степенями осуществлялось только по порядку и по восходящей, начиная с младшей – 3-й степени. Кавалер Славы одну и ту же степень ордена мог получить только по ошибке. Кавалер всех степеней ордена Славы именовался «полным кавалером» (как «кавалер полного Георгиевского банта»), пользовался определенными привилегиями, приравнивавших его к Герою Советского Союза, и имел право на повышение в звании, вплоть до производства в офицеры. Отличие от «солдатского Егория» заключалось в том, что награждение разными степенями ордена Славы входило в компетенцию начальников разного уровня: награждать 3-й степенью могли командиры соединений (т.е. командиры дивизий и отдельных бригад) и выше, 2-й степенью – командующие армиями и выше, а 1-й степенью ордена – Президиум Верховного Совета СССР.

Орденом Славы награждался «тот, кто:

- ✓ Ворвавшись первым в расположение противника, личной храбростью содействовал успеху общего дела;
- ✓ Находясь в загоревшемся танке, продолжал выполнять боевую задачу;
- ✓ В минуту опасности спас знамя своей части от захвата противником;
- ✓ Из личного оружия меткой стрельбой уничтожил от 10 до 50 солдат и офицеров противника;
- ✓ В бою огнем противотанкового ружья вывел из строя не менее двух танков противника;
- ✓ Уничтожил ручными гранатами на поле боя или в тылу противника от одного до трёх танков;
- ✓ Уничтожил огнем артиллерии или пулемета не менее трех самолетов противника;
- ✓ Презирая опасность, первым ворвался в ДЗОТ (ДОТ, окоп или блиндаж)

противника, решительными действиями уничтожил его гарнизон;

- ✓ В результате личной разведки установил слабые места обороны противника и вывел наши войска в тыл противника;
- ✓ Лично захватил в плен вражеского офицера;
- ✓ Ночью снял сторожевой пост (дозор, секрет) противника или захватил его;
- ✓ Лично, с находчивостью и смелостью пробравшись к позиции противника, уничтожил его пулемет или миномет;
- ✓ Будучи в ночной вылазке, уничтожил склад противника с военным имуществом;
- ✓ Рискаю жизнью, спас в бою командира от угрожавшей ему непосредственной опасности;
- ✓ Пренебрегая личной опасностью, в бою захватил неприятельское знамя;
- ✓ Будучи ранен, после перевязки снова вернулся в строй;
- ✓ Из личного оружия сбил самолет противника;
- ✓ Уничтожив огнем артиллерии или миномета огневые средства противника, обеспечил успешные действия своего подразделения;
- ✓ Под огнем противника проделал для наступающего подразделения проход в проволочных заграждениях противника;
- ✓ Рискаю жизнью, под огнем противника оказывал помощь раненым в течение ряда боев;
- ✓ Находясь в подбитом танке, продолжал из оружия танка выполнять боевую задачу;
- ✓ Стремительно врезавшись на своем танке в колонну противника, смял ее и продолжал выполнять боевую задачу;
- ✓ Своим танком смял одно или несколько орудий противника или уничтожил не менее двух пулеметных гнезд;
- ✓ Находясь в разведке, добыл ценные сведения о противнике...» (опущена часть указа, касающаяся награждений в ВВС, поскольку среди кавалеров ордена Славы нет калмыков – младших лейтенантов авиации) [2].

На фронте этот орден, который могли получать лишь фронтовики, сражающиеся на переднем крае и проявившие особое мужество и бесстрашие, быстро обрел популярность и стал для многих солдат самой почетной и авторитетной наградой. Для «тыловых крыс», которые какими-то способами или интригами могли добиться представления к каким-нибудь боевым наградам, этот орден был совершенно недостижимым.

Материалы и методы

Статья написана на основе различных источников, в том числе документов и материалов, хранящихся в фондах Центрального архива Министерства обороны (далее – ЦАМО РФ), большей частью размещенных на сайтах обобщенных банков данных «Подвиг народа» [3] и «Мемориал» [4], а также Национального архива Республики Калмыкия (далее – НАРК), Научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, архива Национального музея им. Н.Н. Пальмова Республики Калмыкия (далее – НМРК) и Архива военного комиссариата Республики Калмыкия (далее – ресвоенкомат) [5–8]. Кроме того, при написании статьи использовались различные публикации, посвященные участию калмыков в Великой Отечественной войне: труды, в которых содержатся статистические данные по этому вопросу [9–10], сборники документов и материалов [11–12], опубликованные именные списки участников войны 1941–1945 гг. с биографическими сведениями (жителей Калмыкии, погибших и пропавших без вести на фронте [13–16], участников войны из различных районов Калмыкии и Ростовской области [17–19], воинов Калмыцкой дивизии [20], широклаговцев [21], жителей Калмыкии, награжденных за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны [22] и др.), книги и статьи, в которых имеется информация по отдельным кавалерам ордена Славы [23–26]. При проведении исследования применялись общенаучные (объективность, научность, историзм) принципы и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный) методы. Например, в документах ЦАМО РФ фамилии, имена и отчества воинов-калмыков, а также места их рождения и призыва часто даются с искажениями. Поэтому все данные сопоставлялись с опубликованными материалами, что позволило восстановить правильное написание имен собственных.

Обсуждение и результаты

Несмотря на то, что через полтора месяца после принятия статута ордена Славы Калмыцкую АССР ликвидировали, а весь калмыцкий народ выслали в Сибирь, награждения калмыков-фронтовиков этим орденом осуществлялись всю войну и даже несколько лет после нее. Массовое снятие калмыков с фронта и направление сержантского и рядового состава в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР (Широклаг) началось лишь весной 1944 г., но фронтовые командиры добились оставления в своих частях почти трети калмыков-ветеранов (по данным К.Н. Максимова из 6080 сержантов и рядовых, числившихся к 1 января 1944 г., к концу года осталось – 1744, при том, что в течение года на фронте погибло или пропало без вести около 140 калмыков) [27].

Полный список калмыков-кавалеров ордена Славы приведен в таблице 1. В данный список персоналии включались лишь при наличии наградных листов, имеющихся в ОБД «Подвиг народа», за двумя исключениями, о которых будет сообщено ниже. В списке указываются фамилия, имя, отчество (если есть) кавалера, звание, должность и номер части, соединения и объединения на момент награждения орденом Славы, год рождения, место и дата призыва на военную службу, период нахождения в Широклаге или дата гибели на фронте (если известна), а также перечисляются иные награды, полученные кавалером ордена Славы¹. Имена героев выстроены по времени приказа о награждении орденом Славы 3-й степени (если день приказа совпадает, то по алфавиту).

Таблица 1. Список калмыков – кавалеров ордена Славы²

№	Ф. И. О., воинское звание на момент подвига	Год рождения	Год и место призыва	Должность и номер части	Дата и номер приказа о награждении	Другие награды	Период нахождения в Широклаге или дата гибели
1	БОЛДЫРЕВ Очир-Горя Натырович, сержант	1925	1942 Долбан. РВК	ком. расчета минометной батареи 133-го кп 30-й кд 4-го гв. кк 4-го УФ	28.11.1943 №27/н 30-й кд	медаль «За боевые заслуги» приказ №10/н 133-го кп от 23.09.1943	03.1944– 03.1945
2	МАНЖЕЕВ Бова Сангеевич, гв. младший сержант	1920	15.05.1942 Котельн. РВК Сталингр. обл.	стрелок 215-го гв. сп 77-й гв. сд 61-й А БФ	08.12.1943 №56/н 77-й гв. сд		

¹ Награды массового награждения, которые воины получали вне зависимости от заслуг, например, медали «За Победу над Германией», юбилейные медали, ордена Отечественной войны, врученные ветеранам к (1985 г.), а также награды за трудовые подвиги в этом списке не указываются. Сведения о медалям, врученных за участие в отдельных сражениях («За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» и т.д.), не полная.

² Список сокращений: 1, 2, 3-й БФ – соответственно 1, 2, 3-й Белорусский фронт; 1, 2, 3-й ПФ – соответственно 1, 2, 3-й Прибалтийский фронт; 1, 2, 3, 4-й УФ – соответственно 1, 2, 3, 4-й Украинский фронт; А – армия; ад – артиллерийская дивизия; АДД – авиация дальнего действия; ап – артиллерийский полк; амп – артиллерийско-минометный полк; б-на – батальона; бад – бомбардировочная авиационная дивизия; бак – бомбардировочный авиационный корпус; бап – бомбардировочный авиационный полк; ВА – воздушная армия; ВОГ – военно-оперативная группа; ВолхФ – Волховский фронт; гап – гаубичный артиллерийский полк; гв. – гвардии, гвардейский; ГВК – городской военный комиссариат; гск – горнострелковый корпус; зад – зенитно-артиллерийская дивизия; зам. – заместитель; зап – зенитно-артиллерийский полк; инж. – инженерный; иптаб – истребительно-противотанковая артиллерийская батарея; иптап – истребительно-противотанковый артиллерийский полк; исбр – инженерно-саперная бригада; КарФ – Карельский фронт; кд – кавалерийская дивизия; кк – кавалерийский корпус; КМГ – конно-механизированная группа; ком. – командир, командующий; кп – кавалерийский полк; лабр – легкая артиллерийская бригада; лап – легкий артиллерийский полк; ЛФ – Ленинградский фронт; МЗА – малокалиберная зенитная артиллерия; мот. – моторизованная, моторизованный; мсбр – мотострелковая бригада; нач. – начальник; НОАЮ – Народно-освободительная армия Югославии; обл. – область; ОПА – Отдельная Приморская армия; отд. – отдельный; пом. – помощник; ПВС СССР – Президиум Верховного Совета СССР; РВК – районный военный комиссариат; РГК – Резерв Главного командования; сап – самоходно-артиллерийский полк; сд – стрелковая дивизия; ск – стрелковый корпус; сп – стрелковый полк; СталФ – Сталинградский фронт; степ. – степени; ТА – танковая армия; тбр – танковая бригада; тк – танковый корпус; УА – ударная армия; эск. – эскадрон; ЮФ – Южный фронт.

3	САРИЕВ Сергей Улюмджаевич, рядовой	1925	1942 Запад. РВК	ком. отделения 2-го б-на 650-го сп 138-й сд 20-го гв. ск 4-й гв. А 2-го УФ	10.12.1943 №091/н 2-го УкрФ		
4	ДОРДЖИЕВ Басанг Сарангович, гв. рядовой	1916	1943 Левокум. РВК Ставроп. края	стрелок- автоматчик 80-го гв. сп 32-й гв. сд 11-го гв. ск ОПА	13.12.1943 №052/н 32-й гв. сд		04.1944– 04.1945
5	ЭЛЬДАНОВ Лиджи-Гаря Эльданович, рядовой	1907	12.12.1941 Уланхол. РВК	заряжающий 76-мм орудия 1-го сп 99-й сд 94-го ск 1-й гв. А 1-го УФ	14.12.1943 №035/н 99-й сд		03–12.1944
6	ЦАГАНМАН- ЖИЕВ Сангаджи, старшина	1903	1941 Долбан. РВК	ком. отделения пулеметной роты 244-го сп 41-й сд 63-й А БФ	15.12.1943 №41/н 41-й сд	медаль «За отвагу» приказ №11/н 244-го сп от 31.03.43, ордена Красной Звезды и Красного Знамени ¹ , орден Отечественной войны 2-й степ. приказ №048/н 40-го ск от 08.02.44	убит в бою 24.12.1943
7	САНДЖИЕВ Лиджи Утнасунович, рядовой	1908	19.03.1942 Малодерб. РВК	сапер 280-го отд. саперного б-на 89-й сд 20-го ск ОПА	16.12.1943 №031/н 89-й сд		07–12.1944
8	САНГАДЖИЕВ Китя Очалдаевич, гв. старшина	1918	18.06.1940 Приволж. РВК	ком. 76-мм орудия 92-го гв. сп 28-й гв. сд 82-го ск 37-й А 2-го УФ	17.12.1943 №051/н 28-й гв. сд	медаль «За отвагу» приказ №017 92-го гв. сп от 25.08.1943	
9	ТУГУЛЬЧИЕВ Константин Даваевич, гв. казак	1923	1942 Лаган. РВК	рядовой 1-го эск. 40-го гв. кп 10-й гв. кд 4-го гв. кк 4-го УФ	19.12.1943 №042/н 4-го гв. кк		03–12.1944
10	БАДМАЕВ Манджи Басангович, рядовой	1911	06.1941 Долбан. РВК	пулеметчик 1339-го сп 318-й сд 20-го ск ОПА	30.12.1943 №065/н 318-й сд	медаль «За отвагу» приказ №08/н 1339-го сп от 10.08.43, орден Красной Звезды приказ №061/н 318-й сд от 28.11.43	04–11.1944
11	НАТЫРОВ Тюрбя Эрдни- Горяевич, старший сержант	1913	1940 Кануков. РВК	ком. отделения 171-й отд. разведроты 320-й сд 9-го ск 28-й А 4-го УФ	31.12.1943 №044/н 320-й сд	орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда» ²	03–12.1944

¹ Наградные листы на ордена Красного Знамени и Красной Звезды найти пока не удалось, но они подтверждаются сведениями из посмертного представления С. Цаганманжиева к званию Героя Советского Союза (реализованного с «понижением» до ордена Отечественной войны 2-й степени).

² Наградные листы на орден Красной Звезды и медаль «За отвагу» найти пока не удалось, но они подтверждаются сведениями из представления Т.Э.-Г. НатYROва к ордену Славы.

12	ЗАМБАЕВ Наран Харлаевич, сержант	1922	09.1941 Долбан. РВК	ком. отделения взвода пешей разведки 876-го сп 276-й сд 11-го ск 1-й гв. А 1-го УФ	15.01.1944 №03/н 276-й сд	медаль «За отвагу» приказ №017/н 876-го сп от 20.11.43	03–12.1944
13	ЭРДНИЕВ Пюрвя Эрдниевиц, рядовой	1908	08.1942 Приютн. РВК	наводчик 45-мм орудия иптаб 571- го сп 317-й сд 22-го ск 18-й А 1-го УФ	20.01.1944 №02/н 317-й сд	медаль «За отвагу» приказ №021/н 571-го сп от 05.11.1943	03.1944– 05.1945
14	НАРАНОВ Чумуд Куликович, рядовой	1923	28.03.1942 Лаган. РВК	станковый пулеметчик 1-го б-на 78-го сп 74-й сд 104-го ск 40-й А 1-го УФ	03.02.1944 №12/н 74-й сд	медаль «За отвагу» приказ №33/н 78-го сп от 25.11.1943	03–12.1944
15	ГАРЯЕВ Доржи, рядовой	1920	20.09. 1940 Элистин. ГВК	санитар 5-й роты 38-го сп 65-й сд 6-го ск 59-й А ВолхФ	06.02.1944 №08/н 65-й сд	медаль «За боевые заслуги» ¹	
16	ЧЕДЫРОВ Бадма Уланович, младший сержант	1910	15.10.1941 Ворошил. РВК Сталингр. обл.	ручной пулеметчик 2-й роты 1375-го сп 414-й сд 3-го гск ОПА	06.02.1944 №03/н 414-й сд	медаль «За отвагу» приказ №09/н 1375-го сп от 27.09.1943	07.1944– 02.1945
17	БАДМИНОВ Николай Абеновиц, старший сержант	1919	1939 Запад. РВК	ком. отделения взвода пешей разведки 20-го сп 37-й сд 44-го ск 22-й А 2-го ПФ	17.02.1944 №028/н 44-го ск		07.1944– 06.1945
18	БАГЛИКОВ Убуш Багликович, младший сержант	1899	02.1942 Лаган. РВК	огнеметчик 180-й отд. роты ранцевых огнеметов 339-й сд 16-го ск ОПА	23.02.1944 №08/н 16-го ск	орден Красной Звезды приказ №011/н 63-й тбр от 18.5.43	07–11.1944
19	МАНДЖИЕВ Лиджи-Гаря Ользятович, рядовой	1911	06.12.1943 Рогачев. РВК Гомель. обл.	заряжающий 2-й минометной роты 438-го сп 129-й сд 40-го ск 3-й А 1-го БФ	07.03.1944 №085/н 129-й сд	медаль «За отвагу» приказ №0148/н 129-й сд от 16.08.44	
20	БАКТАЕВ Александр Чимидович, гв. сержант	1925	15.02.1942 Лаган. РВК	сабельник (связной ком. эскадрона) 54-го гв. кп 14-й гв. кд 7-го гв. кк 61-й А БФ	26.03.1944 №02/н 14-й гв. кд 03.06.1944 №07/н 14-й гв. кд ²		не ранее 06–12.1944
21	БИМБАЕВ Тита Пюрбеевич, рядовой	1915	11.1942 Сарпин. РВК	связной ком. 1-го б-на 418-го сп 133-й сд 51-го ск 40-й А 2-го УФ	31.03.1944 №10/н 133-й сд	медаль «За боевые заслуги» приказ №03/н 418-го сп от 27.01.44	03.1944– 03.1945
22	КИКЕЕВ Халга Настаевич, гв. сержант	1920	22.06.1941 Кетченер. РВК	ком. отделения 1-й роты автоматчиков 25-го гв. сп 6-й гв. сд 27-го ск 13-й А 1-го УФ	01.04.1944 №14/н 6-й гв. сд	медаль «За отвагу» приказ №02 1002-го сп 305-й сд от 25.01.43, медаль «За отвагу» приказ №11/н 25-го гв. сп от 05.07.1943	

¹ Наградной лист на медаль «За боевые заслуги» найти пока не удалось, но они подтверждаются сведениями из представления Д. Гаряева к ордену Славы.

² По ошибке дважды награжден орденами Славы 3-й степени.

23	ШАРАШКИН Иван Лавгинович, гв. старший сержант	1923	17.10.1941 Зимовн. РВК Ростов. обл.	ком. отделения взвода связи 39-го гв. сп 13-й гв. сд 32-го гв. ск 5-й гв. А 2-го УФ	26.04.1944 №020/н 13-й гв. сд	медаль «За боевые заслуги» приказ №016/н 39-го гв. сп от 15.08.43	08–11.1944
24	ГАКОВ Убуш Мацакович, рядовой	1918	10.04.1944 Гросул. РВК Одесской обл.	стрелок 1-го б-на 315-го сп 19-й сд 64-го ск 57-й А 3-го УФ	27.04.1944 №012/н 64-го ск		убит в бою 15.04.1944
25	КОРНАЕВ Болха Пюрвиевич, рядовой	1915	07.1943 Котельн. РВК Сталингр. обл.	снайпер учебной роты 246-й сд 28-го ск 60-й А 1-го УФ	30.04.1944 №017/н 246-й сд	медаль «За отвагу» приказ №04/н 54-го гв. кп от 14.03.43, медаль «За отвагу» приказ №247/н от 20.07.1943	
26	БАКЛАНОВ Басанг Отыкович, старший сержант	1915	27.06.1941 Приютн. РВК	ком. отделения сводной саперной роты 55-го ск 2-й гв. А 4-го УФ	01.05.1944 №26/н 55-го ск		12.1944– 02.1945
27	ОЛЯДЖИЕВ Дордже Манджиевич, рядовой	1908	01.01.1942 Приютн. РВК	автоматчик мот. стрелково- пулеметного б-на 63-й тбр ОПА	02.05.1944 №029/н ОПА		??–12.1944
28	МАНТАЕВ Гаря Кичикович, сержант	1915	12.12.1941 Чернозем. РВК	химик взвода химзащиты 869-го сп 271-й сд 11-го ск 18-й А 1-го УФ	10.05.1944 №010/н 271-й сд ¹		
				огнеметчик 179-й отд. роты ранцевых огнеметов 60-й А 4-го УФ	20.05.1945 №0104 60-й А		
29	МАНДЖИЕВ Кару Лиджиевич, рядовой	1922	1942 Гурьев. РВК Гурьев. обл.	пулеметчик 749-го сп 125-й сд 6-го ск 59-й А ЛФ	29.05.1944 №054/н 125-й сд		
30	ПЕТРЕЕВ (ПЕТРИЕВ) Лиджи Анжугиевич (Анжушевич), сержант	1920	12.10.1940 Приютн. РВК	ком. отделения минометной роты 647-го сп 216-й сд 51-й А 4-го УФ	31.05.1944 №17/н 216-й сд	медаль «За отвагу» приказ №049/н 139-го гв. сп от 30.12.1944, орден Красной Звезды приказ №139/н 46-й гв. сд от 05.02.1945	
31	КИЧКАЕВ Лиджи Тахтынович, сержант	1922	1941 Лаган. РВК	ком. отделения 5-й роты 276-го сп 77-й сд 63-го ск 51-й А 4-го УФ	09.06.1944 №32/н 77-й сд		убит в бою 02.08.1944
32	БЕМБЕЕВ Лиджи-Горя Сарангович, гв. младший сержант	1914	1940 Лаган. РВК	зам. ком. отделения 7-й роты 24-го гв. сп 10-й гв. сд 14-й А КарФ	17.06.1944 №021 10-й гв. сд		08–11.1944

¹ В представлении к ордену Славы 2-й степени указано, что приказ №10/н 18-й армии датирован 13.10.1944

33	БИМБЕЕВ Намруд, гв. ефрейтор	1908	30.08.1941 Енотаев. РВК Астрахан. округа	сапер 71-го гв. отд. саперного б-на 62-й гв. сд 20-го гв. ск 4-й гв. А 2-го УФ	17.06.1944 №18/н 62-й гв. сд	медаль «За отвагу» приказ №033/н 62-й гв. сд от 12.08.1943	
34	МЕЛЬНИКОВ Улюмджи Сангеевич, гв. рядовой	1906	08.09.1941 Яшалтин. РВК	стрелок 79-го гв. сп 26-й гв. сд 8-го гв. ск 11-й гв. А 3-го БФ	05.07.1944 №025/н 26-й гв. сд	медаль «За отвагу» приказ №05/н 79-го гв. сп от 24.03.1944	
35	ШАРАЕВ Наран Болдыревич, рядовой	1925	18.01.1943 Приволж. РВК	пулеметчик 1124-го сп 334-й сд 60-го ск 43-й А 1-го ПФ	10.07.1944 №37 334-й сд	орден Отечественной войны 1-й степ. №89 43-й А от 02.07.1944	
36	МАНГАЕВ Бора Меджиевич, рядовой	1914	1941 Малодерб. РВК	ездовой расчета 120-мм миномета 1679-го амп 32-й кд 3-го гв. кк 3-го БФ	18.07.1944 №10 32-й кд	медаль «За отвагу» приказ №2 1679-го амп от 10.03.45, медаль «За оборону Сталинграда»	
37	ЧЕМИДОВ Григорий Башаевич, рядовой	1921	1942 Приютн. РВК	стрелок 1-й роты 141-го сп 85-й сд 118-го ск 1-й УА 3-го ПФ	31.07.1944 №089/н 85-й сд		убит в бою 26.11.1944
38	МАНДЖЕЕВ Бал Манджиевич, рядовой	1901	30.03.1942 Приютн. РВК	стрелок 3 б-на 85-го сп 325-й сд 44-го ск 22-й А 2-го ПФ	05.08.1944 №068/н 325-й сд	медаль «За отвагу» приказ №07/н 85-го сп от 04.07.44, орден Отечественной войны 2-й степ. приказ №0195/н 44-го ск от 17.10.1944	
39	САДЖИГОРЯЕВ Могуджа, сержант	1898	12.01.1942 Кануков. РВК	стрелок 2-й роты 539-го сп 108-й сд 46-го ск 3-й А 1-го БФ	12.08.1944 №099/н 108-й сд		
40	КАРМАНОВ Шарунду Шарумович, рядовой	1916	13.12.1939 Саршин. РВК	сапер 1-й инж. роты 189-го инж.- саперного б-на 26-й отд. исбр 22-й А 2-го ПФ	15.08.1944 №0158 22-й армии	медаль «За отвагу» приказ №0121 22-й армии от 30.06.1944	
41	ДЖОНОВ Саранг Санджиевич, рядовой	1917	27.09.1938 Элистин. ГВК	номер 1-й пулеметной роты 438-го сп 129-й сд 40-го ск 3-й А 2-го БФ	16.08.1944 №0148/н 129-й сд	медаль «За отвагу» приказ №028/н 438-го сп от 25.07.1944 ¹	
42	ОЛЬЗЯЕВ Улюмджи, рядовой	1925	11.06.1942 Приволж. РВК	ком. отделения 2- го б-на 1295-го сп 160-й сд 114-го ск 70-й А 1-го БФ	20.08.1944 №056/н 160-й сд		
43	БАРИНОВ Батма Кукеевич старший сержант	1917	18.05.1942 Тевриз. РВК Омск. обл.	ком. орудия МЗА 240-го армейского зап 10-й гв. А 2-го ПФ	23.08.1944 №65/н 8-й гв. сд	медаль «За боевые заслуги» приказ №065 30-й А от 26.09.1942	

¹ Орден не был вручен. В 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР повторно награжден орденом Славы 3-й степени.

44	БАСАНОВ Натыр Цебинович, сержант	1906	1941 Долбан. РВК	ком. отделения 318-го сп 241-й сд 67-го ск 38-й А 1- го УФ	23.08.1944 №038/н 241-й сд		
45	ЭРДНИЕВ Гаря Китаевич, рядовой	1905	1941 Чернозем. РВК	стрелок 5-й роты 694-го сп 383-й сд 16-го ск ОПА	25.08.1944 №047/н 383-й сд		07-12.1944
46	ХАСЫКОВ Мингиян Шургчиевич, гв. сержант	1903	04.1942 Приволж. РВК	ком. отделения 1-й стр. роты 84-го гв. сп 33-й гв. сд 11-го гв. ск 2-й гв. А 1-го ПФ	26.08.1944 №48/н 33-й гв. сд 25.02.1945 №0193 39-й А	медаль «За отвагу» приказ №04/н 33-й гв. сд от 16.09.1943, медаль «За отвагу» приказ №016/н 84-го гв. сп от 30.09.1943, медаль «За оборону Сталинграда»	убит в бою 10.02.1945
47	МАНДЖИЕВ Кару Азурович, гв. старшина	1916	08.1941 Малодерб. РВК	ком. минометного расчета мот. б-на автоматчиков 1-й гв. тбр 8-го гв. мк 1-го гв. ТА 1-го УФ	28.08.1944 №64/н 8-го гв. мк	медаль «За боевые заслуги» приказ №08/н 625-го сп от 17.10.1943	
48	БАДМАГОРЯЕВ Санджи-Горя, старший сержант	1923	1943 Лаган. РВК	ком. отделения 4-й роты 350-го сп 96-й сд 53-го ск 48-й А 1-го БФ	05.09.1944 №071/н 96-й сд		
49	БАРМАГНАНОВ Бадма Бактимович, гв. рядовой	1900	10.1942 Тоцк. РВК Оренбург. обл.	разведчик 97-й гв. отд. разведроты 94-й гв. сд 26-го гв. ск 5-й УА 3-го УФ	05.09.1944 №062/н 94-й гв. сд		
50	МИХАЙЛОВ Борис Тимофеевич, рядовой	1914	09.1942 Запад. РВК	ком. отделения разведки 1087-го сап 4-го гв. ск 8-й гв. А 1-го БФ	25.09.1944 №352/н 8-й гв. А	орден Красного Знамени приказ №128/н ЮФ от 06.04.43, медаль «За отвагу» приказ №076/н 140-й тбр от 18.11.1943	
51	МУКУКЕНОВ Степан Бадмаевич, рядовой	1920	1940 Ворошил. РВК Сталингр. обл.	телефонист 2-й батареи 378-го иптап 70-й А 1-го БФ	28.09.1944 №0152/н 70-й А		
52	БИМБЕЕВ Тимофей Семенович	1921	15.10.1940 Енотаев. РВК Астрахан. округа	ездовой батареи 76-мм пушек 496-го сп 148-й сд 28-го ск 60-й А 1-го УФ	30.09.1944 №54/н 148-й сд	медаль «За отвагу» приказ №026/н 148-й сд от 22.05.1945	
53	НАЙМИНОВ Манджи Бильдеевич, рядовой	1914	09.1943 Комсом. ГВК	сапер-разведчик 221-го отд. саперного б-на 150-й сд 79-го ск 3-й УА 2-го ПФ	01.10.1944 №065/н 150-й сд		
54	ГАРЯЕВ Очир Кокляевич, гв. ефрейтор	1922	28.03.1942 Приволж. РВК	стрелок- разведчик 141-го гв. сп 46-й гв. сд 22-го гв. ск 6-й гв. А 1-го ПФ	02.10.1944 №87/н 46-й гв. сд	медаль «За отвагу» приказ №0198 46-й гв. сд от 07.11.1943	

55	САНГАДЖИЕВ Натыр Горяевич, сержант	1918	05.1942 Приволж. РВК	ком. отделения 3-го б-на 278-го сп 175-й сд 125-го ск 47-й А 1-го БФ	12.10.1944 №0135/н 175-й сд	медаль «За отвагу» приказ 13-й А от 10.08.1942	
56	КОЛДЫРЕВ Чедыр Сангаджиевич, гв. старший сержант	1915	07.1940 Приволж. РВК	пом. ком. взвода 68-го гв. сп 23-й гв. сд 12-го гв. ск 1-й УА 3-го ПФ	20.10.1944 №0182 23-й гв. сд		убит в бою 20.10.1944
57	ЗАВЕРТЕЕВ Нимя Бадмаевич, гв. казак	1916	07.1941 Юстин. РВК	коновод комендантского взвода штаба 11-й гв. кд 5-го гв. кк 2-го УФ	03.11.1944 №029/н 11-й гв. кд	медаль «За отвагу» приказ №02/н 41-го гв. кп от 01.02.44 ¹	
58	БАДМАЕВ Сергей Давыдович, ефрейтор	1917	1939 Малодерб. РВК	телефонист 6-й батареи 480-го гап РГК 39-й А 3-го БФ	14.11.1944 №0862 39-й А	медаль «За отвагу» приказ №0194/н 480-го гап РГК от 14.07.1943	смертельно ранен и умер 14.03.1945
59	КИЧИКОВ Церен Шалхакович, сержант	1916	19.06.1940 Приютн. РВК	ком. 76-мм орудия батареи 1138-го сп 338-й сд 113-го ск 39-й А 3-го БФ	15.11.1944 №0131/н 328-й сд	медаль «За отвагу» приказ №025 1138-го сп от 22.06.1944, медаль «За отвагу» приказ №043 1138-го сп от 01.10.1944	
60	ХАРЦХАЕВ Натыр, рядовой	1920	15.05.1943 Рубцов. РВК Алтай. края	автоматчик роты автоматчиков 378-го сп 343-й сд 121-го ск 49-й А 2-го БФ	17.11.1944 №034/н 343-й сд		
61	ЛИДЖИЕВ Наран Кашаевич, рядовой	1924	03.05.1942 Чернозем. РВК	стрелок взвода разведки 240-го сп 117-й сд 91-го ск 69-й А 1-го БФ	06.12.1944 №0112 117-й сд	орден Красной Звезды приказ №0776 3-й УА от 12.10.1943, медаль «За отвагу» приказ №025/н 240-го сп от 27.05.1944, орден Красной Звезды приказ №092 117-й сд от 20.09.1944	
62	АДУЧИЕВ Леонид Сергеевич, гв. рядовой	1922	01.1941 Приютн. РВК	наблюдатель 65-го гв. ап 36-й гв. сд 27-го гв. ск 7-й гв. А 2-го УФ	25.12.1944 №084/н 36-й гв. сд	медаль «За отвагу» приказ №014/н. 26-го гв. сп от 06.11.1943	
63	ЦЕБЕКОВ Халга Натырович, рядовой	1923	1942 Чернозем. РВК	стрелок 1022-го сп 269-й сд 41-го ск 3-й А 2-го БФ	26.12.1944 №148/н 269-й сд		
64	САНГАДЖИЕВ Мучка Джаликович, гв. ст. сержант	1904	03.10.1941 Юстин. РВК	пом. ком. взвода 3-го эск. 39-го гв. кп 11-й гв. кд 5-го гв. кк 3-го УФ	23.01.1945 №07/н 11-й гв. кд (посмертно)	медаль «За отвагу» приказ №08/н 39-го гв. кп от 10.12.43, медаль «За боевые заслуги»	убит в бою 18.01.1945

¹ В наградном листе на орден Славы указаны заметно отличающиеся дата и номер приказа на медаль «За отвагу»: приказ №016/н 41-го гв. кп от 4.03.1944 г. Возможно, речь идет о двух разных медалях «За отвагу»

						приказ №01/н 39-го гв. кп от 01.02.1944	
65	ЭТЕНОВ Улюмджи Олядыкович, гв. рядовой, гв. мл. сержант	1918 ¹	04.1942 Приютн. РВК	наводчик 76-мм орудия батареи 270-го гв. сп 89-й гв. сд 26-го гв. ск 5-й УА 1-го БФ	27.01.1945 №03/н 89-й гв. сд 26.05.1945 №150/н 5-й УА	медаль «За отвагу» приказ №07/н 973-го сп от 26.02.1943, медаль «За взятие Берлина»	
66	БАДМА-ГАРЯЕВ Лиджи-Гаря Ходжгорович, старшина	1913	22.06.1940 Приволж. РВК	ком. отделения роты автоматчиков 1238-го сп 372-й сд 108-го ск 2-й УА 2-го БФ	28.01.1945 №06/н 372-й сд	медаль «За отвагу» приказ №03/н 124-го гв. сп от 18.01.1944, медаль «За оборону Ленинграда»	
67	МАНДЖИЕВ Николай Басангович, старший сержант	1925	1942 Приволж. РВК	ком. отделения ПТР 3-го б-на 65-й мсбр 31-го тк 21-й А 1-го УФ	08.02.1945 №08/н 31-го тк		
68	ОЧИРОВ Долан Боктаевич, гв. старший сержант	1911	11.1942 Таган. РВК г.Москвы	ком. 45-мм орудия батареи 242-го гв. сп 82-й гв. сд 29-го гв. ск 8-й гв. А 1-го БФ	08.02.1945 №069/н 29-го гв. ск	медаль «За отвагу» приказ №13/н 242-го гв. сп от 15.09.1943	убит в бою 09.02.1945
69	ЯШКИЕВ Бадма Сергеевич, гв. старшина	1916	1940 Приволж. РВК	воздушный стрелок-радист 7-го гв. бап 54-й бад 4-го гв. бак 18-й ВА (АДД)	21.02.1945 №10/н 54-й бад	орден Отечественной войны 2-й степ. №011/ок 5-го бак от 05.03. 1944, медаль «За боевые заслуги» №35/н 7-го гв. бап от 04.09.1945	
70	ЭРДНЕЕВ Наран Бемяевич, гв. рядовой	1924	17.01.1942 Приволж. РВК	автоматчик роты автоматчиков 53-го гв. сп 18-й гв. сд 36-го гв. ск 11-й гв. А 3-го БФ	22.02.1945 №18/н 18-й гв. сд		
71	АНДРОПОВ Николай Учурович, гв. старший сержант	1925	1942 Фурманов. РВК Западно- Казахстан. обл.	телефонист 99-го гв. отд. б-на связи 70-й гв. сд 101-го ск 38-й А 4-го УФ	23.02.1945 №016/н 70-й гв. сд	медаль «За отвагу» приказ №40/н 969-го сп от 08.02. 1944, орден Отечественной войны 2-й степ. приказ №33/н 101-го ск от 30.03.1945	убит в бою 15.03.1945
72	САНГАДЖИЕВ Горя Иванович, рядовой	1902	09.08.1941 Чернозем. РВК	автоматчик мот. б-на автоматчиков 178-й тбр 10-го тк 5-й гв. ТА 2-го БФ	26.02.1945 №16/н 10-го тк	орден Красной Звезды приказ №030 306-й сд от 23.06.1944	убит в бою 15.02.1945
73	ДОРЖИЕВ Очир Басангович, рядовой	1919	08.1942 Лаган. РВК	пулеметчик 201-го сп 84-й сд 135-го ск 4-й гв. А 3-го УФ	28.02.1945 №07/н 84-й сд		

¹ Во всех 3 представлениях указаны разные имена и отчества, разные даты рождения (1918, 1912, 5.8.1908) и призыва (04.1942, 15.07.1941, 15.09.1938). Обе даты и правильное написание фамилии, имени и отчества указаны по военному билету и учетной карточке, предоставленной сыном ветерана.

74	МЕРКИТАНОВ Николай Кокуевич, сержант	1923	01.07.1942 Долбан. РВК	ком. отделения разведки 307-го ап 169-й сд 40-го ск 3-й А 3-го БФ	12.03.1945 №146/н 169-й сд	медаль «За отвагу» приказ №39/н 307-го ап от 07.10.1944, медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина»
75	ОЧИРОВ Горя Горяевич, рядовой	1913	1941 Енотаев. РВК Астрахан. округа	зам. ком. отделения зенитно- пулеметной роты 1414-го зап МЗА 39-й зад РГК 6-й гв. А 2-го ПФ	18.03.1945 №04/н 39-й зад	медаль «За отвагу» приказ №021/н 1414-го зап от 17.11.1944
76	ТЮРБЕЕВ Хулхачи Дорджиевич, рядовой	1925	15.01.1943 Приволж. РВК	сапер-разведчик отд. мот. инж. разведроты 9-й штурмовой исбр РГК 11-й гв. А Земландской группы войск	25.03.1945 №058/н 11-й гв. А	медаль «За отвагу» приказ №017/н 9-й исбр от 05.07. 1944, орден Красной Звезды приказ №025/н 9-й исбр от 01.09. 1944, медаль «За боевые заслуги» приказ №027/н 9-й исбр от 28.05.1944, медали «За оборону Ленинграда» и «За взятие Кенигсберга»
77	МИНЬКОВ Андрей Петрович, рядовой	1926	10.05.1943 Зимовн. РВК Ростов. обл.	наводчик 6-й батареи 1420-го ап 290-й сд 35-го ск 3-й А 3-го БФ	31.03.1945 №0242/н 290-й сд	медаль «За отвагу» приказ №012/н 1420-го ап от 29.07.1944, орден Красной Звезды приказ №0234/н 290-й сд от 28.03.1945
78	КАРУЕВ Ялта Питкеевич, гв. казак	1924	1942 Малодерб. РВК	телефонист 3-й батареи 150-го гв. иптап 5- го гв. кк 3-го УФ	06.04.1945 №23/н 5-го гв. кк	медаль «За отвагу» приказ №07/н 150-го гв. иптап от 25.09. 1943, медаль «За отвагу» приказ №03/н 150-го гв. иптап от 03.02. 1945, медаль «За взятие Будапешта»
79	МАНДЖИЕВ Эрдни-Горя Лиджиевич, ефрейтор	1911	16.06.1943 Молотов. РВК Архангель. обл.	топовычислитель 1-го д-на 951-го ап 391-й сд 59-й А 1-го УФ	06.04.1945 №015/н 391-й сд	медаль «За отвагу» приказ №011/н 951-го ап от 28.04. 1944, медаль «За отвагу» приказ №01 951-го ап от 04.01.1945

80	БОЛДЫРЕВ Санджи Умкеевич, ефрейтор	1923	19.06.1942 Кетченер. РВК	разведчик 8-й батареи 1015-го ап 397-й сд 89-го ск 61-й А 1-го БФ	11.05.1945 №060/н 397-й сд	медаль «За боевые заслуги» приказ №012 1015-го ап от 25.07.1943, медаль «За отвагу» приказ №019/н 1015-го ап от 12.10.1944
81	ДАРБАКОВ Леонид Илларионович, сержант	1922	08.1941 Зимовн. РВК Ростов. обл.	командир орудия 573-го лап 78-й лабр 27-й ад 42-й А Курляндской группы войск	15.05.1945 №0297/н 42 А 21.05.1945 №009/н 27-й ад РГК ¹	медаль «За боевые заслуги» приказ №07 573-го лап от 10.07.1943, орден Красной Звезды приказ №113/н ком. арт. 2-го ПФ от 02.11.1944
82	ЭРДЕНЕЕВ Санжик Мишкеевич, ефрейтор	1914	15.10.1941 Приютн. РВК	разведчик отд. взвода разведки 115-го кп 8-й кд 6-го гв. кк 1-й гв. КМГ 2-го УФ	16.05.1945 №024/н 8-й кд	медаль «За отвагу» приказ №09/н 8-й кд от 13.08.1944 ² , медаль «За отвагу» приказ №14/н 115-го кп от 30.10.1944
83	БАРАЕВ Шаварта Уланович, рядовой ³	1914	10.1941 Уланхол. РВК	стрелок 703-го сп 233-й сд 135-го ск 26-й А 3-го УФ	18.05.1945 №019/н 233-й сд	медаль «За храбрость» приказ НОАЮ от 10.01.1945
84	САРГИНОВ Николай Гордеевич, гв. старший сержант	1923	1942 Зимовн. РВК Ростов. обл.	ком. орудия иптаб 347-го гв. сп 106-й гв. сд 38-го гв. ск 9-й гв. А 3-го УФ	19.05.1945 №018/н 106-й гв. сд	медаль «За отвагу» ⁴ , медаль «За отвагу» приказ №08/н 347-го гв. сп от 08.04. 1945, орден Красной Звезды приказ №022/н 106-й гв. сд от 23.05. 1945, медали «За взятие Будапешта» и «За взятие Вены»
85	САНГАДЖИЕВ Михаил Шуптаевич, гв. рядовой	1910	02.1943 Чернозем. РВК	стрелок 3-го б-на 144-го гв. сп 49-й гв. сд 10-го гв. ск 46-й А 2-го УФ	20.05.1945 №027/н 49-й гв. сд	
86	ДОРДЖИ- ГОРЯЕВ Убуши Бадаевич, гв. ефрейтор	1915	1941 Долбан. РВК	заряжающий миномета 178-го гв. амп 5-й гв. кд 3-го гв. кк 2-го БФ	22.05.1945 №030 5-й гв. кд	медаль «За боевые заслуги» приказ №6/н 178-го гв. амп

¹ По ошибке дважды награжден орденами Славы 3-й степени.

² Согласно наградному на орден Славы награждение медалью «За отвагу» было осуществлено приказом №08/н 8-й кд от 25.06.1944 г.

³ С 25.10.41 в боях на Юго-Западном фронте. С 01.07.1942 по 08.02.1944 в плену. С 08.02.1944 по 04.03.1945 в НОАЮ. С 04.03.1945 на 3-м Украинском фронте.

⁴ Номер приказа о награждении первой медалью «За отвагу» установить не удалось, но ее наличие подтверждается послевоенными фотографиями и свидетельствами.

						от 22.7.1944, медаль «За оборону Сталинграда»	
87	МАНДЖИЕВ Лиджи Нимеевич, рядовой	1925	1943 Кетченер. РВК	стрелок 1-й роты 823-го сп 302-й сд 60-й А 4- го УФ	23.05.1945 №77/н 302-й сд		
88	АЗАКАЕВ Батыр Лиджиевич, гв. сержант	1909	1941 Сарпин. РВК	ком. отделения 134-го гв. сп 45-й гв. сд 30-го гв. ск 6-й гв. А 2-го ПФ	30.05.1945 №072/н 45-й гв. сд	медаль «За боевые заслуги» приказ №20/н от 28.10.1944	
89	ЛИДЖИ-ГАРЯЕВ Тюрбя, гв. старший сержант	1916	1939 Лаган. РВК	нач. телефонной станции 3-го б-на 349-го гв. сп 105-й гв. сд 38-го гв. ск 9-й гв. А 3-го УФ	08.06.1945 №016/н 105-й гв. сд	орден Красной Звезды приказ №013/н 105-й гв. сд от 23.05.1945	
90	БАВАЕВ Дорджа Наминович, бывший рядовой	1909	06.1941	снайпер 18-го кп ¹ 218-й сд СталФ	06.11.1947 Указ ПВС СССР		
91	ЛИДЖИ-ГОРЯЕВ Убуш Дорджиевич, бывший зам. политрука	1923	01.03.1941	бывший зам. политрука 993-го сп ² 92-й сд	1947 Указ ПВС СССР		
92	ОЧИР-УБУШАЕВ Бембя Намерджанович, бывший рядовой	1923	04.1942	разведчик 186-й отд. разведроты 160-й сд 40 А ³	1947 Указ ПВС СССР		
93	ШАЛБУРОВ Алексей Улюмжинович, бывший сержант ⁴	1918	1939	бывший ком. отделения разведки штаба Круглянской ВОГ Могилевского партизанского соединения	30.12.1948 Указ ПВС СССР	медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степ.	
94	УБУШИЕВ Василий Санджиевич, бывший старший сержант	1918	15.07.1940 Приютн. РВК	старшина роты 813-го сп 142-й сд ⁵ ЛФ	30.05.1951 Указ ПВС №209/859		

К сожалению, во многих случаях калмыцкие имена искажались, иногда до неузнаваемости, как при переписывании рукописного текста, так и при записи на слух. В данном списке имена всех кавалеров ордена Славы были проверены, сверены с другими базами данных (например, ОБД «Мемориал» или списками широколаговцев, опубликованными в 2000 г.) или со сведениями родственников и исправлены.

Кроме того, в книге «Широклаг. Широкстрой» в числе кавалеров ордена Славы указан

¹ 18-й кп в 1941–1943 гг. входил в состав 24-й кд, сражавшейся на Закавказском и Западном фронтах. 218-я сд (1-го формирования), разгромленная в составе Южного фронта в июле 1942 г., была расформирована в сентябре 1942 г. и никогда в состав Сталинградского фронта не входила. 218-я сд (2-го формирования) была сформирована в 1943 г.

² 993-й сп входил в состав 263-й сд. В состав 92-й сд входили 22, 203, 317-й сп.

³ На самом деле, 186-й отдельный разведывательный батальон 160-й сд. В состав 40-й армии Брянского фронта это соединение входило до июля 1942 г., после чего было передано в состав 6-й армии Воронежского фронта.

⁴ Наградной лист в ОБД «Подвиг народа» отсутствует, но в НАРК хранится копия наградного листа [28], полученная в 1966 г. из партийного архива Института истории партии при ЦК КПБ.

⁵ 813-й сп входил в состав 239-й сд. В состав 142-й сд Ленинградского фронта входили 461, 588, 946-й сп.

С.Д. Онкаев¹, наградной лист которого найти не удалось. Учитывая, что этот справочник составлялся по документам НКВД, данное свидетельство следует признать достоверным.

Таким образом, по имеющимся на данный момент сведениям, в период войны и первые послевоенные годы орденами Славы было награждено 95 калмыков, в том числе 5 – дважды (А.Ч. Боктаев, Г.К. Мантаев, М.Ш. Хаськов, У.О. Этенев и Л.И. Дарбаков). Полных кавалеров Славы среди калмыков нет, и основной причиной этого, на мой взгляд, стало снятие большей части калмыков с фронта в 1944 г. Отнюдь не случаен тот факт, что почти $\frac{2}{3}$ калмыков-кавалеров ордена Славы, награжденных в ноябре 1943 г. – июне 1944 г. (имевшие больше шансов для того, чтобы стать полными кавалерами) – это «широклаговцы»: 20 из 31 (без учета трех погибших). Не приходится сомневаться в том, что принадлежность калмыков к репрессированному народу в ряде случаев являлось препятствием для награждения вообще, а в других случаях реализовывалось «понижением» награды до ордена Красной звезды (Л.Ш. Цюрюмов, И.К. Эрендженев, Э.М. Ялманов и др.) или до медали «За отвагу» (П.С. Абушаев, У.Г. Алаев, Т.О. Арылов, Ц.В. Дорджиев, Д.С. Пальшинов, Л.Б. Церенов и др.). Кавалер ордена Красной Звезды С.П. Сарангов дважды представлялся к ордену Славы 3-й степени, но оба представления были реализованы медалями «За отвагу». Кавалер ордена Славы 3-й степени Б.М. Манджеев за очередной подвиг, по мнению начдива и комкора, был достоин ордена Славы 2-й степени, но приказ о награждении задержали на месяц, а затем переделали на орден Отечественной войны 2-й степени [29].

После возвращения калмыцкого народа из депортации и восстановления республики работники военкоматов взялись за восстановление справедливости. 8 мая 1965 г., к 20-летию Победы, было произведено массовое награждение 320 жителей Калмыкии за подвиги, совершенные в 1941–1945 гг. (не считая отдельных указов, например, о присвоении звания Героя Советского Союза М.А. Сельгикову). Орденами Славы 3-й степени были награждены 45 наших земляков, в том числе 28 калмыков: П.С. Абушинов, Т.Л. Амуков, Г.К. Астралинов, Г.М. Бадаев, Л.М. Бадмаев, Ц.Х. Бамбышев, П.С. Баякаев, У.У. Босхаев, С.Б. Босхомджиев, С.С. Джонов (повторно), Х.У. Кекленов, О.Е. Манджиев, Б.М. Манжикаев, Г.Б. Мергульчиев, Б.Б. Натыров, Г.О. Очиров, Г.Б. Салдусов, Б.-С.Г. Убушаев, Д.Х. Хатуев, Б.Э. Худжиров, О.М. Хулхачиев, Ц.Ц. Хонхолджинов, Ш.М. Церенов, Т.У. Чакаев, Е.П. Шагильдинов, Д.Д. Шанаев, С.Б. Шонхаев, А.Э. Шураев [30].

Награждения орденами Славы 3-й степени за подвиги военных лет производились и в последующем. К сожалению, базы данных по послевоенным награждениям, наподобие ОБД «Подвиг народа», нет, и поиск приходится вести путем сплошной проверки архивов, книг и газет, перелопачивая огромную массу материалов. Например, достоверные подтверждения на ряд кавалеров ордена Славы удалось найти в архиве НМРК, где хранятся их ордена и орденские книжки, переданные родственниками после смерти ветеранов [31]. Значительное количество кавалеров удалось выявить в списках ветеранов, представляемых к юбилейным наградам, хранящихся в архиве ресвоенкомата [напр., 32]. На данный момент у нас есть документальные подтверждения награждений орденом Славы 3-й степени после 1965 г. следующих лиц: Д.С. Бавдаев, Х.Б. Бадмаев, А.Ш. Бадиев, А.Б. Бембинов (награжден в 1966 г.), Г.Л. Боваев, А.К. Босхомджиев, М.М. Валетов (1966), А.Э. Горяев (1966), З.М. Дорджи-Гаряев, Г.М. Кикеев, О.М. Корсунов, Н.К. Мунхаев, Д.Д. Оминов, А.Г. Петров, П.Ш. Потняев, П.С. Самтонов, Н.И. Сусеев (1966), В.С. Убушиев, А.У. Улюмджиев (1966), Б.Л. Уладинов (1973), С.Д. Убушаев (1975), Л.Б. Церенов, М.О. Чурюмов, И.К. Шангаев, Д.Б. Эдгеев. К сожалению, наградные листы на кавалеров ордена Славы 1965–1982 гг. найти не удалось, поэтому их структурирование для последующей обработки ЭВМ невозможно. Кроме того, по еще трем десяткам калмыков документов пока найти не удалось. Нет сомнения, что этот список не окончательный и будет пополняться в дальнейшем.

¹ Онкаев Сангаджи Дармаевич, 1917 г. рождения. Уроженец Юстинского улуса, призван Приволжским РВК 23 июля 1941 г., служил в 146-м кп 38-й кд и 15-й гв. кд, сержант. Награжден орденом Славы 3-й степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда». Прибыл в Широлаг 14 апреля 1944 г. и погиб там 22 августа 1944 г.

Выводы

К сожалению, списки калмыков-кавалеров ордена Славы (как, впрочем, и других наград, за исключением Героев Советского Союза) ранее никогда не составлялись. Поэтому весь объем работ, начиная от составления базового списка и наполнения его различными данными и кончая статистическим анализом, был осуществлен автором в течение почти трех лет. Базовым источником для составления списка послужили наградные листы, оцифрованные и выложенные в открытом доступе на сайте ОБД «Подвиг народа».

Основных проблем на поисковом этапе было две. Во-первых, фронтовыми писарями и архивными работниками как при переписывании, так и при записи «на слух» были допущены искажения незнакомых для них калмыцких фамилий, имен, названий сел, районов и т.д., в результате чего один и тот же человек в 5 документах мог быть отражен под разными именами. Например, самый известный в нашей республике кавалер двух орденов Славы – Улюмджи Олядыкович Этенев в наградных документах значится под именами Улюманджи Олвадович, Улюджи Алядыкович, Улюмаджи Оляндикович и т.д. Когда автор статьи обратился с этим вопросом к администрации сайта «ОБД «Подвиг народа» – корпорации «ЭЛАР», осуществляющей кропотливую работу по оцифровыванию миллионов наградных листов, то в некоторых случаях «админы» откликнулись и пошли навстречу, но в большинстве записей исправления они внести не смогли (даже после предъявления фотокопии красноармейской книжки со всеми боевыми наградами), поскольку правила работы запрещают им исправлять сведения из оригинальных источников.

Во-вторых, в поисковой базе данных ОБД «Подвиг народа» отсутствовала опция «национальность», поэтому поиск калмыков-кавалеров ордена Славы осуществлялся фактически «вручную». Полностью были изучены базы данных лишь по пяти регионам: Калмыцкой АССР, а также граничащим с ней Астраханской (здесь особое внимание уделялось районам, в которые вошли территории Долбанского и Приволжского улусов Калмыкии, не возвращенные при восстановлении автономии в 1957 г.), Ростовской (здесь особое внимание уделялось Зимовниковскому РВК, через который призывались жители Калмыцкого района) и Волгоградской областям, Ставропольскому краю. Поскольку десятки тысяч фамилий проверить «вручную» было сложно, то приходилось осуществлять выборку, ориентируясь на возможные варианты калмыцких фамилий, имен и отчеств, с учетом возможных искажений (например, Шарашкин Иван Лавгинович записан в ОБД «Подвиг народа» как Логвинович). Если среди изучаемых персоналий были калмыки, имеющие полностью некалмыцкие фамилии, имена и отчества, то они за редким исключением в итоговый список не попали. Затем автор, используя опубликованные материалы, архивные документы, записи бесед с информантами, проверял, дополнял, уточнял сведения о калмыках-кавалерах ордена Славы. Кроме того, таким путем было выявлено еще несколько человек, призванных из других регионов СССР: от Комсомольска-на-Амуре и Молотовска (Северодвинска) до Рогачева и Одессы, освобожденных в 1943–1944 г. Также удалось найти наградной лист на А.У. Шалбурова, реализованный в 1948 г. орденом Славы 3-й степени, который в ОБД «Подвиг народа» отсутствует [33]. На конечном этапе исследования список со всеми материалами был структурирован таким образом, чтобы его можно было обрабатывать при помощи программы ЭВМ по ряду параметров: возраст, место призыва, род войск и фронт, в котором служили калмыки-кавалеры ордена Славы, и т.д.

Результаты анализа по возрасту изучаемых персоналий следует признать несколько неровными, но некоторые общие тенденции очевидны. Чтобы «сгладить пики», этот показатель сгруппирован по четырехлетиям, при этом самый молодой возраст калмыков, призванных на службу (1926 г. рождения), здесь не учитывается, так как он почти сразу был направлен в Широклаг (неудивительно, что среди этого возраста есть только один «кавалер Славы», в неполных 17 лет ушедший на фронт): 1922–1925 гг. рождения – 28, 1918–1921 гг. рождения – 16, 1914–1917 гг. рождения – 23, 1910–1913 гг. рождения – 9, 1906–1909 гг. рождения – 9, 1902–1905 гг. рождения – 5, 1898–1901 гг. рождения – 4. Видно, что большинство изучаемых персоналий – это молодежь 1914–1925 гг. рождения, выросшая при Советской власти и воспитанная в духе преданности ее идеалам. Определенный «прогиб» 1918–1921 гг. рождения объясняется как «демографической ямой», вызванной Гражданской войной и голодом 1921 г., так и гибелью до появления ордена Славы большей части этих возрастов, призванных до начала войны. Правда, некоторые «провалы» внутри

четырёхлетья объяснить трудно. Например, калмыков-кавалеров ордена Славы 1915, 1918, 1920, 1922 гг. рождений по 6 человек, 1914 г. – 5, 1924 г. – 3, 1919 и 1921 гг. рождений – по 2.

Анализ по месту призыва показал, что из 91 изучаемых персоналий (по 4 данных о месте призыва нет) 69 призывались из Калмыкии. Из них Западным РВК было призвано 4 кавалера ордена Славы, Приютненским – 11, Сарпинским – 6, Малодербетовским – 5, Черноземельским – 6, Приволжским – 17, Долбанским – 7, Лаганским – 11, Элистинским ГВК – 2¹. Из оставшихся 22 человек 4 были призваны Зимовниковским РВК Ростовской области, 4 – Ворошиловским и Котельниковским РВК Сталинградской области, 3 – Енотаевским РВК Астраханского округа, 2 – из Западного Казахстана, 2 – с освобожденных территорий Украины и Белоруссии, по 1 – из Москвы, Алтайского, Ставропольского и Хабаровского краев, Архангельской, Оренбургской и Омской областей.

По родам войск 90 калмыков-кавалеров ордена Славы (без учета 5 ветеранов, награжденных после войны) делятся следующим образом: 44 пехотинца (в том числе 8 пулеметчиков, 6 разведчиков, 2 огнеметчика и 1 снайпер), 3 «танкиста» (на самом деле, это 2 автоматчика и 1 бронейщик из мотопехоты, поэтому их следует отнести к пехоте), 6 кавалеристов, 17 артиллеристов и 6 минометчиков (большой частью из стрелковых и кавалерийских полков), 6 саперов, 6 связистов, 1 санитар, 1 авиатор. Большинство кавалеров ордена Славы являются представителями пехоты, что, в общем-то, понятно: «царица полей» вынесла на своих плечах главную тяжесть войны на линии фронта.

Анализ распределения 89 изучаемых персоналий (без учета 5 ветеранов, награжденных после войны, и С.Д. Онкаева, дата и место подвига которого нам не известно) по фронтам был осуществлен в сравнении с общим количеством калмыков – сержантов и рядовых – в этих объединениях на 1 января 1944 г. (то есть до массового снятия с фронтов и высылки в Широклаг). Последние данные взяты из работы К.Н. Максимова [34].

Таблица 2. Калмыки-кавалеры ордена Славы, распределенные по фронтам

Название объединения	Общее количество калмыков (сержантов + рядовых)	Количество калмыков-кавалеров ордена Славы
Карельский фронт	41+66=107	1
Ленинградский фронт	22+145=167	1
Волховский фронт	28+70=98	1
3-й Прибалтийский фронт (образован 18.04.1944)	–	2
2-й Прибалтийский фронт (с 01.04.1945 – Курляндская группа войск)	40+138=178	8
1-й Прибалтийский фронт (с 24.02.1945 – Земландская группа войск)	29+227=256	4
Западный фронт (с 24.04.1944 – 3-й Белорусский)	39+146=185	7
2-й Белорусский фронт (образован 24.04.1944)	–	6
Белорусский фронт (с 24.02.1944 – 1-й Белорусский)	47+365=412	14
1-й Украинский фронт	70+329=399	12
2-й Украинский фронт	60+283=343	9
3-й Украинский фронт	20+185=205	8
4-й Украинский фронт	115+626=741	8
Отдельная Приморская армия (с 06.1944 в резерве)	21+89=110	7
Авиация дальнего действия	3+9=12	1

Как видно, двух фронтов, в которых числится 8 изучаемых персоналий, в январе 1944 г. не было. Учитывая, что 3-й Прибалтийский фронт был образован из левого крыла

¹ Данные по Яшалтинскому улусу учтены в показателях Западного военкомата, по Троицкому улусу – Приютненского, по Кетченеровскому улусу – Сарпинского, по Юстинскому улусу – Приволжского, по Улан-Хольскому улусу – Лаганского, так как в названных улусах райвоенкоматов не было.

Ленинградского фронта, а 2-й Белорусский (2-го формирования) – из левого крыла Западного фронта, их можно условно учесть за соответствующими объединениями.

Почти 25% калмыков-кавалеров ордена Славы входили в состав 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, что легко объяснить тем, что это были важнейшие и сильнейшие фронты Красной армии, в 1943–1945 гг. постоянно находившиеся на направлении главного удара: Киев, Житомир, Львов, Сандомир, Минск, Варшава, Краков, Познань, Берлин и Прага. На этих фронтах насчитывалось значительное количество калмыков, имевших больше возможностей для отличия в ходе успешных операций. То же можно сказать и о Западном фронте, разделенным в апреле 1944 г. на 2 и 3-й Белорусские фронты. Но если соотнести количество калмыков на 1 января 1944 г. на Западном фронте с 13 кавалерами 2 и 3-го Белорусских фронтов, то здесь их удельный вес (награжден каждый четырнадцатый) окажется вдвое выше, чем в 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах.

Несколько удивляет количество изучаемых персоналий в Отдельной Приморской армии (больше, чем у 6 фронтов), притом, что численность калмыков в ней была одной из самых низких. Удельный вес калмыков-«кавалеров Славы» вполне сопоставим с Западным фронтом (награжден каждый шестнадцатый), притом, что с июня 1944 г. эта армия больше не воевала. Однако детальный анализ показывает, что они были награждены до массового снятия калмыков с фронтов (6 из 7 за подвиги во время Керченско-Эльтигенского десанта и последующих боях по удержанию плацдарма в декабре 1943 г. – феврале 1944 г.; 7-й, отличившийся при штурме Севастополя в мае 1944 г., также был отправлен в Широклаг).

А вот 8 калмыкам-кавалерам ордена Славы 2-го Прибалтийского фронта логичное объяснение пока дать трудно. Калмыков здесь было немного, все награжденные служили в разных соединениях и родах войск, заподозрить кого-то конкретно в пристрастном отношении к калмыкам мы не можем. 2-й Прибалтийский фронт в 1944–1945 гг. не имел успехов, сопоставимых с операцией «Багратион», и закончил войну, блокируя группу армий «Курляндия». Все награждения орденом Славы на 2-м Прибалтийском произошли после выхода приказа о снятии калмыков с фронтов и в разное время: 1 – в феврале 1944 г., 3 – летом 1944 г. (в период наступления, сопряженного с «Багратионом»), 1 – осенью 1944 г., 1 – зимой 1945 г., 2 – весной 1945 г. По удельному весу калмыков-кавалеров ордена Славы этот фронт занимает 3-е место после Западного фронта и Приморской армии (награжден каждый двадцатый). Как тут не вспомнить о том, что единственные представители высланных народов – Герои Советского Союза, не являвшиеся офицерами или генералами и награжденные Золотыми Звездами после выхода приказа об их снятии с фронтов, служили именно на 2-м Прибалтийском фронте (калмык Батор Басанов и чеченец Абухаджи Идрисов) [35].

С другой стороны, удивляют крайне низкие показатели 4-го Украинского (бывшего Южного) фронта, где воевало больше всего калмыков (награжден каждый девяностый). В составе этого фронта сражались 28-я и 51-я армии, освобождавшие Калмыкию, активно комплектовавшиеся за счет местных жителей в 1942–1943 гг., 4-й гвардейский Кубанский казачий корпус, на пополнение которого в феврале 1943 г. была обращена 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия. При этом из восьми кавалеров ордена Славы трое были награждены в конце 1943 г., еще трое – за отличия при штурмах Перекопа и Севастополя (то есть до снятия большей части калмыков с фронта).

Анализ распределения 89 изучаемых персоналий по армиям показал, что они служили в 40 армиях, в том числе 10 гвардейских, 4 ударных и 2 танковых (на 1 января 1944 г. на фронтах и в резерве Ставки Верховного Главного командования значилось 66 армий), и четырех гвардейских кавалерийских корпусах фронтового подчинения. При этом в 10 армиях (2, 9-й гвардейских, 1, 5-й ударных, 18, 38, 39, 40, 51, 70-й) и двух кавалерийских корпусах (3 и 4-м гвардейских) было по два калмыка-кавалера Славы, в 8 армиях (4, 6, 8, 11-й гвардейских, 22, 59, 60, 61-й) и одном кавалерийском корпусе (5-м гвардейском) – по 3. Заметно выбивается из списка 3-я армия, в которой орденами Славы были награждены 6 калмыков (с марта 1944 г. по март 1945 г.). По всей видимости, в этом объединении представителей депортированных национальностей не «зажимали» и воздавали должное их подвигам, учитывая, что командарм А.В. Горбатов, осужденный по ложному обвинению в 1939 г., сочувственно относился к репрессированным.

По данным К.Н. Максимова, к середине 1944 г., когда процесс снятия большинства калмыков с фронта был завершен, в рядах Красной армии числилось 2432 калмыка, в том

числе 367 сержантов и 1949 рядовых [36], которые по статуту могли быть кавалерами ордена Славы. Во 2-й половине 1944 г. – 1-й половине 1945 г. 56 калмыков-сержантов и рядовых были удостоены этой почетной солдатской награды, 4 из них – дважды. Таким образом, несмотря на принадлежность к репрессированной национальности, орденом солдатской доблести был отмечен каждый сороковой калмык, оставшийся в рядах Красной армии (без учета офицеров). При этом следует учесть, что в числе указанных 2,4 тыс. калмыков более 150 служили на невоюющих фронтах (Дальневосточный, Забайкальский, Закавказский), более 110 – в тыловых частях (транспортных, военно-дорожных, инженерно-строительных), несколько десятков находились в тыловых округах и училищах, и реально процент кавалеров ордена Славы среди калмыков-фронтовиков должен быть гораздо выше. Очевидно, что если бы калмыки не подверглись несправедливому наказанию по огульному обвинению, то кавалеров ордена Славы среди них было бы намного больше.

Примечания:

1. Смыслов О.С. История советских наград. М.: Вече, 2007. С. 149–151.
2. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956. С. 265–266.
3. ОБД «Подвиг народа». URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navPeople_search
4. ОБД «Мемориал». URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/>
5. НАРК. Ф. П-966. Оп. 2. Д. 30.
6. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4.
7. Архив НМРК.
8. Архив ресвоенкомата. Именные списки ВОВ. Т. 1–6.
9. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2010. 406 с.
10. Максимов К.Н. Новейшие исторические источники по истории Калмыкии периода Великой Отечественной войны // Война в истории и судьбах народов Юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 1–2 июня 2010 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. С. 321–326.
11. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / Сост. М.Л. Кичиков, Л.П. Коженбаева, А.И. Наберухин и др. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2005. 784 с.
12. Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.: документы и материалы / Сост. В.З. Атуева. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2006. 432 с.
13. Память. Санл. Т. I. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 416 с.
14. Память. Санл. Т. II. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 442 с.
15. Память. Санл. Т. III. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2005. 156 с.
16. Память. Санл. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
17. Книга Памяти [Яшкульский район]. 1941–1945 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. 460 с.
18. Солдаты Великой войны: Списки, биографические справки, фото участников и ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Черноземельского района Республики Калмыкия. Элиста: РИА Калмыкия, 2015. 120 с.
19. Солдаты Победы. Т. I. Поименный список участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцев Калмыцкого района Ростовской области / Сост. П.Э. Алексеева. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2005. 203 с.
20. Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / Сост. П.Э. Алексеева, А.Т. Баянова, С.А. Заярный, Л.Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.
21. Широлаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Т. III. Кн. 1 / Сост. А.Б. Баирова, Т.Ч. Бембеева, С.Э. Лиджи-Горяева, Р.В. Неяченко. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. 294 с.
22. Манджиев Н.Ц. Достоин награждения. М.: ООО «ПРИНТ-ПРО», 2015. 498 с.
23. Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом: Очерки истории Калмыцкой АССР в

- годы Великой Отечественной войны. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1970. 208 с.
24. Манджиев Н.Ц. Воины из Чилгира. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 80 с.
 25. Хазиков Н. Курсанты учились на поле боя // Хальмг үнн. 2015. 15 января.
 26. Джонов А. Саранг Джонов храбро сражался на Курской дуге // Хальмг үнн. 2015. 19 июня.
 27. Максимов К.Н. Великая Отечественная война... С. 345.
 28. НАРК. Ф. П-966. Оп. 2. Д. 30. Л. 27.
 29. ОБД «Подвиг народа».
 30. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1. Л. 181.
 31. Архив НМРК. Фонд наград.
 32. Архив ресвоенкомата. Книга со списками по вручению медалей 50 лет ВС СССР.
 33. НАРК. Ф. П-966. Оп. 2. Д. 30. Л. 27.
 34. Максимов К.Н. Новейшие исторические источники... С. 324–325.
 35. Очиров У.Б. Представители репрессированных народов Юга России – герои Великой Отечественной войны // Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы Российской научно-практической конференции (Элиста, 20–22 апреля 2010 г.). Элиста: Издательство Калмыцкого государственного университета, 2010. С. 22–25.
 36. Максимов К.Н. Великая Отечественная война... С. 345.

References

1. Smyslov O.S. Istorija sovetskih nagrad. M.: Veche, 2007. S. 149–151.
2. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – ijul' 1956 g. M.: Gosjurizdat, 1956. S. 265–266.
3. OBD "Podvig naroda". URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navPeople_search
4. OBD "Memorial". URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/>
5. НАРК. Ф. П-966. Оп. 2. Д. 30.
6. Nauchnyj arhiv KIGI RAN. F. 4. Op. 4.
7. Arhiv NMRK.
8. Arhiv resvoenkomata. Imennye spiski VOV. T. 1–6.
9. Maksimov K.N. Velikaja Otechestvennaja vojna: Kalmykija i kalmyki. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Nauka, 2010. 406 s.
10. Maksimov K.N. Novejšie istoricheskie istochniki po istorii Kalmykii perioda Velikoj Otechestvennoj vojny // Vojna v istorii i sud'bah narodov Juga Rossii (k 70 letiju nachala Velikoj Otechestvennoj vojny): Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Rostov-na-Donu, 1–2 ijunja 2010 g.). Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo JuNC RAN, 2010. S. 321–326.
11. Kalmykija v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy / Sost. M.L. Kichikov, L.P. Kozhenbaeva, A.I. Naberuhin i dr. 3-e izd., pererab. i dop. Jelista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005. 784 s.
12. Kalmykija v partizanskom dvizhenii 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy / Sost. V.Z. Atueva. Jelista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 432 s.
13. Pamjat'. Sanl. T.I. Jelista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 416 s.
14. Pamjat'. Sanl. T.II. Jelista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 442 s.
15. Pamjat'. Sanl. T.III. Jelista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005. 156 s.
16. Pamjat'. Sanl. T.IV. Jelista: Gerel, 2010. 492 s.
17. Kniga Pamjati [Jashkul'skij rajon]. 1941–1945 gg. 2-e izd., pererab. i dop. Jelista: ZAOr "NPP "Dzhangar", 2015. 460 s.
18. Soldaty Velikoj vojny: Spiski, biograficheskie spravki, foto uchastnikov i veteranov Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Chernozemel'skogo rajona Respubliki Kalmykija. Jelista: RIA Kalmykija, 2015. 120 s.
19. Soldaty Pobedy. T.I. Poimennyj spisok uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg., urozhencev Kalmyckogo rajona Rostovskoj oblasti / Sost. P. Je. Alekseeva. Jelista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005. 203 s.
20. Soldaty Pobedy. T.II. Poimennyj spisok voinov 110-j Otdel'noj Kalmyckoj kavalerijskoj divizii / Sost. P. Je. Alekseeva, A.T. Bajanova, S.A. Zajarnyj, L. Ju. Lancanova. Izd. 2-e, pererab. i

dop. Jelista: KIGI RAN, 2015. 373 s.

21. Shiroklag. Shirokstroj: Spiski kalmykov-voennosluzhashhih rjadovogo i serzhant-skogo sostava, otozvannyh s frontov v 1944–1945 gg. T. III. Kn. 1 / Sost. A.B. Bairova, T.Ch. Bembeeva, S.Je. Lidzhi-Gorjaeva, R.V. Nejachenko. Jelista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 2000. 294 s.

22. Mandzhiev N.C. Dostoin nagrazhdenija. M.: OOO "PRINT-PRO", 2015. 498 s.

23. Kichikov M.L. Vo imja pobedy nad fashizmom: Oчерки istorii Kalmyckoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Jelista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 208 s.

24. Mandzhiev N.C. Voiny iz Chilgira. Jelista: ZAO "NPP "Dzhangar", 2011. 80 s.

25. Hazikov N. Kursanty uchilis' na pole boja // Hal'mg ynn. 2015. 15 janvarja.

26. Dzhonov A. Sarang Dzhonov hrabro srazhalsja na Kurskoj duge // Hal'mg ynn. 2015. 19 ijunja.

27. Maksimov K.N. Velikaja Otechestvennaja vojna... S. 345.

28. NARK. F. P-966. Op. 2. D. 30. L. 27.

29. OBD «Podvig naroda».

30. Nauchnyj arhiv KIGI RAN. F. 4. Op. 4. D. 1. L. 181.

31. Arhiv NMRK. Fond nagrad.

32. Arhiv resvoenkomata. Kniga so spiskami po vrucheniju medalej 50 let VS SSSR.

33. NARK. F. P-966. Op. 2. D. 30. L. 27.

34. Maksimov K.N. Novejšhie istoricheskie istochniki... S. 324–325.

35. Ochirov U.B. Predstaviteli repressirovannyh narodov Juga Rossii – geroi Velikoj Otechestvennoj vojny // Vklad regionov Juga Rossii v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Materialy Rossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii (Jelista, 20–22 aprelja 2010 g.). Jelista: Izdatel'stvo Kalmyckogo gosuniversiteta, 2010. S. 22–25.

36. Maksimov K.N. Velikaja Otechestvennaja vojna... S. 345.

УДК 94(47).084.8

База данных калмыков – кавалеров ордена Славы: опыт составления и статистический анализ

Уташ Борисович Очиров

Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук,
Российская Федерация
358000, Республика Калмыкия, Элиста, улица Илишкина, 8
доктор исторических наук, доцент
E-mail: utash@elista.ru

Аннотация. Статья посвящена калмыкам-военнослужащим Красной армии, награжденным орденом Славы в период Великой Отечественной войны. Эта награда являлась так называемым «солдатским» орденом и ею награждались только рядовой и младший командный состав (в авиации также младшие лейтенанты) за подвиги, совершенные на фронте. «Тыловики» этот орден получить не могли, поэтому он среди солдат Красной армии считался самой почетной наградой.

Автор, опираясь на широкий круг источников, составил список калмыков-кавалеров ордена Славы и их краткие военные биографии. Базовым источником для составления списка послужили наградные листы, оцифрованные и выложенные в открытом доступе на сайте ОБД «Подвиг народа». Следует учесть, что при записи фронтовыми писарями и архивными работниками были допущены значительные искажения незнакомых для них калмыцких фамилий, имен, названий сел, районов и т.д., в результате чего один и тот же человек в 5 документах мог быть отражен под разными именами. Кроме того, поиск осложнило отсутствие в ОБД «Подвиг народа» опции «национальность», поэтому искать калмыков-кавалеров ордена Славы приходилось фактически «вручную». Полностью были изучены базы данных лишь по пяти регионам (Калмыцкая АССР, Ростовская, Астраханская и Волгоградская области, Ставропольский край), при этом опираться приходилось только на

калмыцкие имена. Если среди изучаемых персоналий были люди, имеющие полностью некалмыцкие фамилии, имена и отчества, то они в итоговый список почти не попали.

Затем автор, используя опубликованные материалы, архивные документы, беседы с информантами, проверял, дополнял, уточнял сведения о калмыках-кавалерах ордена Славы. Также удалось добавить в итоговый список еще несколько человек, призванных из других регионов СССР. На конечном этапе исследования список со всеми материалами был структурирован таким образом, чтобы его можно было обрабатывать при помощи программы ЭВМ. После этого база данных подверглась статистическому анализу, который позволил выявить среди изучаемых персоналий какие-то особенности и общие черты.

На данный момент в базе данных значится 95 калмыков, награжденных орденами Славы за годы войны и первые годы после нее. Список, скорее всего, не окончательный и будет пополняться, но вряд ли итоговые цифровые показатели изменятся существенно. Мы можем уверенно говорить о том, что орденом Славы был награжден каждый сороковой из оставшихся на фронте калмыков. Нет сомнения в том, если бы не ликвидация Калмыцкой АССР в 1943 г. и не высылка калмыков из числа рядового и сержантского состава в Широклаг, то последних среди кавалеров «солдатского» ордена было намного больше.

Ключевые слова: база данных, Великая Отечественная война, калмыки, Красная армия, орден Славы, солдаты.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 19, Is. 3, pp. 240-245, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.19.240
www.ejournal15.com

UDC 930

Review of Sources and Literature on the Activities of the Crimean Partisans during the Great Patriotic War

Denis A. Akhremenko

Bryansk regional public organization “Center for Social Sciences and Humanities
“Historical consciousness””

Russian Federation

Deputatskaya Street, Michurinsky, Bryansk region, 241524

E-mail: denis_akhremenko@histsoznanie.ru

Abstract

The article studies the evolution of the views of researchers on the partisan movement in Crimea during the Great Patriotic War. The author describes the opinions of the researchers, among whom there are both members of the partisan movement in the Peninsula, and professional historians. The article analyzes the concepts of researchers, defines their objective and subjective points of view, and assesses the role of the partisan movement in the liberation of the Crimean Peninsula.

Keywords: partisans, the Crimea, the Great Patriotic War, historiography, collaboration, I.Z. Vergasov, E.N. Shamko, V.E. Polyakov, O.V. Romanko, E.B. Melnichuk.

Введение

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны стало составной частью вооруженной борьбы советского народа против оккупантов и сыграло свою неоднозначную, но далеко не последнюю роль в достижении победы Советского Союза над нацистской Германией. Уже 29 июня 1941 г. советское руководство, понимая важность формирования партизанского движения и руководства им, издает директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б). В ней партийные и правительственные органы изложили свою программу развертывания партизанского движения.

В первый же год войны партизанское движение приобрело массовый характер. Об этом, например, свидетельствует тот факт, что к концу 1941 г. на оккупированных территориях действовало свыше 2 тыс. партизанских отрядов, которые насчитывали порядка 90 тыс. человек. А всего в годы войны партизанское движение охватило свыше 1 млн человек в 6 тыс. партизанских отрядов [1]. О роли партизан в достижении Победы свидетельствует тот факт, что за годы войны они уничтожили, ранили, либо захватили в плен свыше 1 млн солдат противника, вывели из строя более 4 тыс. танков и бронемашин, 65 тыс. автомашин, 1100 самолетов, разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов [2].

Партизанские отряды формировались не только на оккупированных противником территориях, но и на неоккупированных. При этом на неоккупированных территориях партизаны были подготовлены значительно лучше, так как они проходили обучение в специальных партизанских школах. Чаще всего такие отряды формировались из военнослужащих и перебрасывались в тыл врага. Особенно создание таких формирований было актуально для западных частей Украины и Белоруссии, так как среди жителей этих республик немалый процент составляли противники советской власти.

Партизанское движение носило массовый характер, но не повсеместный. Одной из главных причин этого были природно-географические условия. Обширные леса, болота, горы являлись основными районами базирования партизан. В степных районах партизанское движение такого масштабного характера не имело и приносило пользу лишь в ходе рейдов. Такие партизанские отряды избегали открытых столкновений с противником и старались нанести ему ущерб диверсиями. Основным объектом деятельности партизан в их борьбе с врагом стали коммуникации, особенно железные дороги. Немаловажную роль играла и разведывательная деятельность партизанских отрядов.

На территории Крымского полуострова партизанское движение начало формироваться уже в октябре 1941 г. До оккупации полуострова удалось сформировать порядка 30 партизанских отрядов, а 23 октября 1941 г. был создан Штаб партизанского движения Крыма. Партизаны активно действовали в период оккупации Крыма нацистами. За это время на полуострове действовало 62 партизанских отряда, которые уничтожили свыше 30 тыс. немецких солдат, 16 танков и свыше 2 тыс. автомобилей. А руководитель Севастопольского подполья В.Д. Ревякин был удостоен высокого звания Героя Советского Союза (посмертно) [3].

Материалы и методы

В ходе исследования был проведен анализ различных опубликованных исторических и историографических источников, посвященных развитию партизанского движения на территории Крымского полуострова в годы войны – мемуаров крымских партизан, работ советских, зарубежных и современных российских, в большей степени крымских историков. Методологической основой исследования стал принцип историзма, позволивший рассмотреть историографию партизанского движения в Крыму в ее развитии, в тесной взаимосвязи с общественными изменениями. В статье были использованы сравнительно-исторический и историко-системный методы. С помощью сравнительно-исторического метода путем сравнения взглядов различных авторов были выявлены особенности их подходов в изучении партизанского движения в Крыму. Историко-системный метод позволил рассмотреть развитие историографии проблемы целостно и комплексно.

Обсуждение и результаты

Тема деятельности партизанских отрядов и объединений в Крыму в годы Великой Отечественной войны в своем изучении прошла несколько этапов. Однако эта проблема до сих пор изучена в недостаточной мере.

Первым этапом стало издание мемуаров и художественных романов непосредственных участников партизанского движения в Крыму. Среди работ такого типа следует выделить роман-хронику И.З. Вергасова «Крымские тетради» [4]. Воспоминания И.З. Вергасова впервые вышли в 1949 г., неоднократно переиздавались, были переведены на Украине и в Румынии. Именно эти первые попытки изложения своих эмоций и своего видения развития партизанского движения в Крыму и стали предтечей будущих «Крымских тетрадей». Илья Захарович – активный участник партизанского движения в Крыму в годы Великой Отечественной войны. В своих мемуарах автор художественным языком описывает тяжелые будни советских партизан, повествует об их боевых операциях. Стоит отметить, что мемуары И.З. Вергасова находились под воздействием идеологии, ведущую роль в народной борьбе партизан против фашистских захватчиков мемуарист отдал партии. Тем не менее, мемуары крымского партизана дают возможность исследователям узнать больше о быте партизан, подробности их боевых операций и т.д. Все это делает «Крымские тетради» незаменимым трудом при изучении деятельности партизан Крымского полуострова.

Мемуары И.Г. Генова «Четыре времени года (дневник партизана)» [5] затрагивают хронологический период с сентября 1941 по сентябрь 1942 гг., когда партизанское движение в Крыму еще только зарождалось. Автор, Иван Гаврилович Генов – уроженец Крыма, еще в годы Гражданской войны принимал участие в партизанском движении, развернувшемся против сил Антанты и Белой армии. В годы Великой Отечественной войны И.Г. Генов возглавил соединение партизанских отрядов. В своей работе автор описывает, как организовывалась партизанская борьба против оккупантов на территории полуострова, как партизаны закалялись в борьбе с врагом, как учились на собственных ошибках. Как и большинство работ, вышедших в этот период, «Четыре времени года (дневник партизана)» центральную роль в партизанской борьбе с противником отводит партийным органам.

Изучение деятельности партизанских соединений на территории Крымского полуострова не представляется возможным без работ Е.Н. Шамко «Подвиги крымских партизан» [6] и «Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг.» [7]. Эти работы крымской партизанки и историка оказались в числе первых обобщающих трудов, дающих полное представление о развитии партизанского движения с 1941 по 1944 гг. В них показана его эволюция, начиная от этапа становления еще до оккупации Крыма и до превращения партизанского движения в мощную боеспособную силу в борьбе с оккупантами.

Особое место в историографии крымского подполья занимают мемуары И.А. Козлова «В крымском подполье» [8]. Иван Андреевич Козлов к началу Великой Отечественной войны уже имел опыт подпольной борьбы, полученный в годы Гражданской войны и интервенции странами Антанты. Его книга «В крымском подполье» в 1948 г. была удостоена Сталинской премии 3-й степени, и к тому времени уже выдержала четыре издания огромными тиражами. Это говорит о том, что книга была рассчитана больше на широкий круг читателей, чем на профессиональных историков. Тем не менее, она содержит ценную информацию об обстоятельствах борьбы партизан против фашистских оккупантов, о роли органов советской власти в координации этой борьбы.

Таким образом, в первые послевоенные десятилетия огромными тиражами выходила мемуарная литература о деятельности партизан Крымского полуострова в годы Великой Отечественной войны. В ней показана эволюция партизанского движения на территории полуострова, роль советских государственных и партийных органов в организации и координации действия партизанских соединений.

В значительно меньшей степени в советское время историей крымских партизан и подпольщиков занимались специалисты-историки. Связано это было с недоступностью многих архивных документов. Однако в 1980-е гг. попытки научного исследования партизанского движения были осуществлены в работе А.В. Басова [9]. В своей монографии историк исследовал боевые действия партизан и подпольщиков за Крым как один из важных стратегических плацдармов Великой Отечественной войны, осветив подвиги защитников Севастополя, Аджимушкая, борьбу других подпольных групп против немецких оккупантов. Работа А.В. Басова – это первая научная попытка исследовать вооруженную борьбу народных масс в целом, и партизанского движения в частности, против оккупантов. Однако историк не уделял внимания вопросам организации партизанского движения, партизанскому быту.

Исследования советского партизанского движения, в том числе и на территории Крыма, проводились и в английской историографии. Наиболее глубоким исследованием стала совместная монография бригадного генерала Чарльза Обри Диксона и историка Отто Гейльбрунна [10]. В книге исследуются методы борьбы партизан против немцев, контрмеры немцев против партизан, анализируется возможность борьбы англо-американских войск против советских партизан.

В последнее десятилетие тема деятельности крымских партизан и подпольщиков стала привлекать большее внимание со стороны историков. Связано это с так называемой «архивной революцией» 1990-х гг., а также с огромным интересом к истории Крымского полуострова в связи с воссоединением полуострова с Россией.

Огромный интерес к теме проявляет крымский краевед, кандидат исторических наук, призер конкурса «Сто лучших директоров школ Украины» Владимир Евгеньевич Поляков. За последние годы он опубликовал около 20 статей по партизанскому движению в Крыму, одну научно-популярную книгу. Одной из последних работ крымского краеведа стала

изданная в 2013 г. монография «Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг.» [11]. Сразу же после выхода монографии СМИ и историческое сообщество Крыма заявило о сенсационных открытиях, которые сделал историк в указанной работе. Однако при детальном изучении монографии В.Е. Полякова выясняется, что она содержит ряд домыслов и ошибок. Одним из первых на это указал О.В. Романько. В своей рецензии на монографию В.Е. Полякова он сделал вывод о том, что «несмотря на то, что об истории партизанского движения на территории Крыма он (В.Е. Поляков), в целом имеет представление, ему так и не удалось построить нормальную структуру для своей монографии». Также О.В. Романько справедливо указывает на наличие целого ряда ошибок «в фактологическом наполнении текста» [12]. Судя из названия книги, предметом исследования В.Е. Полякова является партизанское движение на территории Крымского полуострова в 1941–1944 гг. Тем не менее, он начал свою работу с объяснения самих понятий «партизан» и «партизанское движение», углубившись в историю полуострова с древнейших времен [13]. Историография вопроса в работе В.Е. Полякова сведена к краткому изложению использованных им книг. Достаточно ограничена и источниковая база, которую использовал историк в своей монографии, следует отметить, что она достаточно невелика: использованы только архивные материалы из Государственного архива Республики Крым, хотя автор монографии утверждает, что он пользовался архивными фондами Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации. Но ни одной ссылки на документы этих архивов в работе нет. Таким образом, вклад В.Е. Полякова в изучение темы партизанского движения на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны представляется преувеличенным.

Среди работ исследователей, посвященных изучению партизанского движения на территории Крымского полуострова в годы Великой Отечественной войны, следует отметить книгу Е.Б. Мельничука «Партизанское движение в Крыму (1941–1944)» [14]. Евгений Борисович Мельничук в годы Великой Отечественной войны сам, будучи мальчишкой, участвовал в партизанском движении на территории Житомирской области, партизаном был и его отец. В своей книге, основанной на архивных материалах и достижениях отечественной историографии, писатель подробно исследует все сферы жизни и деятельности партизан Крыма, боровшихся против немецких и румынских захватчиков вместе с Красной армией.

Научный интерес вызывает монография профессора Олега Валентиновича Романько «Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944» [15]. Несмотря на то, что в монографии рассматривается ряд вопросов, которые имели место в годы немецкой оккупации Крымского полуострова, партизанскому движению историк уделяет достаточно внимания. Книга О.В. Романько основана на базе обширного материала из российских, украинских, польских и немецких архивов. Исследуя партизанское движение на территории Крыма в годы войны, О.В. Романько приходит к выводу, что партизанское движение возникло как ответ советской власти на использование немцами национального фактора в своей пропаганде при формировании отрядов коллаборационистов [16]. На сегодняшний день указанная работа представляет собой наиболее полный труд, который дает исчерпывающее представление о движении Сопротивления в Крыму в годы Великой Отечественной войны.

Выводы

В статье проанализированы работы исследователей различного плана: это участники партизанского движения на Крымском полуострове, советские, зарубежные и современные российские историки. В мемуарах и в советской историографии, несмотря на идеологизированность подходов, в целом, верно отмечена роль крымских партизан в борьбе с нацистами и в освобождении полуострова. Тем не менее, участники партизанского движения и советские историки склонны завышать роль партии в организации партизанского движения и координации его действий. Зарубежные исследователи, в частности, Ч.О. Диксон и О. Гейльбрунн изучали партизанское движение в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны как потенциального противника, уделяя значительное внимание методам, способам и средствам борьбы партизан с врагом.

В последние 10–15 лет появилось огромное количество работ, посвященных рассматриваемой проблематике. Связано это с открытием архивов для исследователей и возросшим интересом к истории партизанского движения и Крымского полуострова в связи с 70-летием со Дня Победы и воссоединением Крыма с Россией. Современные российские историки при изучении партизанского движения в Крыму пытаются, в первую очередь, выяснить, какова была его роль в достижении Победы, каков был подлинный размах этого движения, и каковы были его движущие силы.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект №15-31-10158).

Примечания:

1. Пономаренко П.К. Непокоренные. М.: Знание, 1975. С. 5.
2. Пономаренко П.К. Непокоренные. С. 5.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 538.
4. Вергасов И.З. Крымские тетради. М.: Советский писатель, 1982. 648 с.
5. Генов И.Г. Четыре времени года (дневник партизана). М.: Воениздат, 1969. 176 с.
6. Шамко Е.Н. Подвиги крымских партизан. М.: Воениздат, 1964. 156 с.
7. Шамко Е.Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь: Крымиздат, 1959. 160 с.
8. Козлов И.А. В крымском подполье. М.: Молодая гвардия, 1948. 352 с.
9. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987. 336 с.
10. Диксон Ч., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 291 с.
11. Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. 488 с.
12. Романько О.В. Крымские партизаны без ретуши, или может ли научная форма сделать научным содержание // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 27 (66). 2014. № 3. С. 26.
13. Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. С. 7–13.
14. Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму (1941–1944). Львов: Гриф Фонд, 2008. 163 с.
15. Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. 100 с.
16. Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. С. 176.

References:

1. Ponomarenko P.K. Nepokorennye. M.: Znanie, 1975. S. 5.
2. Ponomarenko P.K. Nepokorennye. S. 5.
3. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. Jenciklopedija. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1985. S. 538.
4. Vergasov I.Z. Krymskie tetradi. M.: Sovetskij pisatel', 1982. 648 s.
5. Genov I.G. Chetyre vremeni goda (dnevnik partizana). M.: Voenizdat, 1969. 176 s.
6. Shamko E.N. Podvigi krymskih partizan. M.: Voenizdat, 1964. 156 s.
7. Shamko E.N. Partizanskoe dvizhenie v Krymu v 1941–1944 gg. Simferopol': Krymizdat, 1959. 160 s.
8. Kozlov I.A. V krymskom podpol'e. M.: Molodaja gvardija, 1948. 352 s.
9. Basov A.V. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945. M.: Nauka, 1987. 336 s.
10. Dikson Ch., Gejl'brunn O. Kommunisticheskie partizanskie dejstvija. M.: Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1957. 291 s.
11. Poljakov V.E. Partizanskoe dvizhenie v Krymu 1941–1944 gg. Simferopol': IT «ARIAL», 2013. 488 s.

12. Roman'ko O.V. Krymskie partizany bez retushi, ili mozhet li nauchnaja forma sdelat' nauchnym sodержanie // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki». T. 27 (66). 2014. № 3. S. 26.
13. Poljakov V.E. Partizanskoe dvizhenie v Krymu 1941–1944 gg. S. 7–13.
14. Mel'nichuk E.B. Partizanskoe dvizhenie v Krymu (1941–1944). L'vov: Grif Fond, 2008. 163 s.
15. Roman'ko O.V. Krym v period nemeckoj okkupacii. Nacional'nye otnoshenija, kollaboracionizm i partizanskoe dvizhenie. 1941–1944. M.: Centrpoligraf, 2014. 100 s.
16. Roman'ko O.V. Krym v period nemeckoj okkupacii. Nacional'nye otnoshenija, kollaboracionizm i partizanskoe dvizhenie. 1941–1944. S. 176.

УДК 930

Обзор источников и литературы о деятельности крымских партизан в годы Великой Отечественной войны

Денис Анатольевич Ахременко

Брянская региональная общественная организация
«Центр изучения общественных и гуманитарных наук
«Историческое сознание»»
Российская Федерация, Брянская область, Брянский район,
п. Мичуринский, ул. Депутатская, д. 6, 241524
E-mail: denis_akhremenko@histsoznanie.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается эволюция взглядов исследователей партизанского движения в Крыму в годы Великой Отечественной войны. Автор характеризует взгляды исследователей, среди которых были как участники партизанского движения на полуострове, так и профессиональные историки. В статье анализируются концепции исследователей, выделяются их объективные и субъективные точки зрения, оценивается роль партизанского движения в освобождении Крымского полуострова.

Ключевые слова: партизаны, Крым, Великая Отечественная война, историография, коллаборационизм, И.З. Вергасов, Е.Н. Шамко, В.Е. Поляков, О.В. Романько, Е.Б. Мельничук.